

Лучанинов
Александр

ГДЕ ОНИ ВСЕ

2017

Обычный программист из силиконовой долины Феликс Ходж отправляется в отдаленный уголок Аляски навестить свою бабушку. Но его самолет терпит крушение. В отчаянной попытке выжить Феликс борется со снежной бурей и темной стороной себя, желаящей только одного — конца страданий. Потеряв всякую надежду на спасение, герой находит загадочную хижину и ее странного обитателя. Что сулит эта встреча, и к каким катастрофическим последствиям она может привести?

Александр Лучанинов

Где они все?

Часть первая

Борода

— Мистер Бриггс? — Феликс стоял в дверях и нервно потирал руки. Общение с людьми не входило в список его сильных сторон, и ситуация значительно усложнялась, когда ему приходилось говорить с незнакомцами.

Ральф оторвался от поедания огромного, как и он сам, сэндвича со свиной, поднял глаза и оценивающе посмотрел на парня.

— Смотря кто спрашивает. — голос его был подобен грому в тихую ночь и гулким эхом разнесся по полупустой столовой.

— Меня зовут Феликс Ходж, — промямлил паренек, — я с вами вчера по телефону договаривался.

Ральф напряг заострившие извилины, которые были явно не в настроении работать. Надвигающаяся непогода всегда вызывала у него еле заметную, но надоедливую головную боль.

— А, помню, помню. Еще не передумали?

— Нет, сэ, — уверенно кивнул Феликс.

— Это что еще такое? — возмутился здоровяк. — Какой я тебе сэ, я что, на англичанина похож?

— Н-нет, сэ, — замялся Ходж.

— Ну вот, опять, — Ральф подошел к парню. — Раз уж мы с тобой полетим в моей колымаге, то, считай, стали одной семьей, — он протянул руку, своими размерами больше напомиравшую медвежью лапу, — можешь звать меня просто Ральф.

— Феликс Ходж, — его рука буквально утонула в «медвежьей лапе», — можете называть меня как захотите. Позвольте поинтересоваться, а когда мы вылетаем?

— Ха-ха! С места в карьер? Мне нравится. Вот как покончу со своим законным перекусом, так и... — он не стал договаривать, а просто запихнул сэндвич себе в рот и принялся его тщательно пережевывать.

Погода в Анкоридже была на удивление спокойной для этого времени года. Снег изредка срывался с облаков, но взлетная полоса еще была чистой, и Феликс надеялся, что успеет подняться в воздух, пока все кругом не замело. Синоптики обещали сильный снегопад, и никто из местных частников, кроме здоровяка Ральфа, не рисковал летать в такое время.

— Когда-нибудь летал на таком? — спросил пилот, как только они подошли к самолету.

— Нет, сэ-э... мистер Бриггс.

Пилот рассмеялся и ударил Феликса по плечу. Удар был настолько сильным, что парень отшатнулся, но Ральф этого даже не заметил.

— Кидай свои манатки на задние сидения, тебя ждет незабываемое приключение! — рекламным голосом продекламировал он, залезая в кресло. — Это «Сессна-206», парень, единственный и самый лучший самолет, на котором мне доводилось летать.

— А вы уверены, что он надежный? — поинтересовался Феликс. Сомнения его были весьма оправданы. Возможно, пилот и был прав насчет удивительных характеристик данного летательного аппарата, но для постороннего зрителя он выглядел, мягко говоря, потрепанным.

— Уверен ли я? — Ральф что-то нажал на приборной панели, винт сделал пару оборотов, мотор чихнул и затих. — Твою ж мать! Секунду, — он вылез из кабины, открыл капот и по пояс ушел в образовавшуюся дыру. Спустя пару секунд мотор закричал, издал жалобный стон, но все же завелся.

— Уверен ли я? — продолжил Ральф, закрывая капот. — Парень, учитывая, что мы будем переть через горы, да еще и наперегонки с бурей, то я молюсь на эту малышку. Тебе, кстати, тоже не помешало бы. Ты вообще в бога веришь?

— Нет, сэр, я считаю это все старыми сказками, — ответил Феликс и тут же пожалел об этом.

— Сказками? — Бриггс сделал шаг вперед, и их лица оказались на расстоянии всего нескольких сантиметров. — Ты на Аляске, Ходж, здесь нет такого слова, как сказки. Люди в этих местах живут, в основном, изолированно, и, случись что, надежды на спасение с большой земли ждать не стоит. Приходится верить во все что угодно, лишь бы выжить помогло. Поэтому оставь свой городской гонор здесь и, будь добр, залезая в мой самолет, попроси Всевышнего о мягкой посадке.

Ральф снова хлопнул Феликса по плечу и запрыгнул в кресло пилота.

— Ну? Чего стоишь, как истукан? — Бриггс пытался перекричать разревевшийся не на шутку двигатель самолета. — Только сзади обходи, а то в винт затянет, потом самолет хрен отмоешь.

Феликс растеряно кивнул, он был под впечатлением от этой странной речи пилота. Просить человека, до смерти боящегося летать, помолиться перед взлетом — не самая лучшая идея. Каким бы хорошим пилотом ни был Ральф Бриггс, психолог из него явно неважный.

Двигатель начал набирать обороты. «Сессна» прокатилась по небольшой асфальтовой дорожке к взлетной полосе и остановилась.

— Ну что, ты готов?

— Нет, — лицо Ходжа было бледнее снежинок, изредка садившихся на лобовое стекло самолета.

Обветренные, покрытые коркой губы Ральфа растянулись в довольной улыбке, обнажая кривые и желтоватые зубы.

— Тогда держись крепче!

Двигатель «Сессны» взвыл, набирая обороты. Старенький одномоторный самолет несся по взлетной полосе, содрогаясь, вибрируя и скрипя от малейших неровностей бетона. Он был потрепан, но все равно рвался в небо. Он хотел летать.

— Все в порядке? — взволнованно поинтересовался Ходж, наблюдая неумолимое приближение конца взлетной полосы.

— Не ссы, пацан, — проревел Ральф и с усилием потянул штурвал на себя.

Самолет на мгновение оторвался от земли, затем на прощание еще раз чиркнул шинами о бетонное покрытие и взмыл ввысь.

Феликс нервничал, он то и дело потирал ладонями свои колени. Бриггс заметил странное поведение своего пассажира и, дернув его за рукав, указал на наушники. Ходж кивнул и, надев их, тут же услышал спокойный голос пилота.

— Ты не волнуйся, все идет хорошо. В нашем деле самое сложное — это взлететь. Ну и сесть после этого, конечно. А все, что между, — просто прогулка по парку. Видишь, — Ральф ткнул пальцем в приборную панель, — мы уже почти на нужной нам высоте. Дальше

только прямо, ну, кроме гор, там придется попетлять немного, а так все отлично. Ветра практически нет, если выше не взлетать...

— А почему эта лампочка мигает? — прервал Феликс неудачную попытку успокаивающей беседы и указал на хаотично загоравшийся красным диод.

— Эта, что ли? — Ральф аккуратно стукнул индикатор своим кулачищем, и тот тут же погас. — Засранец частенько меня дразнит. Да ты расслабься, просто проводка коротит, никак не соберусь починить.

Такие методы борьбы с боязнью полетов были явно не сертифицированы и, скорее, вели к ее усилению, чем наоборот. Во всяком случае, ладошки Феликса снова вспотели, а в голове то и дело проносились ужасные фотографии с мест авиакатастроф.

— Так это, ты к нам на отдых или как? — Бриггс кивнул на лежавшие на заднем сидении большую вещевую сумку и рюкзак. — А то сейчас не сезон, да и, по правде говоря, мало кто ездит в Ик отдыхать. Я бы даже сказал никто. Или ты из этих, которые... как их там... которые намотрятся по телеку передач всяких и ломятся в лес выживать в дикой природе?

— Идиоты? Нет, мистер Бриггс, я не из этих, — Ходж улыбнулся, но это была натянутая и нервная улыбка, — у меня бабушка живет в Ике. К ней и добираться.

— Да-а, — протянул Ральф, — забралась старушка, ничего не скажешь. Сам-то не здешний?

— Нет, сэ-э, мистер Бриггс, я из Калифорнии. Силиконовая долина, может слышали?

— Да что-то припоминаю, с компьютерами возишься?

— Ага, — Феликс кивнул.

— Ну и бог с ними, я в этом ни черта не понимаю, — Ральф небрежно махнул рукой, — так что там с бабушкой твоей? Приболела?

— Нет, что вы, надеюсь, что нет. Моя мама, то есть ее дочь, погибла в авиакатастрофе, и я лечу сообщить ей об этом. Не хотелось такое по телефону говорить, возраст, сами понимаете, да и проведать ее было бы неплохо.

Самолет слегка тряхнуло, и Феликс вжался в сидение с такой силой, что его лицо покраснело от прилившей к нему крови.

— Тише, парень, тише, это всего лишь ветер. Дальше будет веселей, когда горы перелетим. Я покажу тебе заповедник, там сверху все отлично видно, и озеро, и лес. Загляденье просто! Правда, сейчас там смотреть не на что. Не сезон. Но сверху все красивее, да?

Самолет еще раз тряхнуло, но Феликс отнесся к этому спокойнее, либо пилоту все-таки удалось немного сбавить напряжение, либо он уже просто привык к болтанке. Так или иначе, под размеренный гул мотора, прорывавшийся через наушники, и плавные покачивания, обеспеченные надвигающейся бурей, нервы Ходжа, потрепанные перелетами через всю страну, потребовали законного отдыха, и он сам не заметил, как уснул.

Ему снилось, что он плывет на маленькой лодочке посреди бескрайних морских просторов, вода была невероятно синей, такой синей, какой она может быть только во сне. Ходж наслаждался каждым мгновением этого странного, наполненного умиротворением и синевой плавания.

Но вот на горизонте появились тучи, они медленно затянули все небо и приобрели темный свинцовый оттенок. Грянул гром, волны становились больше, и лодка, словно дикая газель, заскакала с одного гребня на другой. Первые капли дождя упали Феликсу на лицо, он

вытер их ладонью и обнаружил, что это вовсе не вода, а кровь. Все море из лазурно-синего мимолетно стало багровым. Волны были настолько большими, что лодка по сравнению с ними казалась блохой, медленно переползающей через небоскребы. Титанические багровые гребни один за другим нависали над крошечным человеком. Ветер волком выл в ушах и заглушал мысли. Наконец, самая большая волна вздыбилась, на секунду замерла в высшей точке и накрыла Ходжа с головой. Он проснулся.

— С добрым утром, спящая красавица, — Ральф хмыкнул, но в его глазах читалось беспокойство, — мы уже перевалили через хребет. Видишь, вон там снизу?

Феликс выглянул в окно. Горы остались немного позади, и теперь самолет летел над небольшим озером. Буря медленно подступала откуда-то справа.

— Это озеро Уайтфиш. Впечатляет?

— Впечатляет, — без особого запала ответил Ходж, его мысли еще были заняты странным сном.

— Я раньше частенько туристов здесь катал. Красивые места, — Ральф окинул взглядом водную гладь и тяжело вздохнул.

— А почему перестали? — спросил Феликс.

— Да как-то интерес подрастерял. Рутинка заела, понимаешь? Летай туда-сюда, тараторь одно и то же... В общем, надоело. Сейчас только таких, как ты, иногда вожу, так, кровь разогнать. Да и, по правде говоря, мое корыто, — он хлопнул ладонью по штурвалу, — слишком уж прожорливое в плане денег. То замени, там подкрути, и пол зарплаты как корова языком.

Самолет тряхнуло, и на этот раз толчок был такой силы, что рюкзак Феликса, лежавший на заднем сидении, свалился на пол.

— Не паниковать, — Ральф улыбнулся, но это был вовсе не веселый и уверенный оскал, как раньше, — всего лишь единичный порыв, ничего страшного.

Ходж ему не поверил, он всем своим нутром ощущал неприятности, надвигавшиеся на них одной огромной багровой волной из сна. И оказался прав. Толчок повторился, а за ним еще один.

— Как-то слишком много единичных порывов, вам не кажется?

— Теперь кажется! — Ральфу не хотелось этого признавать, но парень был прав. Шатало их гораздо сильнее, чем должно было. Самолет мотался из стороны в сторону, как мотылек, пролетая над бурной рекой.

— Не судьба тебе сегодня к бабульке добратся. Буря догнала, не долетим.

Ральф вцепился в штурвал в попытках выровнять самолет, но удерживать курс с каждой минутой становилось все сложнее. Ветер трепал старую «Сесну», не зная жалости. Фюзеляж стонал и потрескивал.

Сердце Феликса билось с невероятной частотой, заглушая своим стуком матерщину пилота. Неужели судьба так неблагоприятна к нему? Прошла всего пара дней с похорон его матери, а он уже оказался в ее положении. У жизни явно извращенное чувство юмора.

Турбулентность подхватила самолет, подбросила его вверх, а затем отпустила. Ходж с трудом удержал содержимое своего желудка внутри. Как только «Сесна» закончила свой стремительный подъем и гравитация снова потянула вниз, рюкзак Феликса перелетел через спинку переднего сидения и огрел Ральфа по затылку.

— Черт его дери! — Бриггс схватил поклажу и со всей силы швырнул назад. — Вот это болтанка, я понимаю. Нет, до Ика никак, придется разворачиваться. Здесь недалеко к югу

есть взлетка, в порте Алсворт. Надеюсь, дотянем.

— А что если не дотянем? — Феликс одной рукой уперся в потолок, а второй держался за сидение, но его все равно качало так сильно, что он то и дело бился головой об иллюминатор.

— Что-что? Будем садиться где попало, но если хочешь, можешь так, на ходу сигануть, — на этот раз Ральф и не думал смеяться. Он повернул штурвал, и самолет накренился влево. Развернувшись, «Сессна» взяла курс на юг, а сзади ее уверенно нагоняли свинцовые тучи.

— Порт Алсворт, прием! — Бриггс пялился на рацию в ожидании ответа, но его не было. — Порт Алсворт, это дельта пять два пять, как слышите? — По-прежнему тишина. — Да что ж они там все, повымерли, что ли? Нет, ну это хамство, а вдруг у нас что-то сломалось бы?

Вселенная будто услышала его слова, и на приборной панели снова загорелась красная лампочка. Бриггс привычно ударил по ней кулаком, но на этот раз красный огонек не погас.

— А вот это уже совсем хреново, — только и успел сказать пилот, как двигатель издал странный, похожий на липкий старческий кашель, звук.

— Мы что, падаем? — спросил Ходж, но Ральф не ответил, он сосредоточенно щелкал переключатели. — Я не хочу умирать, мистер Бриггс, только не так. Это нечестно.

— Да тихо ты! Не падаем мы, а просто планируем.

— Но ведь без двигателя мы долго не сможем, да?

Несмотря на то, что в последнее время Феликс много читал про самолеты, от пилотирования ими он по-прежнему был далек и не понимал многих связанных с этим вещей.

— Это зависит... — начал было объяснять Ральф, но двигатель снова чихнул, пропеллер сделал пару оборотов и остановился. — ...Теперь недолго. Попробую найти поляну для посадки, ты тоже смотри. Если увидишь — кричи.

Феликс кивнул и, не моргая, уставился в иллюминатор. Снизу раскинулся плотный хвойный лес. Густая зеленая щетина деревьев неумолимо приближалась, заставляя сердце биться чаще.

— А что, если не будет полянки? — спросил Ходж, не прекращая поиски.

— Тогда просто кричи!

Теоретически небольшие шансы выжить при таком падении были, но, зная свое везение, Феликс на это не рассчитывал. Он сидел, смотрел на приближающуюся землю и молился. Молился неумело, неловко, как мог. Это была его первая попытка поговорить с богом.

Бриггс в свою очередь проклинал себя за то, что не заботился как следует о своей «Сессне», что бросил туристический бизнес, ведь, по правде говоря, ему очень нравилось летать туда-сюда и тараторить одно и то же, но в первую очередь он проклинал тот телефонный звонок.

«Алло, это Ральф Бриггс? Я хотел бы купить ваши навыки пилота».

Если бы не этот компьютерщик Ходж, он бы сейчас спокойно сидел у себя дома, допивал очередную банку светлого и смотрел ток-шоу по ящику.

Самолет уже потерял добрую часть высоты и продолжал снижаться. По мере того как скорость «Сессны» уменьшалась, болтанка в кабине становилась все сильнее и сильнее. Феликс уже мог различить отдельные ветки на верхушках деревьев. Спасительной поляны видно не было.

Бриггс пытался продлить драгоценные секунды полета, он толкал штурвал вперед, а затем, когда под действием силы тяжести самолет набирал скорость, снова тянул его на себя, сохраняя тем самым жизненно важную высоту. Вверх-вниз, вверх-вниз, но исход оставался один.

Первая ветка царапнула днище самолета, шелест прокатился по кабине, и Феликс с ужасом вжался в свое кресло.

— Я не хочу умирать, — повторял он полусшепотом, — я не хочу умирать, я не хочу умирать.

Еще несколько веток прошли по фюзеляжу, оставляя слегка заметные царапины на краске. Трение окончательно съело оставшуюся скорость, и самолет, больше не в силах планировать, нырнул в зеленое море.

Бесчисленные хвойные «руки» заколотили по лобовому стеклу, пытаясь прорваться внутрь. «Сессна-206», 1985-го года выпуска, словно белый метеор пробивалась сквозь заросли национального парка Лэйк Кларк. Ее триумфальное падение было недолгим, по крайней мере, так показалось Феликсу. Когда самолет зацепился крылом за ствол ели, старые заклепки, измученные многочисленными полетами, не выдержали, и фюзеляж разорвало. Толчок был такой силы, что потерявшего от перегрузки сознание Феликса вместе с сидением, к которому он был пристегнут, выкинуло наружу. Наступила тьма.

* * *

Циклон, о котором еще вчера утром предупреждали синоптики, окончательно накрыл юг Аляски. Плотные тучи не давали слабым солнечным лучам дотянуться до земли. Температура падала. Мелкие снежинки срывались с неба и, подхваченные завывающим ветром, устремлялись вниз.

Феликс пришел в сознание от невыносимой боли в правой руке. Он застонал и, открыв глаза, обнаружил себя до сих пор сидящим в кресле. «Неужели жив?» — подумал он и осмотрелся по сторонам.

Судя по всему, зацепившийся крылом за дерево самолет резко развернуло, и Феликс по инерции, подобно пуле, вылетел из кабины. Ветки замедлили падение, и, в конечном итоге, ремень безопасности зацепился за одну из них. Ходж не знал, сколько он так провисел, но из-за того, что висел он вверх тормашками, казалось, будто вся кровь в его организме прилила к голове.

Правая рука ныла и горела огнем. Феликс напряг живот, согнулся и увидел, что она зажата между деревом и металлическим каркасом кресла.

— Твою мать, — процедил он сквозь зубы и снова повис вниз головой.

«Ситуация хуже некуда, — подумал он, — если я не выберусь из этого чертового кресла, то либо получу кровоизлияние в мозг, либо сдохну от обморожения».

Он перебирал возможные варианты спасения. Ни один из них ему не нравился, но делать было нечего, инстинкт самосохранения диктовал свои правила.

Ходж решил, что в первую очередь нужно высвободить руку, иначе дела не будет. Он стиснул зубы и уперся в ствол дерева, затем, задержав дыхание, со всей силы оттолкнул кресло. Поврежденная конечность выскользнула из своего капкана и безжизненно повисла у головы. Приступ боли, последовавший незамедлительно, пронзил мозг, как копьё, ударил в

самое ценное — сознание. Феликс не выдержал и опять отключился.

Когда он снова пришел в себя, уже начинало темнеть, и отдельные снежинки, срывавшиеся с неба, превратились в настоящий снегопад.

Боль в правой руке сменилась новым ощущением. Миллионы иголок кололи кожу, будто он всю ночь спал на бедной конечности, и от этого она совсем занемела.

«Неестественный изгиб, — подумал Феликс, аккуратно рассматривая руку, — скорее всего, перелом. Пальцы посинели, интересно, почему? Хотя, не важно, это все равно плохо. Ладно, некогда сопли жевать, нужно как можно быстрее слезть с этой дурацкой елки и найти остатки самолета. Может быть, Ральфу тоже удалось выжить?»

Работающей рукой Феликс потянулся к ремням, все это время удерживавшим его в таком странном и неудобном положении. Удивительно, но механизм крепления совсем не пострадал, замок щелкнул и легко раскрылся. Падая, Ходж зацепился ногой за толстую ветку на высоте полутора метров над землей, сделал в воздухе полный оборот, и грохнулся в сугроб. К счастью, свежевывавший снег смягчил падение.

Феликс неуверенно встал на ноги и вытер лицо.

— Фух, — выдохнул он с облегчением, — вроде жив.

Проверив себя на наличие новых переломов, он убедился, что все в порядке.

— Теперь нужно найти самолет или то, что от него осталось.

Ходж осмотрелся. Понять нужное направление было не трудно, след из обломанных веток и кусков «Сессны» был более чем заметен. Борясь с головокружением (кровь, давившая на мозг, снова ушла в ноги), Феликс побрел вперед.

Место падения не вызывало сомнений, в такой каше из металла и стекла не мог выжить никто, но нужно было убедиться наверняка, а заодно и забрать свои вещи. Феликса интересовал его мобильник, который он выключил и отложил подальше в рюкзак перед взлетом. После того как мать погибла в авиакатастрофе, он решил, что будет каждый раз выключать все электронные устройства на время полета. Так, на всякий случай. Не помогло.

Доковыляв до обломков «Сессны», Феликс заглянул в то, что когда-то было кабиной, — увиденное его не обрадовало. Некогда человек-гора, Ральф Бриггс все так же сидел в кресле пилота. Его смуглая кожа уже успела посинеть, а руки мертвой хваткой сжимали штурвал. Но самое страшное произошло с черепом: его попросту не было. Из жизнерадостного здоровяка Ральф превратился во всадника без головы, оседлавшего свою старую «Сессну» на пути в ад.

— Ах ты ж... — Ходж в ужасе отшатнулся, споткнулся о собственный рюкзак, который уже порядком замело, и сел в снег. — Черт тебя дери, мистер Бриггс. Даже после смерти ты продолжаешь меня пугать. С другой стороны, ты это заслужил. Теперь будешь знать, что случается с людьми, которые не хотят ухаживать за своими самолетами.

Очистив от снега рюкзак (задача оказалась не из легких для однорукого), Феликс открыл его, порылся в содержимом и извлек на свет спасительный мобильник.

— Хуже быть уже не может, да, Феликс? А как тебе такое? — пятидюймовый экран корейского флагмана был покрыт плотной паутиной трещин.

Ходж нажал на кнопку включения и подождал пару секунд; ничего не произошло. По-видимому, в телефоне сломался не только экран.

— И что теперь? — начал он думать вслух, сидя в снегу. — Где искать помощь? Ральф говорил, что мы летели над каким-то заповедником. Может, лесник увидел, как мы падаем, и вызвал спасателей? Сомневаюсь. Если бы здесь неподалеку была хижина, то я бы заметил

дым над лесом. Не может ведь он жить без печки? Нет, сидеть и ждать спасения, которое может и не явиться, — верная смерть, нужно двигаться. А что насчет порта? Как его там... Алсворт? Ральф сказал, что это недалеко отсюда, на юге вроде бы. Вспоминай, Феликс, вспоминай! Точно на юге. Это уже лучше, может быть, смогу туда дойти на своих двоих. Осталось только понять где здесь юг. Черт побери, говорила тебе мать в скауты идти, зачем не послушался? Сейчас, как заправский выживальщик, наложил бы себе шину, нашел, где юг, и быстренько выбрался из всего этого дерьма. Ладно, нет времени себя жалеть, нужно действовать.

Ходж засунул мобильник обратно в рюкзак, встал, накинул его на плечо и подошел к остаткам самолета.

На приборной панели должен был быть компас, и он там был. Стиснув зубы, Ходж пролез между телом Ральфа и лобовым стеклом, отстегнул ремни, которыми пилот был пристегнут, и стянул труп на снег. Тело уже успело окоченеть и, упав, осталось лежать, держа отломившийся при падении штурвал.

Сев на место пилота, Феликс пробежался взглядом по приборам. Найдя спасительный компас, он обнаружил, что, к великому сожалению, тот был привинчен болтами к панели. Отвертку искать в этом беспорядке смысла не было, даже если таковая и имелась.

Не придумав ничего умнее, Ходж со всей силы саданул в стекло, защищавшее компас от пыли и грязи, ногой, оно треснуло и высыпалось на пол. Лучше от этого не стало. Прибор по-прежнему крепко держался на своем месте.

— Ладно, будь по-твоему. Можешь оставаться здесь и зарастать мхом, а я направляюсь в порт Алсворт.

Хоть Феликсу и не удалось извлечь компас из крепления, но у него получилось определить примерное направление своего дальнейшего движения. Надежда на то, что он пешком в такую погоду дойдет до цели, была маленькой, но шансы выжить в авиакатастрофе еще меньше, а значит, удача была на его стороне. Оставалось только не упустить ее.

Он согнул сломанную руку в локте и закрепил ее в таком положении лямкой рюкзака, затем поправил капюшон куртки, тяжело вздохнул и двинулся в путь.

Дорога предстояла долгая, ведь он не знал, что даже если бы ему удалось сохранять направление без вспомогательных приборов (а в лесу это практически невозможно), то примерно через двадцать километров ходьбы по пересеченной местности он бы уперся в озеро Кларк, на берегу которого и находится порт Алсворт. На противоположном его берегу.

Ходж шагал через заснеженный лес Аляски, согнувшись вперед, под постоянным натиском разбушевавшейся погоды. Ледяной ветер острыми как бритва снежинками хлестал по лицу. Солнце, свет которого блокировался тучами, скрылось за горизонтом, погрузив лес в темноту. Шаги давались с трудом, толстый слой снега явно был против человеческого присутствия и всячески мешал идти.

Несмотря на то, что температура продолжала падать, вся спина Феликса была покрыта крупными каплями пота. Рука снова разболелась, но теперь боль расползлась от кончиков пальцев до самого плеча.

— Просто иди, — бурчал он себе под нос, вяло шагая по темному лесу, — иди и не останавливайся. Движение — жизнь. Остановка — смерть. Помнишь, как ты смотрел по Discovery те передачи? Они же смогли выжить, чем ты хуже? Просто нужно дойти во-о-н до того дерева. Вот так, шаг, еще один. Видишь? Не так уж и сложно. Теперь до следующего.

Вдруг деревья, за которые так сильно цеплялось сознание Феликса, исказились. Ели

устроили какой-то дикий ритуальный танец и неудержимым хороводом закружились вокруг. Очередной приступ боли в руке был просто невыносим, и Ходж, закатив глаза, упал в снег. Вьюга тут же принялась заметать его тяжело дышавшее тело.

* * *

— Мистер Моусли, можно? — спросил Феликс, стоя на пороге директорского кабинета. Помещение было небольшим, стены из не штукатуренного красного кирпича с развешанными на них фотографиями семьи и различного рода мотиваторами, пара светильников и стол со стульями по обе его стороны. От остального офиса кабинет отделяла большая перегородка из толстого стекла.

— А? Да, конечно, заходи. И перестань все время меня мистером называть, — Питер Моусли сидел за своим столом и что-то набирал на клавиатуре, — у нас же стартап, а не какая-нибудь многомиллионная корпорация. К чему весь этот официоз?

— Извините, — Ходж подошел к директорскому столу, — просто старая привычка, от которой сложно избавиться. Я ко всем, кто старше меня или по возрасту, или по должности, так обращаюсь. Мне мать всегда в детстве говорила: «Вежливость города берет», вот и прилипло.

— Точно, мать, — лицо Моусли мгновенно приобрело серьезный оттенок, — я слышал, она летела на том самолете.

— Да, сэр, — Феликс растерянно сел. На секунду в кабинете воцарилось неловкое молчание.

— Соболезную твоему горю, — директор захлопнул ноутбук, — могу я чем-нибудь помочь?

— Да, сэр, — повторил Ходж, — я бы хотел взять отпуск на неделю, проведать бабушку. Она еще не знает и...

— Во-первых, — перебил его Моусли, — считай, что с этой минуты ты в оплачиваемом недельном отпуске, и, во-вторых, перестань сэркать. Я всего на два года тебя старше, зови меня Питер, хорошо?

— Хорошо, — Феликс поднялся, поправил пиджак, единственный в этой компании, и, выходя из кабинета, остановился в дверях, — спасибо, Питер.

— Да не за что, счастливо тебе отдохнуть.

* * *

Ходж открыл глаза и обнаружил, что за ночь превратился в натуральный сугроб. От теплого дыхания внутренний слой снега подтаял и образовал своеобразный кокон, сохранявший тепло.

Сквозь белые стенки «спальни» просвечивало солнце. Все тело затекло, болели даже те мышцы, о существовании которых Феликс и не подозревал. Рука разболелась хуже вчерашнего, и появилось странное ощущение пульсации. Шевелиться не было ни сил, ни желания.

«Надо!» — подумал Ходж, собрал всю свою волю в кулак, приподнялся, встал на колени

и выбрался из сугроба.

Буря закончилась. Всего за одну ночь лес из зеленого превратился в белый. Феликс вдохнул свежий морозный воздух и закашлялся. Его не покидало ощущение, будто вчера он изрядно напился, и теперь у него похмелье. Голова будто набита ватой, желудок крутит, а во рту явно кто-то ночью нагадил.

Стряхнув с лица и одежды снег, он, пошатываясь, встал на ноги и огляделся вокруг. Его следы, естественно, замело, и он не имел ни малейшего понятия, откуда пришел и куда нужно идти дальше.

— Хреново, — сказал он вслух, надеясь, что звук собственного голоса поможет прийти в чувство, — и что теперь?

— Надо было все-таки вытащить компас, идиот, — тут же ответил он сам себе, передразнивая басовитый голос Бриггса.

— И как, по-твоему, я должен был это сделать?

— Руками.

— Вот иди и сам его вытаскивай, раз такой умный, — рюкзак, висевший все это время у Феликса на спине, завибрировал.

— У меня башки нет, как я тебе его вытащу? Сам-то вон, даже ходить можешь, вот и постарался бы.

— Да привинчен он, ПРИ-ВИН-ЧЕН. Не мог я его руками достать!

— А ты особо-то и не пытался...

Тем временем вибрация стала настолько раздражающей, что Феликс скинул рюкзак на землю и начал рыться в нем в поисках ее источника. Им оказался мобильный телефон. Феликс нервно нажал на кнопку ответа.

— Ало! Кто это?

— Феликс? — голос был женским и до боли ему знакомым, но статика заглушала его, не давая возможности понять, чей он.

— Вас плохо слышно, алло, — как будто подчиняясь просьбе, помехи немного стихли.

— Феликс, сынок...

— Мама? — он не мог поверить своим ушам.

— Сынок, привет! Я просто хотела позвонить и узнать, как у тебя дела. Так давно с тобой не виделись.

— Мам? Это правда ты? — голос Ходжа предательски задрожал.

— Ну конечно, я, кто же еще? Такое скажешь иногда, — она рассмеялась, — как ты там? Не болеешь?

— Я... эм... — он взглянул на свою руку, пальцы на которой уже начали чернеть. — Нет, мам, все хорошо, не волнуйся. А ты как?

— Да что со мной станется? Так, временами спина побаливает, но ты же знаешь, возраст уже не тот.

— Да какой у тебя возраст, мам? Тебя же всегда с моей сестрой путают.

— Ой, прекрати, я никогда не любила подлиз, ты же знаешь. Как твоя работа, по-прежнему единственный ходишь в костюме?

— Хожу... — ему было сложно сконцентрироваться и подбирать слова.

— Это хорошо. Уверена, рано или поздно все твои сотрудники тоже станут их носить, но ты этого не увидишь, если не начнешь идти.

— Что?

— У тебя встреча, Феликс, или ты забыл? Тебе пора. Тебе нужно идти, иначе ты опоздаешь. Пунктуальность — вежливость королей, а вежливость города берет. Помнишь?

— Конечно, помню, мам. А куда идти? — спросил он, но телефон молчал. — Алло? Мам? Мама?

Ходж взглянул на мобильник, который по-прежнему был покрыт густой сетью трещин. Слезы заволокли глаза, а губы скривились в немом стоне. На мгновение он поверил этой галлюцинации. На один микроскопический миг он решил, что его мать действительно жива, что не было никакой авиакатастрофы, кто-то просто очень сильно ошибся.

Простояв, бездумно пялясь в телефон, несколько минут, Ходж стал замерзать и немного пришел в себя. Во избежание повторения таких неприятных инцидентов он хорошенько размахнулся и закинул все равно бесполезный мобильник подальше в лес. Затем, скомкав немного снега, вытер лицо и понял, что уже не чувствует щек, да и кончик носа ощущался как-то странно. Скорее всего, начиналось обморожение.

«Нужно идти, — подумал Ходж, — но куда? Мама сказала, что у меня какая-то встреча, а где и с кем — непонятно. Это всего лишь игра моего воображения, здесь на мили вокруг никого нет. Тем не менее, идти надо. Не буду же я просто сидеть и умирать? Или буду? Да нет, это как-то глупо».

Накинув рюкзак на плечо, Феликс снова зафиксировал сломанную руку в свободной лямке.

— По ощущениям, сейчас первая половина дня, — начал думать он вслух, — допустим. Значит, если я хочу идти на юг, то... солнце должно быть слева от меня.

Ходж поднял голову и, сощурившись, посмотрел наверх. Солнце было ярким, но совсем не грело. Он развернулся так, чтобы оно оказалось над левым плечом, наметил приблизительное направление движения и неуверенно пошел вперед.

Первые шаги давались с трудом, задубевшие мышцы нехотя подчинялись воле, но чем больше он двигался, тем больше согревался, и дорога постепенно становилась легче.

Стараясь держать ритм и не терять направления, Феликс двигался к своей цели. Его не покидали мысли о том, что сказала ему мать. Он прекрасно понимал, что это не могла быть она, что телефон сломан и даже не включается, а человек, чей голос он слышал в трубке, давно лежит в могиле, но сознание зацепилось за спасительную соломинку и не давало думать ни о чем другом. Он прокручивал телефонный разговор в своем сознании снова и снова, надеясь, что найдет зацепку. Где же его ждут, и кто?

Лес постепенно редел, и Феликсу показалось, что он слышит запах воды. Мало кто знает, но для человека, испытывающего сильную жажду, вода имеет особый запах — запах жизни.

— Не верю, — прошептал он вслух, — у меня жар, и это просто очередная иллюзия. Нужно идти дальше.

Но чем дальше он заходил, тем отчетливее был этот запах.

— Тихо, Феликс, спокойно, — он старался говорить полупшепотом, концентрируясь на собственном голосе, — твой мозг уже подвел тебя раз, значит, может и повторить. Держи себя в руках и оставайся спокойным.

Он взял немного левее и через пару шагов где-то на грани слышимого различил что-то отдаленно напоминавшее журчание ручья. Стараясь не быть импульсивным и не упиваться ложными надеждами, он пошел по направлению этого звука.

Журчание становилось все громче и отчетливее. Уже через минуту у Ходжа отпали все

сомнения, звук был настоящим, и его издавала текущая вода. Забыв про всю усталость и боль, он вприпрыжку побежал навстречу спасению.

Это был ручей. Вид текущей воды заставил Феликса осознать, что он не пил уже больше суток, и жажда, все это время скрывавшаяся где-то в дальнем уголке сознания, вышла на свет и предстала во всей своей красе.

Он упал на колени и принялся зачерпывать здоровой рукой ледяную воду. Большая часть вытекала сквозь пальцы, но то, что попадало в рот, обжигающими волнами пробегало по горлу. Каждый глоток понемногу рассеивал туман, обволакивавший голову Ходжа.

Напившись и хорошенько умывшись, Феликс встал с колен и взглядом проследил за ручьем. Вода маленькой змейкой извивалась вокруг камней и впадала в озеро. Да, именно в озеро. Настроение на миг взлетело до небес, но тут же рухнуло на прежний уровень отчаяния.

Водоем был слишком мал. Феликс, даже не подходя, мог сказать, что никакого порта Алсворт на его берегу не было и быть не могло.

Разочарование было настолько велико, что замерзший, совершенно разбитый и потративший все силы на эту отчаянную попытку выжить, Ходж готов был сдать прямо здесь и сейчас. Он готов был лечь на снег, закрыть глаза и, вслушиваясь в успокаивающее журчание ручейка, умереть. Но его останавливала одна, внезапно возникшая при виде воды, мысль, а вернее, любопытный факт, прочитанный когда-то на бескрайних просторах интернета.

Большая часть населения земли живет на берегах водоемов.

Конечно, раньше это знание пригодились сугубо для разбавления разговора где-нибудь в баре или на вечеринке, но сейчас оно могло спасти жизнь. Какова вероятность того, что посреди бескрайних лесов Аляски, на берегу безымянного озерца будут жить люди? Он собирался это выяснить. Оставалось только немного пройтись и поорать.

Феликс шагал вдоль ручья в направлении озера и думал о том, что будет делать, если никого не найдет. Сил у него совсем не осталось, и добраться до порта Алсворт ему вряд ли удастся, даже если он будет знать наверняка, куда именно нужно идти. Рука не давала покоя, а эпизод с мобильным заставлял усомниться в собственной адекватности. Что может быть хуже?

— Ральфу хорошо, — говорил он сам с собой. — Раз — и готово. Ну, может, немного испугался перед смертью. А я? Что мне прикажешь делать? Так и бродить по лесам, пока голод или мороз окончательно меня не доконают? Может, попробовать построить убежище? Ну, допустим, построю, хотя и не знаю, как. Откуда программисту такое знать? А дальше-то что? У меня даже спичек нет. Вот надо было тогда в школе взять сигарету, предлагали ведь. Сейчас бы как король возле костра сидел, ну или в больнице с раком легких. Всяко лучше, чем здесь.

Нет, нужно посмотреть правде в лицо, если на этом чертовом озере никто не живет, то мне придется несладко. Не знаю, что прикончит меня раньше, жажда, холод или рука, — он посмотрел на пальцы, они выглядели очень скверно. — Ну уж нет, не собираюсь я ждать такой смерти, лучше уж самому, быстро... как пластырь сорвать.

Дойдя до берега, Феликс остановился и обвел взглядом окружавший его лес. Пристани видно не было, да и домов тоже. Взяв за точку отсчета ручеек, он начал терпеливо обходить озеро по кругу. Идти оказалось легче, слой снега у берега намело не такой толстый, как в лесу, и не надо было постоянно плутать между деревьями.

Пройдя половину пути и не найдя никаких признаков человеческого присутствия, он остановился и уставился в воду: она была спокойной, без единой волны. Ветер здесь не дул, а до ручья было далеко, и его журчание не нарушало воцарившуюся тишину. До этого момента Ходж не замечал, что идет по краю огромного зеркала, в котором отражается голубое небо.

Молчаливая красота дикой природы во всем ее великолепии. Молчаливая и смертоносная.

«Пора признать очевидное, Феликс, — подумал он, разглядывая свое отражение в воде, — ты единственный человек здесь. На многие мили вокруг — никого, кто бы мог тебе помочь. У тебя нет еды, а холодная вода все сделает только хуже. Сколько ты сможешь протянуть в таких условиях? Неделю? Вряд ли. Твои пальцы уже почернели, и заражение крови убьет тебя раньше, чем голод, это точно. Ты действительно хочешь умирать в мучениях, пока инфекция уничтожает твоё тело?»

Тебе пора решиться. Это всего лишь пластырь, который нужно сорвать, и дело с концом».

Тяжело вздохнув, он сделал первый шаг. Его левая нога проломила тонкий слой льда и по щиколотку погрузилась в холодную воду. Мурашки пробежали по спине, и сердце затрепетало в груди.

Второй шаг. Дно оказалось довольно крутым, и он погрузился по колено. Зубы начали выбивать барабанную дробь, аккомпанемент смерти Феликса Ходжа.

Третий шаг — и вода подступила к ребрам, ледяным кольцом сковав легкие. Вдох застрял где-то на полпути между грудью и ртом.

Замерев на мгновение, Феликс отдышался и сделал четвертый шаг. Вода подступила к горлу и намочила подбородок. Все тело теперь было под водой, но чувство холода ушло. Страх постепенно заменило спокойствие, а за ним пришло и смирение. Сердце замедлило свой бег, и он был готов сделать последний шаг.

* * *

— Дым, черт тебя дери! — Феликс, весь промокший до нитки, бежал, спотыкаясь и кашляя. — Настоящий дым!

Перед тем как погрузиться с головой, он решил в последний раз взглянуть на мир, с которым собирался расстаться, приоткрыл глаза и увидел, как недалеко к югу тонкая струйка дыма поднималась над деревьями.

Пулей вылетев на берег, он побежал к своему спасению. Вода ручейками стекала с одежды, а внизу на куртке начали намерзать маленькие сосульки. Несмотря на невыносимую боль в руке и полное отсутствие сил, Феликс бежал, бежал, будто сам дьявол гнал за ним по пятам.

* * *

Домик был маленьким, но ухоженным. Стены из бревен, покатая крыша и каменная печная труба, из которой клубился дым. Рядом с домом стоял небольшой навес, под ним

лежала гора нарубленных дров. Сложно было на глаз определить возраст жилища, но непередаваемую ауру древности невозможно не заметить.

Обессилев и с трудом дыша, Ходж доковылял до дверей и постучал. Ответа не последовало. Тогда он постучал еще раз, и как можно громче, но снова ничего.

«Похоже, никого нет дома, — подумал Феликс, — и что мне теперь делать? Может, подождать хозяина снаружи? А вдруг никто не придет сегодня? Я же в ледышку превращусь. Хотя нет, не могут же люди уйти надолго, при этом растопив печку?»

Он ударил по двери еще пару раз, да с такой силой, что на ребре ладони начал расплываться синяк. Никто ему не открыл. Из дома не доносилось ни единого звука.

Промокший до нитки Феликс почувствовал, как мороз начал пробираться сквозь одежду. По всему телу пробежала неприятная дрожь. Необходимо было срочно переходить к решительным действиям.

Сделав шаг назад, он поднял ногу и, вложив весь свой вес в удар, приложился в то место, где, по идее, должен был находиться замок. Засов, державший двери закрытыми, не выдержав, треснул пополам, и они распахнулись, впуская в дом уличный мороз.

В помещении было темно, приглушенный свет проникал внутрь сквозь маленькие грязные окошки и по пути терял добрую половину своей силы. Феликс неуверенно перешагнул порог и закрыл за собой дверь.

— Есть кто дома? — почему-то шепотом спросил он. — Мне помощь нужна.

Глаза постепенно привыкали к полумраку, и из темноты то там, то тут всплывали новые детали интерьера. Комната была небольшой, что-то среднее между кухней и кладовой. Убранство скромно и минималистично. Стены увешаны пучками каких-то засушенных растений и корешков. Возле окна стоит небольшой стол и табурет. По центру — древняя печь из камней и глины, делящая дом пополам.

Феликс подошел к пышущей жаром печи. Тепло, от которого он уже успел отвыкнуть, нежно ласкало его лицо. Скинув рюкзак на пол, он попытался снять заледеневшую куртку, это оказалось немного сложнее, чем он ожидал. Сломанная рука распухла и застряла в рукаве. Он аккуратно высвободил здоровую конечность и что есть силы дернул за пуховик. Правый рукав вывернулся наизнанку, но все же слетел. Комнату заполнил неприятный сладковатый запах. Судя по очертаниям, проступавшим через свитер, конечность стала, по меньшей мере, в два раза больше обычного.

— Ого, — удивился Ходж, разглядывая руку, изгиб перелома уже перестал быть заметен из-за отека, — похоже на большую проблему.

Повесив пуховик на край печки, он снял свитер (таким же болезненным способом), и перед ним предстала неприятная картина. Вся рука ниже локтя гнила, и довольно интенсивно. Рука стала похожа на плохо завязанный воздушный шарик, который за ночь слегка сдулся и покрылся небольшими морщинками. Серая, с синеватыми отливами, кожа покрылась крупными волдырями с гноем. Все это явно свидетельствовало о том, что из-за нарушения кровообращения при переломе у Феликса началась гангрена. Без экстренной медицинской помощи он мог не дожить и до завтрашнего утра, но, к своему счастью, он об этом не знал.

Теперь, когда большая часть промокшей одежды сохла у печи, можно было спокойно исследовать остальную часть дома.

Второе помещение было примерно такого же размера, что и кухня, только немного уютнее. Кресло-качалка, односпальная кровать и два больших шкафа, забитых книгами. Судя

по всему, хозяин любит читать, и это совершенно понятно. Чем еще можно развлечь себя в такой глуши?

Но было в этой комнате и кое-что еще, очень странное. В дальнем углу, между кроватью и шкафом, лежала куча сена высотой примерно с метр. Феликс сначала удивился своей находке, но потом подумал, что как человек, всю жизнь проживший в мегаполисе, он может не знать каких-то тонкостей обитания вдали от цивилизации. Может быть, у каждого отшельника, живущего в подобной хижине в глухом лесу, есть такая куча сена возле кровати. Но подойдя поближе, понял: то, что он в полумраке принял за сено, вовсе им не являлось. Это были волосы. Между шкафом и кроватью лежала целая гора человеческих волос.

По спине Ходжа пробежал неприятный холодок. «Спокойно, Феликс, — подумал он, — это просто волосы. Что тут такого? Все нормальные люди держат у себя в спальне кучу волос. Подумаешь! Главное сейчас — это получить медицинскую помощь, а уж личная жизнь спасателей меня никак касаться не должна. С другой стороны, если спасатель вовсе и не спасает? Что если это домик маньяка-убийцы? Что если мне повезло выжить в авиакатастрофе только ради того, чтобы попасть в руки к чокнутому коллекционеру волос с черепов своих жертв?»

Он сделал осторожный шаг вперед, затем еще один. Подойдя поближе к странной куче, Ходж наклонился, чтобы получше ее разглядеть. Солнце медленно закатывалось за горизонт, и в хижине стало еще темнее. Прищурившись, будто это помогает видеть в темноте, Феликс заметил какой-то странный блеск в глубине. Встав на одно колено, он пододвинулся еще ближе, пытаясь понять, что же там блестит, и с ужасом осознал, что это глаза. Влажные, живые человеческие глаза смотрели прямо на него.

От неожиданности Феликс вскрикнул и, отшатнувшись, упал. Тем временем куча медленно приподнялась над полом, и под ней показались худые костлявые ноги. Куча шагнула к Феликсу, и его сердце екнуло, он попытался отползти назад, но единственная рука не слушалась его. Тем временем куча волос шагнула еще ближе. Страх сковал сознание Ходжа, он хотел кричать, кричать что есть силы, но сил у него совсем не осталось.

Подойдя совсем близко, ноги согнулись, и глаза, блестящие в глубине волосяных переплетений, пристально уставились на него.

— И... извините меня, — промямлил Феликс, дрожа от страха, — мне была нужна помощь, и я...

— Уходи! — вдруг сказала куча. — Здесь тебе не помогут.

Ходж боролся с поглощавшим его страхом, но дикость происходящего рубила все попытки на корню.

— Но... я не могу уйти. Я болен, — практически теряя сознание, он протянул вперед раздувшуюся руку, — видите? Если я уйду, то точно умру!

На секунду копна волос замерла и, казалось, о чем-то думала.

— Что тебе нужно? — наконец спросила она с ноткой раздражения в голосе и, отступив, села на кровать.

Холодный пот градом хлынул по спине Феликса. Адреналин играл в его крови и заставлял все тело дрожать.

— Для начала пообещайте, что не будете меня есть.

Куча пристально посмотрела на Ходжа, а затем рассмеялась. Смех показался ему каким-то гортанным и старческим. Так обычно звучат голосовые связки, повидавшие на своем жизненном пути немало морозных вечеров.

— Тебя? — переспросила она, а затем засмеялась еще громче. — Да не приведи господь! — Откуда-то из-под волосяной копны показалась худощавая морщинистая рука и вытерла с глаз выступившую от смеха слезу. — Даже если бы я умирал с голоду. Ты себя нюхал? Ты когда куртку снял — весь дом стал для жизни непригодным. Хотя, конечно, некоторые любят мясо с душком... Читал как-то, что чукчи жрут тухлых оленей или вроде того.

Феликс лежал на полу и не мог понять, бредит он или нет? Все происходящее уж больно смахивало на очередную галлюцинацию. «Может, я и не в доме вовсе? Лежу сейчас в сугробе и бормочу себе под нос, а зараза, жрущая мою руку, постепенно доедает и мозги?»

— Есть хочешь? — перебила ход его мысли куча.

Он неуверенно кивнул.

Куча ловко спрыгнула с кровати и, громко топая босыми ногами, направилась на кухню. Феликс расслабился и прильнул лицом к полу. Холодные доски освежали мысли и немного разгоняли туман, который с каждым часом становился все гуще и гуще.

Пока из кухни доносились какой-то грохот и еле слышное бурчание, он потратил последние силы, чтобы перебраться на кровать. Матрас был жестковат и пах то ли сеном, то ли залежавшейся травой. Но по сравнению с теми местами, где ему доводилось спать после катастрофы, очень даже ничего.

Куча заглянула в комнату и бросила ему скомканную старую тряпку, внешне сильно напоминавшую половую.

— На, подложи, а то всю кровать мне изгадишь.

Ходж послушно постелил под руку тряпку и откинулся на подушку, которая, по-видимому, тоже была набита сеном.

* * *

Сон ушел так же неожиданно, как и пришел. Феликс открыл глаза и увидел сидящую рядом с кроватью кучу.

— На, — она протянула ему тарелку с хорошо прожаренным куском мяса и какой-то неизвестной зеленью, — ешь! А то помрешь еще... Мне мертвяков здесь не надо. Земля холодная, не копается, а если так оставлю — звери набегут.

— Спасибо, — еле слышно ответил Феликс и привстал на кровати.

Мясо было самым вкусным, что он пробовал в своей жизни. Скорее всего, из-за того, что он не ел уже двое суток, и даже выброшенный на помойку протухший мясной пирог в данной ситуации показался бы ему деликатесом.

— Так откуда ты такой больной свалился на мою голову? — спросила куча, неотрывно следя, как он уплетает ужин.

— Самолет упал, — сказал Феликс и чуть не подавился.

— Тише, тише, сначала прожуй.

— Самолет, на котором я летел, разбился в лесу, а я выжил. Вот брожу теперь по округе, ищу спасения.

— Самолет, значит? — куча встала и подошла к шкафу с книгами. — Интересно...

— А вы? — неуверенно спросил Ходж. — Вы человек?

— Не знаю, тебе видней.

— В том-то и дело, что нет. Вас под волосами не видно, и это, по правде говоря, пугает.

— В точку, — откуда-то из-под волос показалась рука и пальцем указала в потолок, — человек всегда боится того, чего не понимает. Именно поэтому я и живу здесь, в лесу. Нет людей — нет проблем.

— Почему-то всегда думал наоборот, — Ходж заглотив очередной кусок мяса, практически не прожевывая, — мои проблемы начались как раз из-за того, что людей в округе нет. Разбились бы мы где-нибудь возле большого города, и все было бы хорошо... — в его памяти всплыло безголовое тело Бриггса, вцепившееся мертвой хваткой в штурвал. — По крайней мере, для меня. Вертолет со спасателями забрал бы меня в госпиталь, врачи бы вправили мне руку, и через недельку я бы уже был дома. Видите, люди — это не так уж и плохо, как вам кажется.

— И то верно, — кивнула куча, — но не в моем случае.

— А что у вас за случай такой?

— Не хочу об этом говорить, — отмахнулась куча, — лучше доедай быстрее, мне еще тарелку надо помыть, а с теплой водой здесь туго.

— Да бросьте вы, — Феликс отложил недоеденный ужин в сторону. Любопытство — не очень полезная черта, но в такой ситуации хуже не будет, я же вижу, что вы любите читать. Столько книг на полках — признак того, что вы скучаете по людям. Вы читаете их истории, чтобы снова почувствовать себя частью того мира, частью общества.

— Нету никакого МОЕГО общества. Оно давным-давно исчезло. А книги я читаю чтобы не сойти с ума в этой дыре. Все эта треклятая борода...

— Что? — удивился Ходж.

— Борода. Может, и у тебя вырастет, когда подрастешь. Все, что ты видишь, — это не мое тело. Я внутри, а все эти волосы — это моя борода. Другие у меня не растут.

— Борода? — Феликс от удивления открыл рот.

— Она самая, чтоб она была проклята. Знал бы ты, как она мешает. Все время приходится наматывать ее на себя, иначе просто невозможно ходить. А как она чешется! Бывает, по полдня сижу и чешу. Стоит начать, как уже невозможно остановиться. С другой стороны, есть и плюсы. Если не забывать ее мыть, то она довольно теплая, а здесь с теплом небольшие проблемки, знаешь ли.

— Не понимаю... борода? Почему вы ее просто не сбреете, если мешает?

— А вот тут и начинаются настоящие проблемы, — куча замолчала, она сомневалась, стоит ли договаривать. Одиночество давило на нее с большой силой и просто требовало выговориться хоть перед кем-нибудь, но на ней лежала огромная ответственность, тайна, которую нужно было хранить, несмотря ни на что. С другой стороны, парень явно не жилец, и этот факт был решающим в ее внутреннем споре.

— Обещай мне, что никому не скажешь про меня и этот дом, — наконец прошептала куча, — обещай, что после того, как тебя найдут, ко мне никто не заявится с вопросами.

— Я не...

— Обещай мне!

— Хорошо, хорошо! Обещаю, что никому не раскрою вашу тайну. Сойдет?

— Да, — куча подошла к кровати и, сев на стоявший рядом табурет, заговорщицки прошипела, — если я сбрею свою бороду — все люди на земле умрут.

— Что? — переспросил Феликс. — Как умрут?

— На месте, — ответила куча, — такое правило, сбрываю бороду — все умирают. Вот

так просто. Именно поэтому я и сижу здесь, на выселках. Чтобы чего не случилось.

— Вы меня разыгрываете сейчас или что? — Ходж просто не мог поверить в такую странную историю. Он никогда не верил в сказки и даже после всего пережитого не собирался.

— Нет, я серьезен, как никогда. Если дело касается бороды, то, уверяю тебя, никаких шуток быть не может. Как можно шутить с жизнями миллионов людей?

— Миллиардов, — поправил его Феликс. — И все же, с чего вы взяли, что если сбреете бороду, то все умрут?

— Вот тут загвоздочка небольшая, — смущенно ответила куча, — я не помню.

— Не помните?!

— Это было так давно, — начала оправдываться она, — я в этом лесу уже не первый десяток лет, да и, скорее всего, не второй. Думаешь, так легко все упомнить? Воспоминания со временем вытекают из головы, как песок из ладошки. В один прекрасный момент ты встаешь утром с кровати и не помнишь, где ты, какой сейчас год и... Кстати, какой сейчас год?

— Тогда с чего вы решили, что эта история с бородой — правда? Может быть, просто память сыграла с вами злую шутку?

— Нет! Готов поклясться своей головой, что все так, как я говорю. А теперь перестань меня доставать и ешь!

— Послушайте, ну я готов еще был поверить в то, что вы вели недостойную хорошего человека жизнь и, осознав это, ушли в лес. Или что вас разыскивают бандиты, полиция, и вы просто отсиживаетесь здесь. Но такое, — Феликс покачал головой, — вы уж извините...

— Так! — перебила его куча. — Ты сюда пришел историю моей жизни критиковать? Вот сиди и ешь молча, пока дают. Ишь, знаток выискался.

Феликс торопливо закинул последний кусок мяса себе в рот и вернул тарелку владельцу. Куча нервно вырвала ее из рук и, что-то бурча себе под нос, побрела на кухню.

Ощущение сытости, по которому Ходж уже успел соскучиться, немного расслабило его дрожащее от жара тело и медленно затащило в сон.

Ему снова снились бескрайнее лазурное море и маленькая лодочка, которую терзали волны. Но на этот раз сон оборвался до того, как с неба полился дождь из крови. Шатаясь на волнах, Феликс почувствовал, что его укачивает. Он не знал, есть ли у него морская болезнь, потому как на лодке раньше ни разу не плавал, но почему-то был уверен, что это именно она.

За окном было темно, ночь выдалась безлунной, а налетевшие тучи закрыли собой звезды. Ходж выбежал из дома в одних трусах и, облокотившись о стену, согнулся. Его рвало на снег. Практически не переварившиеся куски мяса падали в сугроб у двери и исчезали в нем без следа. Все тело ломило, а ноги подкашивались. По правде говоря, он не имел ни малейшего понятия, как ему хватило сил встать с кровати, а уж бежать и подавно. Когда очередной приступ рвоты закончился, он почувствовал, что чертовски замерз, и пора возвращаться в дом.

Куча сидела на табуретке возле кровати. Место для сна в хижине оказалось одно, а полы были довольно холодными, поэтому ей пришлось спать сидя.

Феликс посмотрел на эту храпящую гору волос и подумал: «Все с тобой в порядке, и борода у тебя обыкновенная, как у всех. Ты просто старый и больной человек.

Знавал я одного парня, так он думал, что если утром не пересчитает все плитки на полу

в коридоре, по пути в офис, то заболает и умрет, ну или что-то плохое случится. Как же его звали? Брайан, по-моему, хотя не важно».

Феликс, шатаясь, направился на кухню и отыскал там нож, которым куча резала мясо. Он был старым и сточенным почти до рукоятки, но лезвие оказалось острым, как бритва.

Вернувшись в спальню, он остановился возле спящей кучи. Его мысли еле ворочались в сдавливаемой жаром голове. Он знал, что умирает, и единственное, чего ему сейчас хотелось, — это отблагодарить человека, который не отказал ему в помощи в трудную минуту. Ведь именно в этом и заключается общечеловеческая вежливость. А вежливость, как известно, города берет.

— Так вот, — прошептал Феликс, аккуратно наматывая бороду на гниющую руку, — Брайан был болен, и ты тоже. Так же, как и он, ты одержим своей навязчивой и глупой идеей. Маленькая ложь самому себе настолько плотно засела в твоей голове, что стала для тебя неоспоримой реальностью. И в благодарность я избавлю тебя от нее.

Он начал резать.

Из-за возни куча проснулась и стала вырываться. Она упиралась руками в лицо Феликса в отчаянной попытке оттолкнуть его от себя, но Ходж был преисполнен решимости и собирался закончить начатое.

— Остановись! — закричала куча. — Ты не ведаешь, что творишь!

Он не слушал, его сердце уже перестало биться, и последнее, на что хватало затухающего сознания, — это продолжать резать. Простая предсмертная судорога.

Когда лезвие ножа рассекло последние волосы, Феликс, более ничем не поддерживаемый, рухнул на пол и больше не шевелился.

Газовая гангрена — быстрый убийца. Она за каких-то пару дней превратила всю правую руку Ходжа во влажную грязную массу. Бактерии, пировавшие его плотью, отравили кровь, а начавшееся обморожение не дало иммунитету ни единого шанса на равную борьбу.

Умирая, он думал, что спас старого отшельника от навязчивой идеи, от несуществующего проклятья бороды, которая должна убить человечество. Но в сущности же сам оказался жертвой подобной идеи. Не видя полной картины, он верил в абсолютность своей правоты и тем самым обрек всех людей Земли на неминуемую гибель.

Часть вторая

Фрэнк любит должников

«Ричард Финчер», он всегда писал вместо подписи свою фамилию и имя. Как-то не придумалось красивой завитушки. Расписавшись в журнале дежурств, он официально начал свою смену, впереди были двенадцать трудных часов, наполненных различными травмами и увечьями. Скорая помощь Нью-Йорка не самый лучший выбор, если вы ищите спокойной работенки. Большой город богат на выдумки, иногда Ричу казалось, что природа специально толкает людей на всякие безумные и травмоопасные поступки, чтобы доказать ему верность теории Дарвина — «Мы все просто лысые обезьяны, глупые и лысые обезьяны».

Дороти захлопнула журнал и исподлобья посмотрела на Финчера.

— Еще раз узнаю, что ты спишь на дежурстве — пожалуюсь начальству, — Рич только фыркнул в ответ. — И не вздумай мне тут фыркать, Финчер! Думаешь, я не знаю, чем ты там занимаешься? Да я тебя насквозь вижу, твоя ленивая задница у меня вот где, — она сжала кулак, который был едва ли не больше его головы, просунула в маленькое окошко и потрясла перед его носом.

Рич чмокнул ее в побелевшую костяшку указательного пальца и, не слушая последовавшую тираду, юркнул в коридор. Она каждый день находила повод поорать на него, этот вечер не был исключением. С другой стороны, колкости Дороти уже стали своеобразным ритуалом, без которого дежурство превращалось в сущий кошмар. Один раз, когда Дороти заболела (ничего серьезного, обычный грипп) его на смену выпускала какая-то новенькая и совпадение это или нет, но три трупа за дежурство. Обычное дело для скорой скажете вы, но нет, только не в смену Ричарда Финчера. У него был какой-то особый дар или что-то вроде того, в каком бы тяжелом состоянии люди не попадали в карету Рича, они практически всегда дотягивали до больницы (редкие исключения только подтверждают правило). Скорее всего, он просто не хотел брать на себя ответственность за их смерть. Все прекрасно понимали, что фельдшер скорой не всемогущ, и иногда люди просто умирают. Но передавая пациента в руки врача, Ричи передавал вместе с ним тяжкую ношу моральных мук и ночных кошмаров. «Чувак в белом халате взялся за каталку — я больше не при делах» — вот такая простая философия.

В коридоре Рич встретил своего водителя.

— Здарова, Боб, как твоё?

— Сойдет... — Боб Муди стоял, опершись плечом о стену и жевал жвачку, — Че там с Фрэнком?

— Ничего. Сам же знаешь, смогу отдать только через две недели. А что, пилит?

— Не то слово. Ты бы с ним поосторожнее. Не хочу тебя пугать, но этот Фрэнк, он не любит шутить.

«Восьмая машина на выезд» — раздалось из настенного динамика, парни двинулись к выходу.

— Можешь еще немного его попридержать? — продолжил Ричард, натягивая жилетку, — я на мели.

Они залезли в автомобиль, мотор зарычал, и в полумраке гаража лицо Боба осветилось проблесковым маячком.

— Не знаю, Финч, не знаю...

Завыла сирена и автомобиль выехал в город. Ночные улицы таили в себе бесчисленное множество опасностей и когда одна из них настигает тебя ты звонишь в скорую. Ребята вроде Ричи и Бобби приезжают на сверкающей синими огнями машине, выбегают к тебе с полными уверенности лицами, в чистой униформе и с сумкой, в которой можно найти все нужное для спасения твоей, висящей на волоске, жизни. Не такого ангела хранителя ты ожидаешь увидеть, но реальность не любит приукрашивать.

Финчер смотрел, как в окне проносятся фонари, смена только началась, а он уже летит на помощь незнакомцу, хотя самому она бы тоже не помешала. Идиотские карты, и кому только пришло в голову играть на деньги?

— Бобби, слушай, — Финчер нервно постукивал ногтем по замку бардачка, — а что если я отыграюсь?

Боб с удивлением взглянул на напарника и цокнул языком.

— По-твоему ты мало задолжал?

— Нет, послушай, я вот что подумал, в прошлый раз мне просто не везло, так? Сейчас-то совсем другое дело, вот я чувствую, — Ричи глубоко и шумно втянул ноздрями воздух, — это запах удачи, он в воздухе. Слышишь?

— Нет, — Муди притормозил и заехал в переулок. — Зато я слышу трупный запах, и он исходит от тебя. Запомни мои слова, Фрэнк не любит долги, зато просто обожает должников. А знаешь почему?

Ричард отрицательно мотнул головой.

— Их обычно никто не ищет. Сечешь?

Переулок только своим видом уже вызывал желание уйти, в таких местах обычно происходят самые ужасные преступления. Единственным хоть как-то освещенным местом оказалась телефонная будка, из которой, по всей видимости, и был сделан звонок. Машина скорой остановилась в десятке метров от светлого пятка — осторожность прежде всего. В таких местах полно парней, жаждущих поживиться медицинскими наркотиками, а в скорой их хватает. Двери открылись и Ричи, с красной сумкой наперевес вылез из машины.

— Приехал добрый дядя врач, — он нарочно выкрикивал слова, чтобы потенциальный пациент знал о его прибытии. — Есть кто живой?

Тишина, только старая лампа в разрисованной подростками будке тихо потрескивала. Он медленно и аккуратно пошел вперед, оглядываясь по сторонам. В такие моменты нужно быть готовым ко всему, все житейские проблемы и сложности уходят на второй план. Фрэнк, карты, долги, все становится словно тихим эхом старого давно забытого прошлого, а вперед выходит подозрительная телефонная будка в грязном переулке.

— Скорую вызывали? — в ответ снова тишина. — Ну как знаете. У меня много вкусных лекарств, но если вам не надо, то мы поехали.

Ответа не последовало, и Финчер собрался уходить, как вдруг одна из куч мусора шевельнулась. Он достал фонарик, и белый луч света выхватил из темноты лежащего на асфальте человека. Он был одет в коричневый плащ (что уже довольно странно, ведь на улице тепло) и сливался с горой картонных коробок. Не удивительно, что Финчер не заметил его сразу. Он подошел к человеку, присел и толкнул его в плечо.

— Друг, ты живой? — тот застонал в ответ. — Может ты пьяный? Если ты просто пьяный, я очень огорчусь, мой водитель не любит запах алкоголя и будет меня всю дорогу пилить, оно тебе надо?

Финчер перевернул человека на спину, полы плаща распахнулись. Рубашка была вся

измазана чем-то липким и зеленым. Рич посмотрел на позеленевшую перчатку на своей руке и понюхал ее. Станный запах, такой знакомый, но...

— Помогите, — еле слышно прошептал незнакомец.

— Что случилось, друг? Тебе плохо?

Человек закатил глаза и потерял сознание.

— Эй, поговори со мной, не спи!

Финчер пробежался глазами по странному наряду незнакомца и заметил необычные складки на рубашке. Он аккуратно потянул ткань, она расправилась и...

— Боб! Боб, мать твою, хватит жевать, тащи носилки, у нас огнестрельное.

Через секунду Муди уже стоял рядом.

— Ты за ноги! — выкрикнул Рич и подхватил человека за плечи. — Черт, тяжелый. Сколько же в тебе свинца?

Незнакомец был без сознания и не оценил юмора. Парни приподняли пострадавшего, но не смогли положить на носилки, будто что-то тянуло его вниз.

— Что за... — Бобби в недоумении отпустил ноги парня. — Он, что гвоздями к полу прибит?

— Нет, смотри, — Финчер указал пальцем на руку человека, от запястья тянулась, незаметная в темноте переулка, цепь к куче картона. Муди отбросил ногой большую часть старой промокшей бумаги, под ней скрывался металлический кейс, именно к нему и был прикован человек. Рич схватился за ручку и попытался поднять поклажу, но она весила не меньше взрослого крепкого мужчины.

— Ни хрена себе, Бобби, подсоби, — вдвоем они смогли лишь слегка приподнять кейс.

— Вот так чемоданчик... — выдохнул Муди. — Что будем делать?

— Не уверен, — ответил Рич. — Для начала нужно попытаться стабилизировать мужика. Не хотелось бы вечер с трупа начинать.

Финчер поначалу хотел стать патологоанатомом. Видели бы вы лица его родителей, когда он им сообщил, что поступает в медицинский, столько радости. Потом они конечно узнали, что их драгоценный сынок хочет трупы кромсать с утра до ночи и радостные улыбки как ветром сдуло. Они сразу принялись уговаривать его отступить и стать каким-нибудь дантистом или пластическим хирургом. Их можно понять, сын на престижной работе с шикарной зарплатой — повод для гордости, а вот мрачный трупорез — это совсем другое дело. Что подумают родственники, соседи? Такие вопросы Ричарда не очень волновали, ему хотелось стать патологоанатомом, вот так просто, без особых причин и доводов, даже для самого себя. Тогда ему казалось, что эта работа — его предназначение, судьба, если хотите. Жизнь посчитала иначе, на первом же учебном вскрытии его сначала стошнило, а потом и вовсе вырубил. Когда он пришел в себя весь гонор испарился, а мысль о такой работенке стала вызывать отвращение. Медицину он не забросил, но посчитал, что лучше быть подальше от всей этой больничной возни и работать в поле.

Добро пожаловать в скорую помощь Нью-Йорка. Здесь вы получите уникальную возможность посмотреть на огнестрельные ранения вблизи, пощупать бомжа и подраться с пьяницей, а иногда и все одновременно! Ну не прелесть?

Рич схватился за рубашку незнакомца и со всей силы дернул в разные стороны, пуговицы с треском разлетелись по асфальту.

— Входное отверстие в груди, — начал Финчер, — в районе диафрагмы, кожа серая, рана загрязнена чем-то... чем-то зеленым. Что мы в таком случае делаем?

— Ну, раз он серый, значит сердце, но пуля-то попала совсем не туда? — ответил Муди.

Что-то не так и Ричард судорожно пытался понять, что. Он перебирал в своей голове все прочитанные им учебники по оказанию первой помощи в поисках особых случаев, но не мог вспомнить ничего похожего.

— Ладно, будем импровизировать, — он достал из красной сумки фонендоскоп. — А теперь дядя доктор тебя послушает.

Финчер приложил прибор к груди незнакомца и прислушался, тот еле дышал, каждый вдох сопровождался мерзким бульканьем. Картинки из учебника сразу поплыли перед глазами. Диафрагма напрягается, растягивая легкие и впуская в организм воздух для большого вдоха, а затем сокращается и человек пытается вскрикнуть, но пуля проходит через кожу, хрящ и пробивает дорогу нашей драгоценной атмосфере туда, где ей не место. При каждом последующем вдохе воздушная прослойка между диафрагмой и легкими увеличивается, сковывая грудную клетку невыносимой болью.

— Бобби, золотце, у него в груди воздух, что мы делаем, когда у него в груди воздух?

— Отсасываем! — лицо Муди озарила ехидная улыбка.

— Мы с тобой по жизни отсасываем... — буркнул Ричи в ответ и достал из своей красной сумки бинт с большим шприцом. Вся грудь пострадавшего была уже целиком измазана в этой зеленой неприятной жиже. Финчер краем порванной рубашки вытер то место, где пуля вошла в тело, и с удивлением обнаружил, что эта зеленая субстанция сочится из раны. Вот откуда ему был знаком этот металлический запах, это запах крови.

— Боб, скажи мне, какого цвета его рана?

— Зеленого, — присмотревшись, ответил напарник.

— Ну, слава богу, я уж подумал, что мне мерещится. Теперь следующий вопрос: какого хрена она зеленая?

Ответить на него было некому. Часы тикали, и каждый вдох становился слабее предыдущего. Ричард разорвал пачку с бинтами, приложил кусок полиэтиленовой обертки к отверстию и наложил повязку, она моментально позеленела. Обильное «зеленотечение» конечно не очень хорошо, но сейчас необходимо было сосредоточиться на воздухе, как ни парадоксально, мешавшем дышать.

Финчер взял в руку большой шприц, перчатка измазалась в «крови», и он постоянно норовил выскользнуть. Прицелившись, он как следует размахнулся и всадил иглу по самое основание в грудную клетку незнакомца, затем выдернул клапан, и воздушная подушка, образовавшаяся над плеврой с неприятным свистом, вышла через шприц.

— С этим разобрались, теперь сердце.

Финчер обхватил пальцами шею незнакомца — ничего. Тогда он решил послушать напрямую, приложив ухо к груди — все та же тишина.

— Ничего не понимаю, Бобби, проверь пульс.

— Отсутствует, — констатировал напарник, щупая запястье незнакомца. — Тащить дефибрилятор?

— Тащи, и по пути подумай, почему он еще дышит?

Финчер несколько раз получал предложения от начальства о повышении, при условии, что он все-таки доучится до врача. Очень уж большим шишкам в просторных кабинетах нравилось, что его карета предпочитает довозить людей до больницы живыми, а в некоторых случаях это было действительно подвигом, но Ричи каждый раз одобрительно кивал, поддакивал и обещал заняться своим образованием, а сам шел дальше работать

фельдшером скорой. Это он сейчас выглядел героем в простенькой синей жилетке, а в больнице что? Он бы тут же стал обычным холеным засранцем в беленьком накрахмаленном халате и с престижной зарплатой. Нет! Рича манила работа в поле, в ней был свой особый шарм, адреналин, который вряд ли получишь, сидя в удобном кресле собственного кабинета, тем более что здесь он всем телом чувствовал, как спасает чью-то жизнь. А стань он врачом, выписался больной — одной занозой в заднице меньше, помер — не беда, еще привезут.

— Да где ты там?! — Рич крикнул так громко, что в соседнем переулке проснулся местный бомж, и где-то вдалеке залаяла собака. Боб выпрыгнул из машины со спасительным прибором в руках.

— Сера, — прохрипел запыхавшийся напарник, протягивая дефибриллятор Финчеру.

— Сера? — переспросил тот.

Жвачка, которую жевал Муди явно мешала ему как следует отдышаться, и от напряжения на лбу у него выступил пот.

— Да, сера. Кровь у него зеленая, так?

— Так, — Рич приклеил электроды к груди незнакомца.

— Вот! Я где-то читал, что если принимать много препаратов с содержанием серы, то кровь станет зеленой.

— Интересная теория, но не объясняет сердце, — экран мигнул, дефибриллятор пискнул и был готов к работе. — Разряд!

Боб машинально поднял руки вверх, в этот же момент незнакомец глубоко вдохнул и открыл глаза. У Финчера успела мелькнуть только одна мысль: «Теперь он подаст на меня в суд». Прибор пустил электрический разряд, человек выгнулся, и лицо его исказила гримаса боли. Еще бы, 4000 вольт проходящие через все ваши мышцы — не самый лучший способ провести вечер. Сознание, на мгновение посетившее пострадавшего, снова покинуло тело.

Муди сочувствующе покачал головой.

— Вот теперь тебя точно уволят.

Рич не обратил внимания на подколку напарника, он смотрел на дисплей, тот показывал, что сердце не билось.

— Не знаю, что у него с организмом, — наконец ответил Финчер, — но этот парень умудряется быть теплым, дышать, даже пришел в сознание на секунду, и все это с остановившимся сердцем. Да что там, у него кровь идет! Ты такое хоть раз видел?

— Нет. Феномен. Так что делать будем?

— Да откуда мне знать? Я даже не уверен спасаем ли мы его, или только хуже делаем. Так, давай думать. Что у нас есть? Некий Джон Доу, с пулевым отверстием в груди. Кровь зеленая, возможно из-за серы. Пульса нет. В сознание приходил, но ненадолго. Нетранспортабелен. Я что-то забыл?

— Ага, — Боб, раздражающе чавкая, кивнул в сторону лежавшего незнакомца. — Он на тебя пялится!

Рич повернулся и увидел, как человек, которого он только что вырубил ударом тока, слегка приоткрыв глаза, следит за всеми его движениями.

— Эй, парень, — Финчер встал на колени и придвинулся как можно ближе, чтобы не пропустить важные ответы. — Ты как?

Незнакомец медленно провел зеленоватым языком по серым и сухим губам, а затем ответил: «В груди колет».

— Конечно колет, у тебя же там пуля застряла. Тебе бы в больничку надо. Поедем в

больничку?

— Нет, ваши врачи мне не помогут.

— Еще как помогут, только ты должен нам сказать, как отстегнуть твой тяжеленный чемодан.

Глаза незнакомца округлились, будто он вспомнил о чем-то очень важном, но давно забытом. Рукой с наручником он не глядя начал ощупывать промокший картон, в котором его нашли медики. Его дыхание заметно участилось, а губы беззвучно шептали что-то невнятное. Как только его пальцы наткнулись на холодный металл кейса, он облегченно выдохнул и с удивительной легкостью подтащил поклажу поближе, затем приподнял ее и положил себе на грудь, прямо на позеленевшую от крови повязку. Медики удивленно переглянулись.

— Адреналин? — пожимая плечами, предположил Муди.

— Давай так, — Финчер положил руку на металлический кейс, — ты очень постарайся и поможешь нам занести твой чемодан в машину, а мы отвезем тебя в больничку и быстренько залатаем. А?

— Мне нужно доставить груз, пока корабль еще здесь... — он закашлялся и скривился от боли. — Вы не понимаете.

— А ты объясни, у нас есть к тебе парочка вопросов.

Незнакомец застонал и снова потерял сознание. Финчер встал и задумчиво хмыкнул.

— Корабль, значит. Куда же ты собрался плыть? Так или иначе, дырка в груди сама не пройдет. Нужно что-то делать, а не то он так и окочурится здесь.

— А что? — Муди нервно чавкал. — Сам же знаешь, чемодан нам не поднять... Идея! Руку же мы ему вряд ли отнимать станем, так? Зато можем вскрыть кейс и вытащить все из него. Думаю, он не обидится, мы же ему жизнь спасали.

Ричарду понравилась эта идея, и он принялся копаться в своей красной сумке. Через мгновение он достал из нее скальпель и, направив луч света своего налобного фонарика на кейс, начал ковырять замок.

— Бобби, помнишь, я в прошлом году с той блондинкой летал на концерт в Лос-Анджелес? — Боб кивнул. — Так вот, представляешь, забыл пароль от своего чемодана. Не мог открыть и все тут, думал уже придется разрезать. Жалко стало чемодан, новый совсем, и я поискал в интернете. Оказывается, открыть такой замок, имея при себе что-нибудь тонкое и острое, проще простого.

Замок кейса щелкнул и открылся. Ричи осторожно приоткрыл крышку (в Нью-Йорке осторожность в цене, этот тип мог запросто хранить в чемодане ядерную бомбу).

— Вуаля! Ох ни хрена себе... — Финчер замер, разглядывая содержимое.

Муди стало интересно, что же вызвало такую бурную реакцию у напарника, он заглянул ему через плечо и увидел, что кейс до отказа набит золотыми слитками. Такие можно увидеть в криминальных фильмах про ограбления банков. Обычно в кино харизматичный герой набирает полную спортивную сумку таких золотых кирпичиков и с легкостью покидает банк, хотя в действительности каждый из них весит не меньше десятка килограммов.

— Что будем делать? — нарушил затянувшееся молчание Боб.

— Не уверен, — ответил Рич.

— Может он их украл? Я хочу сказать, у него пуля в туловище и полный чемодан золота, он его точно украл.

— Ты не можешь знать наверняка, а вдруг беднягу хотели ограбить?

— Ну, так что ж тогда не ограбили? Подстрелить, подстрелили, а чемодан оставили? Нет, Финч, так не бывает. Нужно звонить копам.

— А может не нужно? — Муди вопросительно поднял бровь. — Думаю, у меня есть основания полагать, что он не человек.

Боб не ожидал такого ответа и расхохотался так, что жвачка, которую он все это время жевал, пулей вылетела у него изо рта.

— Ну ты и шутник, — наконец сказал Муди, вытирая выступившую слезу. — Если не человек, то кто, робот?

— Я серьезно, сам подумай. Например, как, по-твоему, он пришел сюда? Сколько весит этот чемодан? Двести? Двести пятьдесят? Мы его вдвоем не смогли поднять, а он одной рукой взял и смог. А зеленая кровь? Зеленая кровь тоже не аргумент?

Улыбка пропала с лица напарника, а брови медленно сошлись над переносицей.

— Может он спортсмен, или под наркотой? Точно! Новая дурь делает тебя суперстильным, но в ней много серы и поэтому кровь зеленая.

— Ну, хорошо, а сердце? У него нет сердца, или, по крайней мере, он уже пятнадцать минут живет без пульса. Это ты как объяснишь?

Боб начал сдавать позиции.

— И еще он сам сказал, что НАШИ врачи ему не помогут. Корабль, черт подери, он сказал, что ему нужно на корабль! Ты понимаешь, Бобби, что он хотел на космический корабль? Никакой он не моряк, он пришелец!

Боб не мог найти ни одного контраргумента, вся ситуация казалась ему смехотворной, но против того, что видишь собственными глазами, здесь и сейчас, просто не попрешь. Он, конечно, мог зажмуриться, сказать, что им все почудилось и набрать 911, но он обманул бы сам себя, а это было скорее в стиле Ричарда.

— Что ты предлагаешь?

— Здесь хватит нам обоим на всю жизнь и еще останется, — Финчер оглянулся и продолжил шепотом. — За спасение пришельцев мне не доплачивают.

— Ты собираешься... — Боб провел пальцем по горлу, и напарник кивнул в ответ.

— Он не человек, отнесись к этому как к убийству из милосердия. Тем более, мы чисты перед законом, ведь на инопланетян наши законы не распространяются, — Ричард видел стену сомнения в глазах напарника и видел, что эта стена вот-вот рухнет, нужно только немного подтолкнуть. Он взял в руку слиток золота и протянул Бобу. — Видишь, это и еще половина оставшегося твои, бери. Почувствуй вес своей безбедной жизни.

Муди принял слиток, он оказался тяжелее, чем на первый взгляд, но это была приятная тяжесть. Он всмотрелся в отполированную желтую поверхность и увидел собственное отражение, оно улыбалось.

* * *

Ирландский паб «Тощий Пес» закрывался в полночь, но только для обычных клиентов. Для тех, кто любит не только выпить, но и перекинутся в картишки, заведение продолжало свою работу до последней ставки.

Подвал был окутан синими клубами сигарного дыма. В центре освещенного круга стоял

стол, заваленный купюрами. За столом сидели трое мужчин в дорогих костюмах и пристально смотрели друг на друга, затем один из них медленно, одну за другой, перевернул свои карты.

— Флэш рояль, — сказал он и ухмыльнулся. — Теперь вы понимаете, почему меня называют счастливчик Фрэнк?

Металлические двери со скрипом открылись, и в проеме показался охранник.

— Мистер Белл, там какой-то Финчер вас спрашивает.

— Что ему надо? — раздраженно рявкнул Фрэнк.

— Говорит, что по поводу долга.

— Пропусти, — Белл махнул рукой и принялся пересчитывать свой выигрыш.

Охранник выглянул в коридор и через мгновение затолкал Ричарда в помещение.

— Что, Финчер, пришел просить отсрочки? Так знай, ты ее не получишь, я хочу видеть свои деньги в положенный срок и если будет не хватать хотя бы одного бакса...

— Нет, — перебил его Рич, — я здесь не для того что бы возвращать тебе деньги, — он приподнял свою рубашку, достал из-за пояса блестящий слиток золота и бросил его на стол. — Я пришел отыгаться!

* * *

Сознание к Финчеру возвращалось нехотя, голова раскалывалась, а на затылке вздулась внушительных размеров шишка. Последним что он помнил, была ехидная улыбка Фрэнка и предательский удар в спину.

— Проснись и пой, — с этими словами охранник окатил его из ведра холодной водой.

Ричи окончательно пришел в себя и попытался встать, но понял, что привязан к стулу.

— Что за черт? — спросил он, откашливаясь. — Где я?

Помещение было ему незнакомо и это не удивительно, голые бетонные стены, грязный пол, на котором еще не засохли следы чьей-то крови, обычно люди, попадавшие сюда, живыми не уходили.

Все знали, что с Фрэнком Беллом не шутят и, если уж ты ему чем-то насолил или еще хуже задолжал — лучше бежать и бежать не оглядываясь. Этот человек ради собственного развлечения мог запереть тебя в одной комнате с бойцовскими собаками и с удовольствием смотреть, как они будут отрывать от тебя по кусочку. Поговаривали, что у него даже есть собственное маленькое кладбище, на котором зарыты все его враги. Ричард не верил в такие сплетни, но и проверять их достоверность не собирался.

— Что это такое? — послышался голос откуда-то справа.

Финчер повернул голову и увидел Фрэнка, он вальяжно раскинулся в кресле, его дорогой костюм явно не подходил к окружающей обстановке. В протянутой руке Фрэнк держал слиток золота.

— Я очень не люблю повторяться, Финчер, но ты особенный гость в нашем заведении, поэтому сделаю исключение и спрошу еще раз. Что это такое? — он потряс в воздухе слитком.

— Это золото, Фрэнк. Благородный и очень дорогой металл.

Белл встал и подошел к Финчеру.

— И где же ты достал столько благородного и дорогого металла? — спросил он, слегка

наклонившись вперед.

— Пожалуйста, отпустите меня, я ничего не знаю.

Фрэнк взвесил в руке слиток, как бы привыкая к его тяжести, а затем со всего размаху заехал им Ричи по голове. Финчеру показалось, что вселенная с нестерпимым грохотом раскололась на мельчайшие осколки. Кровь из рассеченной скулы брызнула на пыльный пол.

— Ты меня за идиота держишь? — голос Фрэнка сорвался на крик, а на правом виске выступил пульсирующий сосуд. — Откуда у такого никчемного опарыша как ты, — он ткнул окровавленным слитком Ричарду в грудь, — столько золота? Запомни Финчер, тебя никто искать не будет и если ты со мной вздумал в игры играть, то знай, я всегда выхожу победителем, или я не счастливчик Фрэнк.

Он отступил назад и его место занял охранник.

— И так, я жду ответ на свой вопрос.

Рич демонстративно застонал и закатил глаза.

— Сначала бьешь меня по голове, а потом просишь вспомнить что-то? Друг, да у тебя с логикой не все в порядке.

Фрэнк удивленно обернулся.

— И это говорит человек, который добровольно пришел в подвал полный преступников со здоровенным куском золота в штанах. В подвал ко мне, к Фрэнку Беллу! Да у нас тут образовался Рэмбо, — Белл толкнул охранника локтем в бок. — Ты смотрел Рэмбо?

— Нет, сэр, — ответил тот.

— О, ты много пропустил. Знаешь, как назывался первый фильм? Рэмбо: Первая кровь. Как звучит, а? Мне нравится кровь, а тебе? — охранник кивнул. — Ну что ж, тогда отрежь ему палец. Посмотрим на его кровь.

Лицо охранника расплылось в улыбке. Судя по всему, этот парень очень любил отрезать людям конечности и с нетерпением ждал этого момента. Он зашел Финчеру за спину и принялся греметь чем-то металлическим. Похоже, что там стоял целый стол, заваленный инструментами для пыток. Ричи начало казаться, что слухи про личное кладбище были не только правдивыми, но и преуменьшенными.

— Стойте, стойте, я вспомнил, я все расскажу, — начал было причитать Финчер, но Фрэнк не дал ему договорить.

— Твой поезд ушел, — он перебрасывал слиток из руки в руку, наслаждаясь его блеском. — Я был добр к тебе и просил по-хорошему. Я же просил по-хорошему?

— Угу, — откуда-то сзади подтвердил охранник.

— Вот! — Фрэнк указал на него пальцем. — Я проявил терпимость и уважение, хоть ты его не заслужил, и вместо того, чтобы просто ответить на вопрос ты решил со мной поиграть в игру «я тупой и ничего не знаю».

Холодный металл прикоснулся к указательному пальцу Ричарда, его сердце тут же сжалось в комок, а затем заработало еще быстрее.

— Рэмбо, ты проиграл.

Раздался щелчок и руку Финчера пронзила боль, он не выдержал и закричал. Охранник подошел к Беллу, вертя в руке указательный палец, тот только отмахнулся.

— Можешь оставить себе, дарю, — охранник снова глянул на палец и равнодушно бросил в дальний угол комнаты. — Ну что, Финчер, память не вернулась? — Ричард только стонал. — Ну что ж, тогда придется лишить тебя еще одного.

— Стой, я все скажу, только не надо больше...

— Ага! И у нас победитель! — Фрэнк изобразил мелодию из игрового телешоу. — Но знаешь, что? Я бы с радостью послушал тебя, вот только настроение совсем пропало. Видишь ли, — он поднял слиток к своим глазам, — у меня уже есть здоровенный кусок золота. Что ты еще можешь мне дать? Разве что еще один пальчик. Возьмем еще один?

Охранник с глупой улыбкой на лице кивнул и снова зашел Финчеру за спину. Металл опять прикоснулся к руке.

— погоди! — Рич пытался собраться с мыслями. — погоди, есть еще. У меня есть еще!

— Вот это уже другой разговор, только ты попридержи коней, расскажешь через минуту.

Фрэнк кивнул, секатор щелкнул и безымянный палец упал на пол, прямо в небольшую лужицу крови, которая успела накапать из того места где раньше был указательный.

На этот раз Финчер уже не кричал, рука как будто стала деревянной и боль тусклыми отголосками доходила до мозга. В этот момент его волновали не потеря крови и не пальцы на полу, его волновало только одно, как заставить человека с секатором поверить в историю с пришельцем.

В то время как Ричард отчаянно пытался оставаться в сознании Фрэнк подтащил свое кожаное потертое кресло, которое явно повидало виды, и поставил его в полуметре напротив Финчера, затем, поправив дорогой пиджак, сел.

— Эй, — он похлопал Ричи по щеке, — ты еще тут? Не вздумай уходить на рекламную паузу в самый интересный момент, это жутко раздражает, — Финчер открыл глаза. — Так-то лучше. Так, на чем мы там остановились? Ах, да! Ты хотел рассказать мне про благородные и дорогие металлы.

* * *

Желтоватый блеск погрузил Муди в глубины фантазий о роскошной жизни. Дорогие яхты и красивые женщины, вкусная и всегда свежая еда в лучших ресторанах, и самое главное — не надо работать ночью, да и вообще работать не надо.

Боб подозревал, что даже если парень действительно не с этой планеты, то золото уж точно местное, а значит, его пропажу заметят, и, соответственно, будут искать, где оно всплывет. Эта мысль портила все. Все яхты начали тонуть, а красавицы потеряли свой былой шарм.

— Бобби, — Ричард исподлобья смотрел, как его напарник потерянным взглядом пялится на слиток в своих руках. — Бобби, золотце, ты еще тут? Хьюстон вызывает Муди, Хьюстон вызывает Муди. У нас проблемы, мы должны убить пришельца и спрятать тело.

Услышав слово «убить» Боб тут же пришел в себя.

— Ты что, с ума сошел? Зачем так орать? — он кинул взгляд на пришельца, тот по-прежнему лежал без сознания, и, схватив Ричи за рукав отволол к машине. — Ты понимаешь, что если нас кто-нибудь услышит, то...

— Да успокойся ты, тут никого нет, — Финчер указал на дома. — Смотри, ни одного окна. А прохожие? Ты видел хоть одного за все время? — Боб отрицательно мотнул головой. — Вот именно! Так что возьми себя в руки и для начала помощи загрузить золото в машину.

— А что на счет этого? — Муди кивнул в сторону лежавшего на асфальте пришельца.

— Я разберусь, — ответил Финчер.

Он подошел к незнакомцу и встал перед ним на одно колено. «Не навреди» вертелось в его голове, снова и снова. Дрожащей рукой он потянулся к позеленевшей повязке.

— Сначала ты хотел резать трупы... — прозвучал укоризненный голос отца откуда-то из дальнего уголка сознания. — Решил пойти еще дальше? Теперь ты в палачи записался?

— Нет, пап, я просто...

— Это, по-твоему, просто? Вот так взять и отобрать жизнь? Помнишь, за что тебя ценят окружающие? Ты сохраняешь жизнь, причем лучше всех своих коллег, и ты решил все разрушить одним движением руки? Ради чего? Ради чего хороший человек может пойти на убийство?

— Прости, — на этот раз Ричард ответил вслух. — Прости, мне просто очень нужны деньги.

С этими словами он срезал повязку с груди незнакомца и при первом же вдохе воздух начал снова наполнять грудную клетку. Ричу казалось, что он погрузился в вакуум, все звуки беспокойного ночного города исчезли и окружающую действительность до краев заполнили затихающие хрипы.

— Вот так, — Финчер взял пришельца за руку, серая кожа на ощупь была холодной. — Не волнуйся, просто дыши.

Голос отца в голове кричал, просил, молил его помочь умирающему, но решение Ричарда было окончательным. Оставалось только терпеть и ждать.

Пришелец сделал последний еле заметный вдох и затих, вместе с ним затих и голос в голове. Вот и конец, обратного пути нет.

Рич отпустил руку незнакомца, она безжизненно, словно резиновая, упала на асфальт.

— Ты закончил? — Муди закинул последний слиток в машину. Финчер кивнул. — Что будем делать с телом?

— Избавимся побыстрее и забудем, как страшный сон.

Парни погрузили труп на каталку и затащили в скорую помощь.

— Куда? — спросил Боб.

— В доки, куда же еще?

* * *

— Погоди ка, Рэмбо. Ты хочешь мне сказать, что вы нашли в подворотне пришельца с целым чемоданом золота, убили его, а труп скинули в море? — Фрэнк на мгновение замер, а затем громко расхохотался. — Посмотрите только на него, уже двух пальцев нет, а все шутки шутит. Эй! — он махнул рукой охраннику. — Давай ка еще пальчик.

Не успел Рич открыть рот, как секатор щелкнул, и средний палец с еле слышным стуком упал на пол.

— Ну, допустим, я поверил, — продолжил Фрэнк. — Но не в этот бред с пришельцами, нет. Зеленая кровь... — он недовольно фыркнул. — Чушь! Вот чемодан золота это куда интереснее. Ты же мне не соврал про чемодан? — Финчер замотал головой. — Вот и отличненько. Выходит, что ты со своим подельничком поделил все золото пополам. И где твоя половина?

— Дома, под кроватью. Там все, честное слово.

— Просто прекрасно! Великолепно! Говорил же, что ты сможешь, когда захочешь. Теперь, ты должен сделать для меня еще кое-что, мы устроим небольшой телефонный розыгрыш.

Белл вальяжно бросил слиток, который все это время держал в руках, на кресло и, нащупав в кармане Финчера мобильник, аккуратно достал его. Пролистав записную книжку, он нашел телефон Бобби и нажал кнопку набора. Когда раздались первые гудки, Фрэнк перевел мобильник в режим громкой связи.

— Да, — через мгновение ответил Муди. В эту же секунду Фрэнк достал из-за пазухи пистолет, приставил его к щеке Финчера и взвел курок.

— Бобби, золотце, — Ричард изо всех сил старался говорить спокойно, но голос предательски подрагивал, — ты еще в городе?

— Да, — неуверенно ответил Муди, — а что?

— Ничего серьезного, просто хотел отметить нашу находку. Ты же, я надеюсь, еще не все потратил? — Финчер неловко рассмеялся.

— Нет, конечно! Да я и за всю жизнь не справлюсь, — услышав эти слова, Фрэнк расплылся в улыбке. — А что тебе приспичило в три часа дня?

— Просто я подумал, когда мы еще с тобой увидимся? Сейчас каждый полетит в свой уголок мира, устроит себе локальный рай, а поговорить не с кем.

— Так ты просто попрощаться хочешь? Ну, хорошо.

— Отлично, встретимся в «Тощем Псе». Через сколько ты сможешь?

— Не знаю, Финч, я теперь очень занятой человек. Думаю, смогу выделить немного времени в следующий вторник. Тебе подойдет?

— Ха-ха, — без улыбки протянул Рич.

— Ладно, ладно, через полчаса подкачу.

— Тогда встретимся там, — Фрэнк повесил трубку и убрал пистолет от лица Ричарда, затем выпрямился во весь рост и кинул телефон охраннику.

— На всякий случай отрежь ему остальные пальцы, вдруг они с дружкой нас дурят? А я пока пойду, подышу свежим воздухом, за одно и познакомлюсь с подельником.

Охранник довольно хмыкнул и наклонился, чтобы начать свое грязное дело, но в последнюю секунду Фрэнк, уже стоявший в дверях, окликнул его.

— Только не дай ему подохнуть. Я хочу с ним еще поболтать, когда вернусь.

Охранник кивнул и дверь захлопнулась. Белл оставил Ричи наедине с садистом и секатором.

— Послушай, — Финчер говорил быстро, он уже почувствовал холод металла своим мизинцем, — тебе не обязательно этого делать. Давай все обсудим. У меня есть еще деньги и... — предложение не успело закончиться, как мизинец перестал быть частью Ричарда Финчера. Мгновение спустя глухой щелчок оставил его правую кисть совсем без пальцев, а владельца руки без сознания.

Охранник ткнул локтем свою жертву в голову, та бесчувственно качнулась. Он равнодушно пожал плечами и продолжил исполнять приказ.

Первым что почувствовал Ричи, придя в себя, была тупая ноющая боль в руках. Запястья были чем-то перетянуты, скорее всего, чтобы остановить кровь.

Открыв глаза, он огляделся по сторонам, Белла до сих пор не было или же он снова ушел, так или иначе в подвале были только он и охранник.

Откуда-то из глубины мозга снова всплыл голос отца, он звучал успокаивающе и в то же

время настойчиво.

— Сынок, ты должен жить. Слышишь меня? Если ты не сбежишь, они тебя убьют. Ты должен бежать.

— Но как?

— Посмотри на этого парня, он стоит спиной.

Финчер поднял голову и увидел, что охранник действительно стоял к нему спиной и играл в какую-то игру на его телефоне.

— Он тебя недооценил, и ты воспользуешься этим.

— Что толку, если я связан?

— Ты уверен?

Ричард аккуратно напряг правую руку и с удивлением обнаружил, что веревки поддались практически без сопротивления. Отсутствие пальцев и кровь на коже сильно облегчили дело. Медленно, стараясь не издавать лишних звуков, он высвободил руки и с ужасом уставился на изуродованные конечности. Кисти были больше похожи на плавники, кожа мертвенно бледная, а вместо пальцев остались окровавленные огрызки. Неприятный ком подкатил к горлу.

— Не время, сынок, — голос отца выдернул Финчера из пучины отчаяния. — Соберись! Ты должен бежать. Внезапность — это твой шанс, твое оружие. Этот урод лишил тебя пальцев, а ты лишишь его жизни, тебе ведь уже не в первой, верно?

Финчер медленно, стараясь не издавать лишних звуков, встал со стула. Жертва была на расстоянии пары больших шагов, но для него они казались бездной.

— Ну и что я должен с ним сделать? Он явно в другой весовой категории, да и руки у меня уже не те.

— Сынок, не заставляй меня в тебе разочаровываться, включи мозги!

Финчер окинул взглядом помещение в поисках чего-либо, более-менее напоминающего оружие, и нашел его. На потертом кожаном кресле блестел своим манящим желтым светом слиток золота, который, уходя, оставил Фрэнк. Рич аккуратно обхватил его своими изуродованными руками и хорошенько примерился к весу. Кровь на ладонях засохла не до конца, и слиток моментально стал скользким. Оружие так себе, но выбирать не приходилось.

Ричард, как следует, размахнулся и со всей имевшейся в тот момент силы ударил охранника десятикилограммовым металлическим бруском по затылку. Удар получился такой размашистый и сильный, что на слитке осталась небольшая вмятина. Охранник издал приглушенный стон и упал без сознания.

— Кинотеатр закрывается! — Финчер поднял слиток над головой и обрушил его на лежавшего. Череп проломился как спелый кокос, мозги вперемешку с кровью брызнули в стороны. Финчер словно загипнотизированный целую минуту смотрел, как растекается багровая лужа.

— Сын, — подсознание голосом отца взывало к Ричи, — вспомни, ты должен бежать, времени мало.

— Нет, рано. Нужно предупредить Бобби, еще есть шанс, что Фрэнк до него не добрался.

Он поддел тело охранника носком туфель и толкнул его. Труп перекатился на спину, безжизненные глаза уставились в потолок. На полу, в том месте, где только что лежал охранник, Финчер увидел телефон.

— Целый, это хорошо.

Первый звонок по мобильному телефону был произведен в 1973 году, тогда компания Motorola родила на свет почти килограммовый кирпич из пластмассы, который держал заряд всего полчаса и стоил на современные деньги примерно 9000 долларов. Это было крайне сомнительное и очень дорогое удовольствие, которое могли себе позволить лишь воротилы с Уолл-Стрит. Но было в этом телефоне то, за что Ричард Финчер сейчас отдал бы эти 9000 или даже больше. Толщина такого телефона составляла 12,5 сантиметра. В ходе технического прогресса мобильники становились все легче и тоньше, но что толку с этих улучшений, если у вас не осталось пальцев?

Скользкими от крови, онемевшими и изуродованными ладонями Рич пытался обхватить проклятый кусок пластмассы. С 12,5 сантиметровым брусом это проделать было бы на порядок легче.

— Используй голову, идиот, — и голова будто послушалась, выдав неплохую идею. Финчер лег на живот так, чтобы лицо было прямо над телефоном, затем зафиксировал устройство ладонями и носом провел по экрану, тот засветился. Рич облегченно вздохнул и набрал номер Муди.

— Только возьми трубку...

Гудок.

— Просто ответь на звонок...

Гудок.

— Давай, Бобби, дружище.

От сильного удара ногой двери в подвал распахнулись и с грохотом ударились в стену. Из темноты коридора в помещение зашел Фрэнк со звонящим телефоном в одной руке и увесистым чемоданом в другой.

— Дорогая, я дома! — он вальяжно прошагал по комнате, остановился возле Рича и бросил ему игравший мелодию мобильник, на экране которого светилось «Рич Финч».

— Смотрю, вы тут и без меня хорошо провели время, — Фрэнк пнул труп охранника. — Жаль, так хотелось поразвлечься.

Он бросил чемодан на пол, затем вышел в коридор и занес второй.

— М-да, ну и наделал же ты дел, Финчер. Ты же в скорой работаешь, на сколько я знаю?

Рич нерешительно кивнул, он все еще лежал на полу и боялся пошевелиться.

— Ну и как, не жалеешь, что так поступил? Хотел бы вернуться и сделать другой выбор? Ты бы спас того парня, твой друг остался бы жив. Да, кстати, я выкинул его труп в мусорный бак, как дохлую дворнягу. Ах, и пальцы, посмотри, — Фрэнк указал на разбросанные вокруг стула пальцы, — они были бы сейчас на своем законном месте.

Допустим твоя история про инопланетянина — правда... Подумать только, инопланетная жизнь... Сколько нового человечество могло бы узнать, сколько открытий сделать? А ты все просрал. И ради чего? Вдумайся только, ты убил представителя инопланетной цивилизации, возможно, тем самым объявив человечеству смертный приговор, начав межпланетную войну, только чтобы лишний раз поиграть в карты в подвале пивнушки. Финчер, ты официально самый тупой сукин сын, которого я встречал в своей жизни. Мне решительно непонятно как тебя взяли на работу в скорую, и как ты до сих пор еще не вылетел. Но знаешь, что? Благодаря тебе у меня теперь есть столько золота, что я за раз не могу все поднять, и даже если в конце недели к нам прилетит космическая армада устраивать резню, я умру на шелковых простынях в роскошном особняке, а ты — здесь, в

крови, грязи, и дерьме, — Белл достал пистолет и нацелил на Ричарда. — Я бы... а к черту!

Фрэнк нажал на спусковой крючок, курок ударил по капсюлю, порох воспламенился и расширяющиеся от тепла пороховые газы вытолкнули из ствола пистолета девяти граммовый кусочек свинца.

Сначала, время замедлялось незаметно, но к моменту, когда пуля преодолела почти весь путь от стрелка к жертве, прошла сквозь ладонь, которой Финчер закрыл свое лицо, и уперлась в кожу на лбу — совсем остановилось.

Два человека замерли в нелепых позах. Один, зажмурившись, стоял, держа оружие из ствола которого вырывалось пламя, второй лежал на полу и в страхе закрывал лицо окровавленной ладонью.

Тени в одном из углов комнаты дрогнули, исказились и растаяли словно дым. Мастерская иллюзия света рассыпалась, показав того, кто прятался за ней все это время. Незнакомец в коричневом осеннем плаще до пола вышел в центр комнаты, открыл сначала один чемодан, а затем и второй. Убедившись, что все золото на месте он с необычной легкостью поднял поклажу и направился к выходу. Остановившись в дверях, он окинул сочувствующим взглядом застывшую пару.

— Вымирающий вид, как жаль, — незнакомец вздохнул и закрыл дверь. Время продолжило свой полет, а вместе с ним и маленький девяти граммовый кусочек свинца.

Часть третья

За две секунды до полуночи

— Ну и холодина, — Дэннис грузно ввалился на пассажирское сидение полицейского «Форда». В руках он держал картонную подставку с двумя стаканчиками.

— А? Что? — встрепенулся Букер и растерянно огляделся по сторонам. Тучи окончательно заволокли монотонным серым бетоном небо и на лобовом стекле уже начали появляться маленькие капельки.

— Ты что, дрыхнешь тут? — Дэннис захлопнул дверь и протянул напарнику кофе.

— Да не, просто дал глазам немного отдохнуть, — Букер взял стаканчик и обхватил его обеими ладонями. Дежурство не успело начаться, а пальцы уже замерзли и плохо слушались.

— Дрыхнешь, дрыхнешь, я ж вижу, — Дэннис улыбнулся. — Ну и правильно, погодка — мерзость. По такой только и спать, — он отхлебнул из своего стаканчика, скривился, и отставил его на приборную панель автомобиля. — Ух, горячий, зараза. Кстати, ты знал, что в этой кофейне целых тридцать разновидностей кофе, всякие капучино, эспрессо, лате и все такое, а чая всего два, черный и зеленый?

— Это ты к чему? — Букер аккуратно отхлебнул из своего стаканчика, и кофе, волной приятного, бодрящего жара прокатился по горлу прямым в желудок.

— Да так... Марси в последнее время начала намекать, что я себя не берегу, если можно так выразиться.

— Что говорит? — по правде сказать, Букеру было абсолютно все равно, что она там говорит, он спросил из вежливости и рассчитывал получить в ответ что-то типа «да так, ничего» или «ай, не обращай внимания». Погода действительно была мерзкая и вовсе не настраивала на разговоры. Но Дэннис был из той породы людей, которые не могли просто так сидеть и молчать, это было выше его сил.

— Назвала меня жирным, представляешь? — ответил он и недовольно фыркнул.

Букер представлял. Сложно было не представить, учитывая тот факт, что живот Дэнниса с трудом пролазил в двери бедного «Форда».

— Да ладно? — Букер изобразил крайнее удивление, и опять из вежливости спросил: — Так прям и сказала?

— Ага. Ты, говорит, Пит, совсем жирный стал. Как будто она сама королева красоты. Говорит, бросал бы ты пончики с кофе жрать целыми днями, а не то так гляди и взорвешься. Но я на нее смотрю и вижу, что это она скоро взорвется, и если это случится, то мне хана. Мою лучше не злить...

Вызов на 218 Канал-стрит, — вдруг раздалось из динамика автомобильной рации, — пожилая женщина жалуется на странный запах из соседней квартиры.

На секунду в машине повисла тишина, затем Дэннис шумно вздохнул и потянулся за рацией. Ему очень не хотелось начинать и без того унылый день с не менее унылого вызова. Старушка из Чайнатауна жалуется на плохой запах, ну и хрен бы с ней, глядишь не перестрелка. Несмотря на это, работа есть работа, а потому он монотонно протараторил в микрофон: «Восьмая машина, вызов принял», и повесил его на место.

— Чем все с женой то закончилось? — спросил Букер, пристегиваясь.

— Чем, чем? У меня всего два варианта: либо ее бросать, либо кофе с пончиками. Вот, — он ткнул пальцем в стаканчик, стоявший на приборной панели, — чей теперь пью.

Дом по Канал-стрит представлял собой старое пятиэтажное здание, практически в центре Чайнатауна. Его бежевый, грязный фасад «украшали» поржавевшие пожарные лестницы и пестрые вывески на китайском.

Патрульный «Форд» блеснул пару раз маячком и остановился у тротуара. Первым из автомобиля вышел Букер и ему в нос тут-же ударил резкий запах сырой рыбы. Недавно выпитый кофе неприятным комом подкатил к горлу и Генри, сморщившись, зажал пальцами нос.

Генри Букер на дух не переносил рыбу и все, что с ней связано. Это была ненависть, глубокая, насыщенная и неискоренимая. А все из-за того, что в детдоме, в котором он провел свое детство, уродливая и не менее злая кухарка миссис Крабапл, с картинной бородавкой на носу по вечерам пятницы всегда готовила палтус. И все бы ничего, подумаешь, порция жареной рыбы раз в неделю, но одному из таких пятничных вечеров было суждено совпасть с днем рождения Генри. Одинокая свечка на скромном маленьком тортике, больше походившем на кекс — это все, что обычно получали именинники в детдоме, свой личный миниатюрный праздник. Генри же получил еще и пищевое отравление. В тот вечер миссис Крабапл, не смотря на праздничное меню, не стала нарушать традицию, приготовив, купленного накануне палтуса, который оказался пропавшим. Всю ночь Генри провел на унитазе, выблевывая смешавшуюся с тортом рыбу, и в, это же время, приобретая к ней устойчивую неприязнь.

— Твою мать, — прохрипел Букер. — Что за черт?

— Рыбный ряд, — крикнул Дэннис, вылезая из-за руля.

И действительно, весь первый этаж соседнего здания был занят небольшим мясным рынком, добрую половину которого занимал рыбный ряд.

— Причина вызова — странный запах? — глаза Генри начинали слезиться. — Думаю, нужно сразу звонить детективам, это загадка, которая нам явно не по зубам.

Дэннис оценил шутку коллеги, но вместо короткого смеха у него почему-то получилось только приглушенно хрюкнуть.

— Слушай, — Дэннис показал пальцем на магазин через дорогу. Надпись на вывеске гласила: «Пекарня Драгон Лэнд», — давай потом туда заскочим, а?

— Я думал, ты теперь на диете, — Генри обошел «Форд» и, приблизившись к напарнику, ткнул пальцем в его массивное брюхо. Палец уперся в бронезилет, который все патрульные обязаны надевать под рубашку, но живот Дэнниса все равно колыхнулся, словно огромная порция желе.

— Марси пригрозила, что с завтрашнего дня на завтрак мне какую-то траву будет давать. Типа для здоровья полезно. Как будто я козел какой на грядке. Вот, хотел напоследок человеческой пищи перехватить. Так что, зайдем?

— Пит, ты мой напарник и я дорожу твоим здоровьем, как ничьим другим. Конечно, зайдем. Только пончики не бери, а то реально взорвешься.

Дэннис снова хрюкнул и зашел в подъезд. Улыбку с его пухлого лица тут же, как ветром сдуло. В здании не было лифта.

— Какая квартира там была? — спросил он, все еще тешась надеждой, что не придется подниматься на самый верх пешком. Только не на самый верх.

— 5-с, — ответил Генри. От этих слов у Дэнниса внутри что-то умерло. Он жалобно посмотрел наверх, на уходящие ввысь бесконечные перила, затем на своего напарника.

— Может я тебя внизу подожду, а?

Букер коварно улыбнулся, эта улыбка означала «нет». Поблажек от него ждать не стоило. В вопросе лишнего веса он придерживался только одного правила: Сам жрал — сам и мучайся. А что, если наверху его примут два агрессивных наркомана, а напарник не удосужился поднять свою толстую задницу на пару пролетов? Нет, так дело не пойдет, а вот Дэннис пойдет, никуда не денется. Ему и правда, не помешало бы скинуть пару кило.

На третьем этаже патрульным пришлось сделать привал.

— Кажется, у меня сейчас инфаркт будет, — Пит одной рукой держался за расписанную граффити стену, а другой — за свой пухлый бок. Маленькие капельки пота скатывались из-под его фуражки и собирались на носу, откуда регулярно смахивались рукавом служебной рубашки.

— Я думал, ты его еще на втором схватил, — улыбнулся Букер.

— Ха-ха, очень смешно. Вот сдохну прямо тут и испорчу тебе день, будешь знать.

— Такой день испортить надо еще постараться.

Несмотря на то, что времени было около десяти утра, за окнами стало еще темнее. Тучи с каждым часом все больше наливались свинцом, а дождь из мелкого превратился в микроскопический. Крошечные капельки зависали в воздухе неприятной моросью, и Букер в глубине души радовался медлительности своего напарника. Если бы не это необъятное пузо, они бы уже давно здесь закончили, и ему пришлось выйти наружу, в этот дивный серый мир со стопроцентной влажностью.

До пятого этажа Дэннис добрался в полуобморочном состоянии. Теперь сомнений в правоте его жены быть не могло. Марси, скармливай этому парню столько травы по утрам, сколько сможешь, этот фарс пора заканчивать.

Букер дал напарнику немного времени отдышаться (каково будет бедной старушке увидеть стража закона в таком плачевном состоянии), а затем постучал в дверь с металлическими «5-с» над маленьким глазком.

— Полиция Нью-Йорка, — на всякий случай выкрикнул он, — откройте.

В таких районах беспечно себя чувствуют только туристы, и только до первого вытащенного из кармана кошелька. Местные же осторожны и кому попало обычно не открывают. А судя по тому, что сказал диспетчер, полицию вызывала пожилая женщина, они осторожны вдвойне.

— Может дома никого? — предположил Дэннис.

— Мэм, я вижу, как вы смотрите на меня через глазок, — Букер ничего такого не видел, но иногда эта фраза срабатывала. Этот раз не был исключением.

За дверью раздался приглушенный шорох и щелканье замков, затем она приоткрылась ровно на столько, на сколько позволяла небольшая стальная цепочка. В образовавшийся проем выглянула пожилая азиатка с белыми как снег, редкими волосами, собранными в пучок на макушке. Ее лицо было испещрено настолько глубокими морщинами, что Букеру показалось, будто это какая-то странная карнавальная маска.

— Доброе утро, мэм, это вы звонили в 911?

— Где вас черти носят? — начала она разговор с претензии. Кто бы мог подумать? — Я звонила вам полчаса назад.

По-хорошему Букеру сейчас должно было быть стыдно, ведь это он уговорил Дэнниса не спешить. Старушка жалуется на странный запах, такое может и подождать пока не закончится утренний кофе. Но ему не было стыдно. А теперь, когда он лично увидел эту склочную развалину, он жалел, что Пит не купил по две чашки каждому.

— Так что у вас стряслось? — равнодушным тоном спросил Генри, кладя руку на пояс.

— А вы сами не слышите? — удивилась старушка. — Вонь на всю лестничную площадку.

Она сморщила нос, и морщины тут же образовали целую ирригационную сеть вокруг глаз.

— Мэм, как вас зовут? — спросил Букер, стараясь сохранять самообладание.

— Ким, — отрезала она.

Генри подождал еще секунду, ожидая полного имени, но продолжения не последовало.

— Миссис Ким, у вас на первом этаже люди продают сырую рыбу и мясо, вы в курсе?

— Молодой человек, я живу в этом доме всю свою жизнь, и уж поверьте, к этим запахам я давно привыкла. Вы лучше примухайтесь, мне даже через стену воняет.

Букер не хотел потакать старой стерве, но все же вдохнул поглубже. Запах рыбы, не такой резкий, как у входа, но по-прежнему отвратительный, выбил из глаз Генри слезу.

— Миссис Ким, я ничего... — он остановился на полуслове. Это пришло как легкое послевкусие после глотка дорогого вина. Где-то там глубоко, практически на самом дне, между мучавшими нос запахами сырой рыбы, мяса и старушечьего тела притаился знакомый сладковатый «аромат». Он был еле уловим, практически неосозаем, но все-таки был. Генри обернулся к своему напарнику и по глазам сразу понял, что тот тоже унюхал неприятную сладость.

— Он там наркотики варит, точно вам говорю, — прошипела старушка.

Генри ее не слушал. Еле различимая приторность, витавшая в воздухе, полностью завладела его мыслями. Он подошел к двери с номером 5-b, наклонился к замочной скважине и снова примухался. Похоже, запах действительно исходил из соседской квартиры.

— Откройте, полиция, — Букер постучал кулаком в дверь и прислушался.

— Он там, я точно знаю, — Ким, вышла на лестничную клетку, чтобы лучше видеть, что происходит. — Вчера зашел и больше не выходил.

— Полиция Нью-Йорка, откройте! — Букер выкрикнул так громко, как только мог и снова постучал. Ответа по-прежнему не было.

— Миссис Ким, как зовут вашего соседа? — спросил у старухи Дэннис.

— Норман. А вот фамилию не помню, — ответила она неуверенно, затем добавила. — Моррис. Точно, Норман Моррис.

— Мистер Моррис, откройте дверь, — громогласно выдал Дэннис. Не зря говорят, что все хорошие оперные певцы — толстяки. — Если вы не откроете, мы будем вынуждены выбить ее!

Тишина.

Полицейские снова переглянулись, их взгляды были тяжелы, тяжелее туч, с утра не дававших свету пробиться в окна дома 218 по Канал-стрит.

— Миссис Ким, вернитесь к себе в квартиру, — Дэннис рукой направил престарелую азиатку в открытую дверь, а сам достал пистолет и встал позади Букера. Генри тоже вытащил оружие. Дождавшись, когда старушка скроется у себя в квартире, он крикнул: «Мистер Моррис, мы заходим!» и ударил ногой по двери 5-b. Удар пришелся аккурат туда, где располагалась замочная скважина. Деревянной косяк треснул и щепки разлетелись во все стороны, как маленькие коричневые конфетти.

За мгновение до удара Генри сомневался в правильности своих действий. Показания

старухи воспринимать серьезно станет далеко не каждый. Сколько таких сумасбродных баб он за свою карьеру повидал, и, по сути, правы в своих обвинениях были лишь единицы. А запах? Запах был слишком слабым и мог оказаться лишь причудливым результатом смешения ароматов рыбного ряда. Но как только двери распахнулись, все сомнения отпали в одночасье. Волна омерзительной сладости вырвалась из квартиры и накрыла полицейских.

— Твою мать! — крикнул Дэннис. Он закрыл нос и рот своей пухлой ладонью, борясь с подоспевшим к празднику рвотным позывом.

Так раздражавший Букера, запах рыбы отступил, прихватив с собой и сырое мясо, и вонь старухи. Теперь балом правил новый король — сладкий смрад разлагающейся человеческой плоти.

— Есть кто живой? — выкрикнул Букер и прислушался, ответа не было. Тогда он жестом приказал напарнику следовать за ним и зашел в квартиру.

Жилище Нормана Морриса, похоже, переживало не лучшие времена. Узкий коридор, проходивший через всю квартиру, действительно напоминал типичный притон. На стенах вместо обоев наклеены обрывки газет, без какой-либо закономерности, иногда в два или три слоя. В некоторых местах на газетах баллончиком были нарисованы непонятные знаки. Будто кто-то начинал что-то писать, но тут же терял интерес к своему занятию и не доводил до конца даже первую букву. Похоже, что тот, кто этим занимался, был не в себе и не совсем понимал, что делает.

Букер не смог отыскать среди нагромождения газет выключатель и достал фонарик. Луч света пробил темноту коридора до его противоположного конца и уперся в запертую дверь.

Генри уже тогда знал, что кто бы ни был в этой квартире, он мертв, и судя по смраду, мертв уже давно. Так же он был практически уверен, что мертвец находится именно за этой дверью, но правила поведения в таких ситуациях предписывали ему осматривать жилище постепенно. Тебе же не хочется получить ржавой отверткой в спину от какого-то бешеного наркомана, спрятавшегося в комнате, которую ты сам и не проверил?

Не сводя взгляда с закрытой двери в конце коридора, Генри подошел к ванной, аккуратно заглянул в нее и понял, что чистота хозяина волновала в последнюю очередь. Новым квартирантам понадобятся услуги профессиональных чистильщиков, потому как сантехника за слоем грязи не просматривалась, а на занавеске для душа черным мхом расплзлась плесень. Парень явно был не из любителей понежиться в теплой воде с бокалом Шардоне.

Следующим шагом на пути к источнику вони была кухня. Здесь Букер наткнулся на нечто странное. Одна из конфорок на дешевой газовой плите была зажжена, а над ней стояла трехлитровая кастрюля с молоком. Точнее молока в ней уже почти не было. Оно превратилось в коричневатую, бурлящую массу, едва покрывавшую дно. Что удивительно, запах подгоревшего молока даже не пытался перекрыть трупный. Он проиграл этот неравный бой и скромно ютился вокруг плиты. Но Букера волновало не это, он думал о том, что даже если бы бедняга Моррис поставил молоко на огонь и тут же скончался, он бы не при каких обстоятельствах не успел начать так сильно пахнуть, пока оно выкипает. И что это значит? А то, что, либо труп в таком состоянии в квартиру принесли, либо здесь кто-то недавно побывал. В обоих случаях не обошлось без живого человека. Расслабляться не стоит.

Генри выключил конфорку и вышел в коридор, Дэннис уже стоял возле закрытой двери, возле последней двери в квартире.

Букер, предвкушая насыщенность смрада, с которой ему предстояло столкнуться,

глубоко вдохнул, задержал дыхание и потянул дверную ручку на себя.

* * *

— Ни хрена себе, — рука Дэнниса, крепко сжимавшая пистолет, медленно опустилась. — Ты когда-нибудь такое видел?

Генри отрицательно мотнул головой. Патрульным полицейского департамента Нью-Йорка частенько приходится навещать всякие зланные места. Ночлежки, притоны, самодельные лаборатории по производству дешевой и низкокачественной дури, все это и еще больше, служи и защищай приятель. Но к такой обстановке быстро привыкаешь, потому, что в каждой норе, на каждом дне есть своя закономерность и предсказуемость. Рано или поздно ты просто перестаешь удивляться тощим трупам в притонах и дорогому химоборудованию в подвале заброшенного дома. Но квартира Нормана Морриса была тем неприятным исключением, когда после семилетнего стажа работы в полиции Генри мог с железной уверенностью сказать: «Такого, черт его дери, странного дерьма я еще не встречал, и видит бог, больше не хочу».

Двое полицейских стояли на пороге небольшой комнатушки и не решались зайти внутрь. Их смущало несколько вещей.

Первой из них было то, что жилым это помещение назвать не поворачивался язык, а учитывая, что это единственная комната в квартире — становилось совершенно непонятно, как бедняга Моррис мог обитать в таких условиях (жизнью это точно не назовешь).

Комнату по задумке архитектора должно было освещать высокое, узкое окно, выходящее на Канал-стрит, но оно, как и стены в коридоре было заклеено толстым слоем старых газет. Плотные, уже грозовые, тучи на улице делали освещение еще хуже. Дэннису даже на миг показалось, что они находятся не на пятом этаже, а в каком-то подвале.

Второй вещью были часы, десятки их. Они были буквально везде. Большие и маленькие, старые и новые, электронные и с маятниками. Стены комнаты настолько плотно покрывала армия разнообразных часов, что за ними невозможно было разглядеть цвет обоев, если они, конечно, были. На полу же в хаотичном порядке были разбросаны будильники и даже несколько наручных «Casio». Скорее всего, хозяин купил их оптом, по дешевке. Все часы (по крайней мере, те, которые Генри успел рассмотреть), даже электронные, не шли. Время в комнате остановилось за две секунды до полуночи, судя по «PM» на одном из будильников.

Третьей вещью оказался сам хозяин квартиры, или же то, что от него осталось.

Питер Дэннис не всегда был толстяком. Первые пару лет службы он ходил в тренажерный зал, соблюдал режим питания, и вообще, был подтянутым молодым человеком. Но на одном из рутинных вызовов ему пришлось увидеть то, что изменило его, сделало дыру в душе таких размеров, что ни один здоровый завтрак не мог ее заполнить до конца. Он увидел труп. И не такой, которые ему попадались частенько, свеженький, только из перестрелки. Нет, этот бедняга провалялся на дне Гудзона как минимум неделю. Парня раздуло газами, и он всплыл на радость прогуливавшейся по берегу влюбленной парочке. Питу до сих пор иногда снятся сморщенные, молочно-белые ладони и лицо, на котором всю неделю пировали раки и прочая речная живность. Но между этим раздутым утопленником и Норманом Моррисом не было ничего общего кроме сладкого гнилостного запаха.

В дальнем углу странной комнаты в квартире 5-b, в окружении будильников и наручных

часов, на старом паркете лежал грязный матрас без простыни. На матрасе, раскинув руки и ноги, покоился голый Норман Моррис. Его голова свисала с края «постели», а глаза были плотно закрыты.

Попав в подобную ситуацию, полицейский в первую очередь должен проверить человека на наличие признаков жизнедеятельности, но сейчас в этом не было никакой необходимости. Хозяин квартиры был определенно мертв.

Мистером Моррисом, плохо пахнущим соседом, оказался мужчина лет тридцати — тридцати пяти. Его черные, состриженные машинкой, волосы явно были в плохих отношениях с владельцем и, судя по большим залысинам, спешно покидали череп. Распространенная проблема мужчин его возраста, но ему об этом волноваться уже не стоит.

Тело мистера Морриса покрывали многочисленные следы от укусов. Даже не имея медицинского образования, Генри узнал в этих следах отпечатки человеческих зубов. Один раз, в молодости, он подцепил в каком-то клубе сумасбродную девицу, так она во время секса на одну ночь искусала ему всю руку, чтоб ей пусто было. Красные следы человеческих зубов плотно засели в его памяти, после того как он все утро обрабатывал их перекисью водорода.

Но раны, которые оставил человек, кусавший Нормана, были так же похожи на укусы пьяной девицы, как раздутый утопленник на самого мистера Морриса. Несомненно, это были следы человеческих зубов, но повреждения, которые они оставили не шли с ночными приключениями Генри ни в какой сравнение.

Каждый овальный отпечаток челюсти окружали мириады крошечных, словно сыпь, желтых гнояников. Они волнами расходились от ранок во все стороны, образуя узоры, похожие на те, которые можно иногда увидеть в очередной передаче про пришельцев — круги на кукурузных полях. Кожа вокруг некоторых укусов почернела от кровоизлияний, что делало, по всей видимости, не любившего солнечные ванны, мистера Морриса похожим на искаженную большой фантазией карикатуру далматинца. Но более всего Генри поразили следы от ногтей. Похоже, что вся эта прелесть на теле бедняги Нормана дико чесалась, потому что кожа вокруг самых больших очагов инфекции (или что это вообще такое) была расчесана до самого мяса, а ногти мертвеца были измазаны в его собственной крови.

Нервы Дэнниса, до этого момента были натянуты словно канат, но как только он увидел труп мистера Морриса, они с диким грохотом (по крайней мере, так ему показалось) лопнули. Теперь место в его ночных кошмарах точно зарезервировано для этого красавца. Прощай, опостылевший утопленник, возвращайся на дно Гудзона. У меня теперь есть новый мучитель и его зовут Норман.

— Меня сейчас вырвет, — Дэннис зажал рот рукой и, слегка пошатываясь, побежал по коридору. Не задумываясь, он ввалился в уборную и из его утробы вырвался сначала стон, а затем и струя утреннего чая. Немного придя в себя, Пит открыл глаза и понял, что держится голыми руками за почерневший унитаз. Должно быть, он схватился за него, чтобы окончательно не упасть. В голове толстяка тут же яркой неоновой вывеской загорелась мысль: «Моррис умер от какой-то неизвестной заразы, и я ее только что подхватил». Его скрутило в новом приступе рвоты.

Букер аккуратно перешагнул через разбросанные по полу будильники и склонился над телом. «Что же с тобой произошло?» — подумал он, снимая с хлястика на плече переносную рацию.

— Центральный, это восьмая машина, нам нужна скорая на 218 Канал-стрит, — сказал

он в микрофон, затем развернулся и крикнул в коридор. — Пит, ты там как?

— Не знаю, — ответил тот, выползая из ванной, — но поход в пекарню отменяется.

— Ладно, может на улицу выйдешь? Тут и так бардак.

— Да, хорошо, — лицо Дэнниса приняло неестественный зеленоватый оттенок, который в свете фонаря делал его похожим на большое и толстое приведение.

— Старуху я сам опрошу, — снова крикнул Букер, но его никто не услышал, напарник уже выбежал из квартиры.

Генри еще раз осмотрел странное помещение и тяжело вздохнул. И как он собирается писать рапорт? Как такое вообще можно описать? А медикам же тоже отчеты составлять... Ну и работенку ты нам подкинул, Норми. Но сначала нужно снова опросить старуху, потому как на естественную смерть это явно не похоже.

Букер вышел из комнаты, полностью погруженный в свои мысли, но тут же остановился. Его внимание привлек странный звук, которого он не мог расслышать раньше, когда они с Питом только вошли сюда. Звук был настолько тихий, что стучавшее в ушах, купавшееся в адреналине сердце полностью его заглушало. Но теперь, когда его мотор немного успокоился, а толстяк Элвис покинул здание, он слышал. Это был то ли шорох, то ли человеческий шепот, исходивший откуда-то справа.

Генри посветил фонариком на стену коридора. Все те же газеты, наляпаные кое-как, и измазанные в черной аэрозольной краске. Хотя...

Он присмотрелся повнимательней и заметил, что в одной части стены клочок старого номера «New York Times» немного отклеился, а за ним виднелась кирпичная кладка и что-то деревянное.

Прислушиваясь к непонятному, еле различимому шуршанию за стеной, Генри, будто в трансе, подошел поближе, схватился за отвисший край газеты и потянул. Импровизированные обои отделились с невероятной легкостью, скорее всего, клею не удалось как следует сцепиться с поверхностью стены, и открыли свету фонаря, заложенный кирпичами, дверной проем.

— Что за... — Букер ошарашенно смотрел на свою находку. Квартира 5-b с самого начала преподносила ему один сюрприз за другим, и, казалось бы, концерт окончен, софиты обесточены и всем пора по домам, как вдруг это...

Он осторожно наклонился вперед и прижался ухом к прохладным кирпичам. Да, вот он, этот звук. По-прежнему не ясно шепот это или шорох, но одно стало понятно наверняка: квартира 5-b двухкомнатная и источник звука находится там, в замурованной комнате номер два.

— Эй, там есть кто-нибудь? — почему-то шепотом спросил он. В ответ шорох из-за стены прекратился. «О боже, там что, человек? — пронеслось молнией у него в голове. — Нет, отставить панику! Это может быть простая крыса или голубь на подоконнике. Дом старый, комнату заложили при перепланировке квартир, вот и все. Обычная крыса». Но было поздно придумывать простые объяснения. Берлога мистера Морриса всем своим видом давала понять, что простыми объяснениями здесь не отделаешься. Генри нужно было убедиться, что это не человек, узнать наверняка. Но как? Все хорошие идеи как по волшебству куда-то испарились, осталась только одна.

Он, дрожащей от волнения рукой, поднес свой металлический служебный фонарик к кирпичной кладке и осторожно постучал.

— Помогите, — послышался приглушенный женский голос из-за стены, и Букер от

неожиданности отскочил назад, но тут же пришел в себя. «Парень, ты профессионал, черт его дери, или кто? Возьми себя в руки и действуй по инструкции».

— Мэм, вы в порядке? — спросил он, и, не дожидаясь ответа, протараторил в рацию на плече. — Спасателей на 218 Канал-стрит, срочно.

— Норман, это ты? — спросил голос из-за стены.

— Нет, мэм, я офицер Букер из полицейского департамента Нью-Йорка. Не волнуйтесь, спасатели уже в пути, мы вас вытащим, постарайтесь оставаться на месте.

«На каком еще месте, идиот? Если бы ей было куда идти, она бы не звала на помощь».

— Норман, сынок, — продолжил голос, не обратив никакого внимания на тираду Генри, — выпусти меня, пожалуйста. Я буду хорошо себя вести, обещаю.

«Она его мать? Господи Иисусе! Больной ублюдок замуровал свою мать».

— Миссис Моррис, Норман... — Букер осекся, новость о смерти сына — это последнее, что ей сейчас было нужно. Лучше сохранить ее на потом, — вашего сына здесь нет. Постарайтесь не нервничать, сейчас главное — сохранять спокойствие. Слышите меня?

Но женщина за стеной, казалось, совершенно не слышала Генри или не хотела слышать. И он мог ее понять. Ведь быть замурованной заживо, а уж тем более собственным сыном...

— Норман! — в голосе послышались нотки раздражения. — Ты, дрянной мальчишка, выпусти меня немедленно! Ну, подумаешь, укусила разок, ничего страшного, до свадьбы заживет.

Брови Генри от удивления поползи вверх. Истинно, квартира 5-b была полна сюрпризов и загадок, одну из которых он, кажется, только что решил. Выходит, те ужасные следы от зубов, которые покрывали большую часть Нормана Морриса, оставила на нем его мамаша, и скорее всего, именно поэтому она сейчас находится по ту сторону кирпичной кладки. Беря во внимание возраст самого Нормана, его матери сейчас должно быть не меньше пятидесяти — пятидесяти пяти. В таком возрасте у некоторых людей уже может проявляться старческое слабоумие. Оставалось понять, почему он пошел на такие кардинальные меры вместо того, чтобы обратиться за помощью к компетентным органам, в чьи прямые обязанности входил уход за буйными стариками. Ответ на этот вопрос пришел незамедлительно.

Раздраженное бормотание за стеной на секунду стихло, а затем раздался низкий гортанный рев такой силы, что Генри рефлекторно вжался всем телом в стену коридора. Это было похоже на то, как истребитель пересекает звуковой барьер, только в десять крат сильнее и гораздо дольше. Громкость была такой, что ему показалось, будто никакой стены между ним и тем, что издает этот рев, нет, и никогда не существовало.

— Мразь! — это уже совсем не походило на женский голос, вовсе нет. Чего уж там, это даже на человеческий голос не походило. — Жалкий ублюдок, запер нас здесь, в этом никчемном коробе из камня и думает, что победил! Нет, Норман, ты только растягиваешь свои муки. Мерзкий червь! Покажись, дай посмотреть на твои раны. Мои узоры уже распустились на них? Да, конечно, распустились, я чую их запах, запах твоего конца, Норман.

Генри расслышал как что-то массивное, ходит кругами по ту сторону стены.

— Думаешь ты такой умный, Норман? Думаешь перехитрил меня? Да, гордыня в твоей ничтожной душонке пахнет сильнее всего, но теперь молоко тебе не поможет. Теперь тебе ничего не поможет. Мои узоры ослабят тебя, сомнут и съедят изнутри, и когда я выйду отсюда, ты пожалеешь о том, что запер меня. Ты обо всем пожалеешь, Норман!

Неожиданно топот и шарканье за стеной прекратились, и наступила такая

пронзительная тишина, что Букер снова услышал учащенный стук собственного сердца. «Может быть, все закончилось?» — с маленькой искоркой надежды подумал он, но сам прекрасно понимал, что с той самой секунды, как он ступил за порог квартиры 5-b, все полетело по наклонной, и теперь будет только хуже, и хуже.

Успокаивающая и дарящая надежду на хороший исход дела, тишина продлилась не долго. Секунд пять, не больше. За это время Генри Букер успел пожалеть обо всем на свете, как и говорил ему голос за стеной. Он жалел о том, что аккуратно не отшил эту старуху Ким. Надо было посоветовать ей обратиться к врачу, ведь навязчивые запахи могут быть одним из симптомов шизофрении. Жалел о том, что не попробовал чай Дэнниса, ведь если так подумать, он вообще никогда не пробовал чай. Но больше всего он жалел о том, что не взял отгул на сегодня. Не выспался, погода ни к черту, отвратительный денек...

Существо за стеной как следует разогналось и попыталось протаранить заложенный кирпичом дверной проем. Что бы там ни было, что бы этот чертов Моррис ни замуровал в своей квартире, оно очень хотело выбраться наружу.

Удар был мощным, Генри почувствовал его всем своим нутром. Здание содрогнулось, а вместе с ним и каждая клеточка, его оцепеневшего тела. Но каменная кладка каким-то непостижимым образом выдержала.

Второй удар последовал незамедлительно и был еще сильнее первого. На этот раз преграда слегка поддалась, некоторые кирпичи немного сдвинулись со своих мест, а у парочки даже образовались трещины.

Генри знал, что самый безопасный способ дожить до пенсии, работая в полицейском департаменте Нью-Йорка, это беспрекословно следовать инструкциям. И он следовал им. Но к такому дерьму ни в одном учебнике инструкцию не найти. «А если инструкций к вашей ситуации нет, то действуйте на свое усмотрение, опираясь на законы штата Нью-Йорк». Но какие законы могут быть применены к тому, что сейчас своей тушей уверенно пробивало дыру в стене?

«Служи и защищай, парень, — внезапно промелькнуло в голове Генри. — Служи и защищай, ведь именно ради этого ты пошел в полицию. И только эта инструкция тебе нужна. Так не вздумай поджать хвост и смыться! Служи и защищай до победного!»

Он стиснул зубы и уверенно выставил пистолет перед собой. Первым, что эта тварь увидит, пробив стену, будет служебный «Глок» Генри Букера.

От третьего удара каменная кладка изрядно прогнулась, и Генри начал молиться. К его собственному стыду, целиком он не мог вспомнить ни одной молитвы, поэтому бубнил их вперемешку и невпопад. Но это было не важно, а важно было то, что после третьего удара все часы в той комнате, где лежал бездыханный Норман Моррис, снова пошли и спустя две секунды, которые Генри показались больше чем вечностью, циферблаты синхронно показали 12:00. Квартиру 5-b затопили переливистые пиликанья нескольких десятков ручных «Casio», раздражающий стрекот будильников, и манерный бой настенных часов с маятником.

Какофония перезвонов заполняла собой все пространство, вытесняя реальность на задний план, но Генри ее не слышал, его вниманием полностью завладела, покосившаяся от неистового натиска зверя, каменная кладка. Он молился в ожидании последнего удара и совсем не заметил, как лежавший всего в паре метров от него Норман открыл глаза, затем встал и, как ни в чем не бывало, вышел в коридор. Голый, с ног до головы покрытый укусами язвами и гнойниками, он подошел к Генри и положил руку на пистолет.

— Спасибо, — сказал он без единой ноты волнения в голосе, — дальше я сам.

Затем Норман с неожиданной для человека такой комплекции, силой толкнул Генри в плечо, тот пролетел по коридору пару шагов, споткнулся о собственную ногу и упал. Все произошло слишком быстро, Букер не успел сгруппироваться, сильно ударился затылком о паркет и потерял сознание.

Последним, что он увидел перед тем как наступила тьма, был Норман Моррис. Тусклый свет фонарика, выпавшего из руки Генри, освещал щуплого человечка с глубокими залысинами, который спокойно стоял в полумраке грязного коридора, смотрел на замурованные двери, и ждал, когда зверь вырвется наружу.

* * *

Питер Дэннис, позеленевший и запыхавшийся, стоял с закрытыми глазами, опершись рукой на капот полицейского «Форда». Его губы были плотно сжаты, а лицо покрыто крупными каплями пота. И хотя со стороны этого не было заметно, внутри него происходила настоящая битва. Его слабый и безвольный разум отчаянно пытался переварить увиденное в квартире 5-b, побороть этот зарождающийся ночной кошмар пока еще не стало поздно, но кусок оказался слишком большим и застрял в глотке.

Сквозь бордовую пелену закрытых век он видел лежавшего на матрасе мистера Морриса. Его изуродованное болезнью тело во всех мельчайших подробностях проступало сквозь узор капилляров и это пугало Питера до смерти. «А что, если эта зараза передается через воздух? Что, если мы с Генри были обречены в ту самую минуту, как выбили эту сраную дверь?» Мысли судорожно металась в затуманенной страхом голове Пита, но к его счастью это продлилось не долго.

Утробный рык невероятной громкости прервал панические мысли Дэнниса, и зловещим эхом прокатился по соседним домам. Казалось, само здание за его спиной вибрирует в такт этому рыку.

У Питера в младших классах школы был знакомый паренек, и звали его, кажется, Феликсом. Так вот, у этого паренька был очень странный и малополезный в повседневной жизни талант. Он мог в любой момент, по собственному желанию, набрать в желудок воздуха, а затем отрыгнуть его обратно. Получалось это у Феликса невероятно громко и звонко, что, несомненно, радовало его друзей до определенного возраста, и Питер Дэннис входил в их число. Но даже соберись в одном месте с сотню таких вот талантливых Феликсов, и отрыгни они все одновременно и в унисон, они бы все равно даже близко не дотянули до рыка, вырвавшегося из 218 дома по Канал-стрит.

Дэннис от неожиданности вздрогнул и слегка присел. Первой мыслью, пронесшейся в его взмыленной голове, было: «Старая газовая плита взорвалась». Он открыл глаза и обернулся, ожидая увидеть горящее здание, но никакого огня не было. Тогда первую мысль сменила вторая: «Генри нужна помощь». Он не знал откуда это ему известно, но почему-то был в этом уверен на все сто.

Питер с ужасом вспомнил эти бесконечные, уходящие куда-то ввысь лестничные перила, но тут же отшел деморализующий образ в сторону. «Если Генри пострадает или, не приведи Господь, умрет из-за моей неспособности поднять свою жирную задницу на пятый этаж, то будь я проклят, если сам себе не вырежу этот чертов живот». Дэннис смахнул

капельки пота со своего, сморщившегося от напряжения лба, и ринулся на помощь напарнику.

Он бежал по бетонным ступенькам, перепрыгивая за раз через две, и высоко поднимая колени. Его живот колыхался под бронежилетом как буйное штормовое море, но Пит не обращал на это внимания. Он убедил себя, что с Генри непременно случится что-то ужасное, если он не добежит до пятого этажа, и не поможет ему. Эта уверенность придавала ему сил и позволяла не сбавлять темп.

Приближаясь к последним ступенькам, Питер Дэннис уже с трудом их различал. Пот, из отдельных крупных капель на лбу, превратился в стремительный горный поток, застилавший глаза, а сердце, которое служило ему верой и правдой все те годы, что он провел в наедании безразмерного пуза, норовило, пробив бронежилет, выпрыгнуть из груди и свалить куда подальше от неблагодарного хозяина.

Ступив на лестничную клетку пятого этажа, Пит сделал последний, финишный рывок и в два больших шага преодолел расстояние, отделявшее его от квартиры 5-b, но заходить внутрь не спешил. Он застыл на пороге, держась за ручку выбитой двери, и не мог поверить собственным глазам. Генри, раскинув руки, лежит на полу в каких-то двух метрах от входной двери, а рядом с ним в тусклом свете фонарика стоит мертвец.

Дэннис не понимал, что происходит, но одно он знал наверняка: «Генри просто так в обморок не падает». Букер был здоровым парнем в самом, как говорится, рассвете сил и вот так лежать посреди коридора уж точно не стал бы. Что бы с ним не случилось, в этом явно замешан восставший из мертвых мистер Моррис.

Пит замер, он не хотел отвлекать мертвеца от созерцания покосившейся стены. Медленно и аккуратно он потянулся к кобуре и попытался достать пистолет. Пальцы стали скользкими от пота, да еще и дрожали в придачу, что сильно осложняло процесс, но со второй попытки ему удалось подцепить ногтем кнопку на застежке, и она неожиданно громко щелкнула. От этого звука гремевшее в груди Дэнниса сердце, казалось, рухнуло куда-то вниз живота.

«Ну, все, — мелькнуло в его голове, — теперь этот зомби меня сожрет.»

Но у мистера «зомби» Морриса на это утро были немного иные планы. Он прекрасно знал, что на пороге его квартиры стоит второй полицейский, что он только что щелкнул кобурой, пытаясь достать свое оружие, и что в сложившейся ситуации лишний вес новоприбывшего сыграет с ним злую шутку, но сейчас об этом думать было нельзя. Замурованная дверь — это единственное, что в данный момент стоит его внимания, ведь еще одного удара она не выдержит.

Норман был прав, кирпичная кладка хоть и была скреплена особыми знаками на стенах, все же дала трещину, а значит, времени совсем не осталось и единственное, что он мог сделать для толстяка — пожелать ему удачи. Если повезет, тот успеет утащить своего напарника и себя из этой передряги, а если нет — ничего страшного, допустимые потери.

— Не двигаться! — выкрикнул Дэннис, выхватывая пистолет, как заправский ковбой из «спагетти вестерна».

Этот выкрик послужил сигналом к действию для твари, что скрывалась в замурованной комнате. Четвертый и последний удар сломил барьер, сдерживавший зверя. Кирпичи красным фонтаном разлетелись во все стороны. Один, срикошетив от стены коридора, угодил лежавшему без сознания Букеру в руку, чем привел его в чувства. Второй пролетел всего в паре дюймов от головы Дэнниса и тот, пытаясь инстинктивно прикрыть лицо

руками, вывалился из квартиры.

Падая на задницу, Пит успел краем глаза заметить какой-то бледный силуэт, отдаленно напоминавший человеческий. Окруженный облаком кирпичей, он вылетел из образовавшейся в стене дыры и врезался в стоявшего на пути Нормана. словно дерущиеся дворовые коты, они слились в один неказистый клубок, снесли гипсокартонную перегородку, отделявший кухню от коридора и скрылись из виду.

Генри почувствовал резкую боль в предплечье и вскрикнул. Открыв глаза в поисках того, что его ударило, он тут-же вспомнил, где находится, и что за чертовщина с ним творилась последние пол часа.

— Букер, ты как? — это был голос Дэнниса, доносившийся откуда-то сзади.

— Сойдет, — ответил он и приподнялся на локтях.

— Тогда может скажешь, что за херня здесь происходит?

На этот вопрос у Генри не было ответа. Первым делом ему нужно было раскопать из этих кирпичных завалов свой табельный «Глок», а уже потом разбираться в ситуации. По одной проблеме за раз, приятель.

Питер на четвереньках подполз к напарнику.

— Мы должны сваливать отсюда, да поскорее, — прошептал он и потянул Букера за рукав. — Этот мужик, кажется, ожил, а потом его сожрала... сожрало... — в словарном запасе Пита не находилось нужных слов, чтобы описать увиденное. — Короче, нужно валить и вызывать подкрепление или спецназ, а еще лучше армию.

Генри наконец отыскал свой пистолет и тут до него дошло, о чем тараторил Дэннис. Тварь, которая притворялась матерью Нормана Морриса (или может быть ею была), вырвалась из своей тюрьмы и с этим нужно было срочно что-то делать, ведь если она так запросто может таранить стены, то конфликт с легкостью выплеснется за рамки квартиры, а так и до жертв среди гражданских недалеко.

— Вставай давай, или я тебя насильно вытащу, — прервал ход его мыслей Дэннис, и снова потянул за рукав.

Это пустые слова, Пит даже при всем желании не смог бы этого сделать, но на его потуги и усердное кряхтение Генри бы с удовольствием посмотрел.

Вдруг, из кухни послышались странные ритмичные щелчки и приглушенные звуки борьбы. Если бы в этот момент кто-то спросил Букера, на что это было похоже, он ответил бы, не задумываясь: «Два вялых пьяницы дерутся, а третий подыгрывает им на кастаньетах». Довольно странное сравнение, но в свете последних событий оно не могло претендовать даже на третье место в рейтинге странностей.

Букер выдернул свой рукав из побелевших то ли от напряжения, то ли от страха, пальцев Пита, встал на ноги и, крепко сжав «Глок», заглянул в отверстие, пробитое в гипсокартоне Норманом и его «мамашей».

И без того грязная кухня квартиры 5-b теперь напоминала настоящее поле боя. Стол, раньше стоявший у пробитой стены, лежал грудой обломков на обильно усыпанном гипсовой крошкой полу, а сверху, на этой гряде, на четвереньках стоял Норман Моррис. Расчесанные до мяса раны на его теле снова кровоточили, а синяки вокруг укусов расплылись еще больше, значит, сердце в груди покойника возобновило свою работу. Но были и положительные изменения, узоры из грязно-жёлтых гнойников, до этого плотно покрывавшие кожу, стали гораздо меньше.

— Господа полицейские, — холодным голосом сказал Норман не поднимая головы, —

на вашем месте я бы воспользовался этим временным затишьем и спешно покинул помещение.

У Дэнниса по спине пробежал неприятный холодок и его можно понять. Не каждый день встречаешь зомби, а уж таких вежливых и подавно.

— Пошли, — шепнул он напарнику, но тот не обратил внимания.

Правильный полицейский в такой ситуации должен сохранять ясность ума, держать свои чувства и ситуацию под контролем. Генри оказался не правильным полицейским. Его накрыло новой волной самоотверженности, если можно так выразиться.

Стоя возле замурованной двери, и слушая, как зверь пытается вырваться наружу, он пообещал себе: «Первым, что эта тварь увидит, пробив стену, будет служебный «Глок» Генри Букера» и не сдержал этого обещания. Он был готов отдать свою жизнь, пойти на подвиг ради своих убеждений и принципов, но у него забрали эту возможность, причем бесцеремонно и в самый последний момент. Теперь он чувствовал себя религиозным фанатиком, чей пояс смертника дал осечку прямо посреди торгового центра, и это чувство свербело внутри, словно укус комара, заставляя делать роковые ошибки.

— Норман, мы просто хотим... — Генри пытался сказать «помочь», но не успел. Его прервали щелчки кастаньет, донесшиеся из-под остатков столешницы. Он бы мог пофантазировать, что за существо способно издавать такие звуки, но надобность в этом отпала, когда куски прессованной стружки, отбросив Нормана в сторону, взметнулись к потолку.

Свет от фонарика, лежавшего в коридоре, едва освещал внутренности кухни, но Букеру этой яркости хватило с головой, чтобы во всех подробностях разглядеть чудовище. Да, именно чудовище, по-другому и не скажешь.

Мамаша Нормана, или, по крайней мере, то, что от нее осталось, больше не относилась к виду *Homo Sapiens*. Теперь она являлась представителем совсем иной породы, и Генри всем сердцем надеялся, что единственным ее представителем. Нет, конечно, человеческие очертания в ней все еще просматривались, но они были исковерканы, искажены практически до неузнаваемости.

Руки и ноги этого существа были покрыты множеством волдырей и шишек, но при этом мышц на них почти не осталось. Колени и локти изгибались под разными углами, не свойственными человеку. Эти кости, покрытые бугристой, грубой кожей напоминали лапки гигантского насекомого, которое бесцеремонно натянуло на себя бедную женщину как какой-то свитер.

Бледное, тощее тело миссис Моррис скрывали остатки бежевого сарафана в горошек, из размера которых можно было с легкостью сделать вывод, что она до недавнего времени была раза в два толще. Обрывки одежды закрывали не много, и Генри заметил, что под ними нет складок кожи, которые обычно остаются, если человек очень резко худеет. Также он не заметил и половых признаков, будто существо, притворявшееся человеком, просто не знало об их существовании.

Но самое странное происходило с ее головой. Так заинтересовавший Букера щелкающий звук издавали челюсти миссис Моррис. Она открывала и закрывала, расплывшийся в жуткой гримасе рот с невероятной частотой при этом поразительно громко клацая зубами. Генри всматривался в это гипнотизирующее мельтешение и не мог понять, почему зубы от таких нагрузок не разлетаются в пыль.

— Святая Мария, мать Божья, — выдохнул Дэннис, выглядывая из-за плеча

напарника. Он никогда не был фанатом фильмов ужасов, но ему частенько приходилось их смотреть вместе с Марси, такой своеобразный акт примирения, после очередной несерьезной перепалки. Пита пугала сама идея существования чего-то сверхъестественного. Но фильмы еще можно было терпеть, ведь мягкий диван, любящая жена под боком, и возможность в любой момент поставить все на паузу дают некий островок безопасности для испуганного мозга. Здесь же нет ни попкорна, ни пульта, которым можно было бы остановить это безумие.

Страх перед необъяснимым сыграл с Дэннисом злую шутку. В его потную, перепуганную голову пришла сумасбродная идея, подпитанная на одну половину древними суевериями, а на другую — теми фильмами, которые он уже успел посмотреть со своей женой. Ему показалось, что если он посветит фонарем на это ужасное существо, то оно как минимум испугается, а если повезет, то и задымится. Зло ведь боится света, да?

Оказалось, что нет.

Когда Дэннис дрожащей рукой навел луч фонаря на бывшую миссис Моррис, произошло то, чего он совсем не ожидал. При виде яркого света зрачки на широко раскрытых глазах чудовища увеличились до невероятных размеров, они расплылись в большие черные пятна, полностью закрывавшие глазные белки. Вместо того, чтобы издать дикий вопль испуга или начать таять как облитая водой ведьма из страны Оз, оно выпрямилось в полный рост и протянуло безобразные крючковатые руки к фонарику.

— Свет! — выкрикнул Норман, вскакивая на ноги. — Уберите свет!

Но было слишком поздно. Пит где-то на уровне спинного мозга понял, что сделал большую глупость и попытался исправить положение, но у него ничего не получилось. Нет, его рука прекрасно слушалась, да и фонарик он отвел в сторону, уж будьте уверены, но сам луч света, нарушая все законы физики и здравого смысла, изогнулся в крутую дугу и продолжал освещать монстра. Дэннис потряс фонарик из стороны в сторону, но луч, ярким поводком сросся с чудовищем и никак не хотел от него отлипнуть.

На мгновение время в небольшой кухоньке квартиры 5-b замерло. Исковерканная миссис Моррис, широко раскрыв свои черные смоляные глаза, впитывала свет, словно большая уродливая губка. Полицейские стояли, раскрыв рты от удивления, и пытались осознать открывшийся им новый слой реальности. И только Норман Моррис, человек, готовившийся к этому долгие годы, умерший и воскресший, ради того, чтобы не допустить происходящего, знал, что нужно делать.

Одним ловким движением он оседлал свою мамашу как буйного быка на родео. Закрыв своими ладонями ее бездонные, жадные глаза и одновременно с этим обвивая ее тощее туловище ногами, он давал полицейским время и шанс на спасение. Но они не спешили им воспользоваться.

Как только ладони Нормана коснулись глаз чудища, луч света тут же выпрямился в привычный конус, как будто ничего и не произошло. Но это не заставило Дэнниса прийти в себя и начать думать. Ровно с тем же успехом можно было бы ткнуть пальцем в фонарный столб и попросить его подвинуться. Мозги толстяка при виде попираемых с такой наглостью законов физики, закоротило окончательно.

Букер тоже не сдвинулся с места, но совсем по иной причине. Он целился. Довольно сложный процесс, учитывая, что оседланная Норманом тварь не стояла на месте. Она извивалась, брыкалась и размахивала своими жуткими конечностями в жалких попытках скинуть наездника.

Генри медлил, он не хотел ненароком попасть в мистера Морриса. Прищурился левый глаз, он держал на мушке обезумевшую мамашу и выжидал подходящий для выстрела момент.

Тем временем Норман, изо всех сил стараясь удержаться в седле, впился своими окровавленными ногтями, которыми он совсем недавно расчесывал собственную плоть до самого мяса, в глаза чудища. Указательные и средние пальцы на обеих руках с неприятным звуком погрузились в глазницы на глубину двух первых фаланг.

Миссис Моррис на долю секунды остановилась, а затем изрыгнула из своего утроба еще одну порцию оглушительного, сотрясающего само мироздание, рыка. Затем она встала на четвереньки словно собака, прижалась к полу, обильно усыпанному смесью гипсовой крошки и древесных опилок, и, оттолкнувшись всеми четырьмя конечностями, взмыла вверх.

Норман понял, что происходит слишком поздно и не успел среагировать. Тварь с невероятной силой впечатала его в потолок, и удар о бетон оказался сильнее любых ожиданий. Воздух выстрелил из его легких словно пробка из бутылки шампанского, в глазах потемнело, а хватка ослабла. Падая он думал, что теперь жертв точно не миновать и все его труды были напрасны.

Представители семейства Моррисов приземлились почти одновременно, только мамаша на ноги, а сынок — на кухонный стол, тем самым завершив его существование.

Чудище медленно выпрямилось, и принюхалось. Вместе со зрением оно потеряло и ориентацию в пространстве. Застыв, оно прислушивалось, пытаясь понять в какой стороне потенциальная добыча.

Генри показалось, что лучше момента он может и не дожидаться. Задержав дыхание, он навел пистолет и выстрелил, а затем еще раз.

В академии его учили, что если уж дело дошло до оружия, то стрелять нужно сразу дважды. Даже если нападающий не умрет, то с ног свалится точно. Генри не был уверен, но скорее всего они имели в виду человека, потому как миссис Моррис не только не умерла, но даже не пошатнулась. Обе пули вошли в ее ребристую, как у тощей дворняги, грудь, и оставили аккуратные дырочки. Но мало того, что монстр не был повержен, выстрелы еще и привлекли его внимание.

Не зная, как поступить, Букер поднял крепко сжатый в ладонях «Глок» повыше и сделал последний выстрел. Выстрел, на который он возлагал все свои надежды. Выстрел в голову.

Пуля вошла в череп взбесившейся мамыши аккуратно там, где ее брови встречались с переносицей. Через образовавшееся отверстие можно было разглядеть остатки мозга, перемешанные свинцом в бурю кашу. Но миссис Моррис по-прежнему была жива. Не смотря на все причиненные ей увечья, она была жива и готова к действию. Наведясь на шум выстрелов как ракеты наводятся на тепло самолетных двигателей, она ломанулась вперед, снова превращаясь в стенобитное орудие.

Генри еле успел отскочить в сторону. Чудовище пронеслось в каких-то сантиметрах от него, и он почувствовал на своем лице ее жаркое, зловонное дыхание.

Миссис Моррис, злобно шипя и щелкая зубами «кастаньетами», вылетела через ранее пробитое ею же отверстие в стене. Оказавшись в коридоре, она, вопреки ожиданиям, не остановилась, а продолжила набирать скорость. Казалось, она даже без глаз могла учуять запах фонаря в руке Дэнниса и бежала прямо на него.

Если вам хоть раз довелось видеть, как гудящий товарняк сбивает корову, по глупости решившую передохнуть на железнодорожных путях, то вы можете с легкостью представить,

что произошло с беднягой Дэннисом. Страх настолько сильно пропитал все его естество, что даже перед лицом неминуемой гибели не дал сойти с места. Пит смотрел на надвигающийся локомотив компании Моррис и не думал ни о чем. В его голове царил абсолютно тихий вакуум, как у коровы, стоящей на рельсах.

Норман огорченно наблюдал за столкновением. Он надеялся, что сможет выполнить свою работу, как было задумано давным-давно. Его готовили слишком долго и слишком усердно, чтобы он не допустил кровопролития. Но когда он увидел, как монстр на полном ходу врзается в толстяка, валит его с ног и по инерции скользит на нем в комнату, где всего пару минут назад был замурован, он понял, что все было зря. Первая жертва пала и ее кровь будет на его совести.

Но толстяк не умер. Его жировая прослойка, от которой так сильно хотела избавиться Марси (боже, храни душу этой терпеливой женщины), наконец принесла хоть какую-то пользу. Она послужила своеобразной подушкой безопасности и амортизировала удар, чему Пит был несказанно рад. Но не долго, примерно пол секунды, пока не осознал, что лежит под разъярённым чудовищем.

— Снимите ее с меня! — завопил он, закрывая лицо руками. — Снимите ее ради бога!

Кричал он зря, ведь основным источником информации для миссис Моррис теперь являлся звук. По-хорошему, Питу нужно было бы помалкивать в тряпочку и, задержав дыхание, надеяться на то, что она примет его за мертвого. Но об этом думать было уже слишком поздно. Что сделано — то сделано и пришла пора пожинать плоды своих ошибок.

Услышав под собой крики недобитой жертвы чудовище защелкало зубами с удвоенной частотой, а затем опустило голову Питу на руки. Послышался неприятный хруст вперемешку с чавканьем. Это были пальцы Дэнниса. Рот чудовища превратился в залитую кровью мясорубку, в которой постепенно исчезала левая рука толстяка.

Норман не мог больше тратить ни секунды на сомнения. Все равно, ни о каком прикрытии речи быть уже не могло. После всего того беспорядка, который они тут устроили, у людей вопросы должны возникнуть несомненно, так что первоначальный план отпадает. Пора вскрыть карты.

— Господи Иисусе! Помогите! — орал Пит, из последних сил упираясь правой рукой в лоб чудовища. — Оно жрет меня, жрет!

Генри прекрасно видел это, но не мог понять, что нужно делать. После неудачной попытки застрелить эту отвратительную тварь весь его пыл, и жажда подвига испарились без следа. Пуф, и больше нет никакого героя — спасителя человечества, остался только испуганный и растерявшийся полицейский.

— Будьте так любезны... — Норман подошел к Букеру и аккуратно вытащил из его дрожавших пальцев пистолет, а затем протиснулся в коридор.

Если бы Генри сейчас хоть на секунду вернулся к реальности, то понял бы, что только что просто так отдал свое табельное оружие незнакомцу. За это полагается крупный выговор с занесением в дело и, скорее всего, увольнение. Но правильному Генри, всегда следовавшему инструкциям и приказам было абсолютно плевать. Как можно волноваться о таких нелепых вещах, как выговор или увольнение, когда собственными глазами видел монстра, который способен запросто согнуть луч света как ему заблагорассудится?

Осмотрев оружие, Норман отодвинул затвор, убедился, что патрон в стволе, и приступил к таинству начертания. Времени придумать что-то получше у него не было, потому как все его планы были спутаны не к месту приехавшими полицейскими.

Приходилось импровизировать, а это у него всегда получалось неважно.

Норман просунул окровавленный мизинец через прямоугольное отверстие затвора и начертил на латунной гильзе небольшой символ, похожий на те, которыми были изрисованы газеты на стенах, затем навел пистолет на спину чудовища и нажал на спусковой крючок.

Раздался выстрел, что для квартиры 5-b этим утром уже вошло в норму, вот только эффект от попадания заставил Букера с ужасом вздрогнуть.

Норман боялся, что переборщил, и взрыв может задеть толстяка, но все вышло просто идеально. Как только пуля коснулась бледного тела бывшей миссис Моррис, вся комната тут-же окрасилась в красный. Изуродованное тело женщины за долю секунды увеличилось в размерах как минимум вдвое, а затем, словно воздушный шарик, к которому прикоснулись тлеющим окурком, лопнуло, разбрасывая во все стороны крохотные ошметки мяса и потоки густой, алой крови.

Дэннис взвыл еще громче. Взрывающееся чудовище — зрелище не для слабонервных, а перепуганный до смерти Пит сидел в первом ряду этого дьявольского представления. В один момент его с ног до головы окатило ушатом горячей крови, которая тут же залила глаза и нос. Откашливаясь и судорожно вытирая целой рукой лицо, он продолжал орать, но голосовые связки, непривыкшие к таким нагрузкам, постепенно слабели и вопль стремительно скатывался в жалкое скуление избитой дворняги.

— Полагаю это ваше, — Норман медленно вложил «Глок» во вспотевшую ладонь Генри тем самым приведя его в чувства.

Букер смотрел на корчившегося Дэнниса. Напарник, с которым он проводил по двенадцать часов в день вот уже на протяжении трех лет, за какие-то пол часа изменился до неузнаваемости. Его лицо сковала гримаса ужаса, первобытного и ведомого только ему одному страха. Левая рука была изуродована, и сочилась кровью. На ней недоставало трех пальцев, а оставшиеся безжизненно болтались, удерживаемые лишь тонкими кусочками изжеванной кожи.

Генри смотрел на все это безумие и не мог понять, как рутинный утренний вызов мог вылиться в такое? Но почувствовав в своей руке прохладу пистолета, тут же перевел взгляд на Морриса.

— Что это, мать твою, такое было? — практически шепотом спросил он.

— Извините, но я не могу вам сказать, — ответил Норман и подошел к холодильнику, который чудом уцелел во время погрома. Он открыл дверцу и стал разглядывать скудное содержимое в поисках чего-нибудь съестного.

— Что это, мать твою, такое было?! — Букер повторил вопрос, но уже своим «голосом полицейского». Он долго репетировал его перед зеркалом, чтобы приловчиться к нужным интонациям. Они звучали так, будто он располагает какой-то тайной властью и полностью контролирует ситуацию, это частенько помогало приструнить особо буйных задержанных.

— Хм, — Норман повернулся с пакетом молока в руке, отхлебнул из него и поморщился. — Ваш тон изменился, это потому, что вы считаете меня преступником?

— Я считаю, что ты... что я... Короче, или ты объясняешь все добровольно, как свободный человек, или в камере для допросов, как подозреваемый.

— Извините, но я предпочту ничего не рассказывать, как свободный человек, — Норман отхлебнул еще молока и по привычке поставил пакет на стол, который ранее сам же и разнес. Пакет упал на пол и остатки молока белыми брызгами разлетелись во все стороны. Норман озадаченно посмотрел на растекающуюся лужу, затем окинул взглядом всю кухню и

разочарованно протянул: «Ну и бардак».

— Хорошо, не хочешь по-хорошему — будет по-плохому, — Генри ловко выхватил наручники из маленького кармашка на своем поясе. Один браслет он защелкнул на запястье Морриса, а второй — на своем. — Посидишь в участке голяка часок, и сразу язык развяжется.

— О нет, зря вы так, — Норман потянул руку на себя, короткая цепочка натянулась, и браслет впился в запястье. — Мое время очень дорого, его никак нельзя терять, определено.

— Ну, тогда ты можешь нам обоим его сэкономить и выложить все как есть.

— И тогда вы меня отпустите?

— Нет, конечно! Посмотри, что ты тут устроил, это же сраная кровавая баня. Как я, по-твоему, буду это все объяснять начальству?

— Но вы не понимаете, — за стонами толстяка Норман расслышал нарастающий вой сирен. Скорее всего, полицейские увидели его труп и вызвали скорую, а чем больше людей, тем больше вопросов, и потраченного впустую времени, — мне нужно спешить, все уже началось...

— Что? — Генри нахмурился, а затем слегка улыбнулся. — А, я понял, ты в идиота решил играть. Это зря.

Странный рев и выстрелы из соседской квартиры заставили склочную соседку миссис Ким закрыться у себя в уборной и залечь на холодном дне старой, как и она сама, чугунной ванны. Увидь ее Букер сейчас, он бы поклялся вам на чем угодно, что морщин на ее лице стало в два раза больше, и это как минимум. Она лежала в своем импровизированном окопе пока канонада не стихла. Но как только шум прекратился, она с прытью, которой никак не ожидаешь от такой сухонькой старушки, кинулась к дверному глазку.

В следующие пятнадцать минут она взволнованно смотрела в эту выпуклую и слегка помутневшую линзу, запоминая все мельчайшие подробности, чтобы потом было что рассказать таким же престарелым подружкам, как и она, на прогулке в парке.

Сперва в квартиру 5-b забежали трое крупных парней в форме пожарников. Затем еще двое, но эти были в синем, похоже, медики. Вроде бы ничего такого, но для Ким это было покруче любого утреннего ток-шоу.

Далее из соседской квартиры вывели мистера Морриса. Он был прикован наручниками к одному из полицейских, тому, что постройнее, и почему-то голый. Старуха сильно не присматривалась, но все же успела разглядеть на бедре соседа след от укуса.

«Проклятый наркоман, — подумала Ким, — Надеюсь, на улице ему хотя бы выдадут плед, у скорой помощи должен быть один».

Затем на ручных носилках вынесли второго полицейского, и старушке показалось, что он слегка похудел, одежда на нем сидела не так хорошо. Но на этом она не стала заострять свое внимание, ведь он был с ног до головы облит чем-то красным и вряд ли это малиновый джем, его-то она за жизнь повидать успела. Левая рука толстяка была плотно обмотана бинтами, которые в районе ладони пропитались кровью.

Ким простояла бы возле глазка еще как минимум полчаса, пока пыль окончательно не осядет, но ее отпугнул странный взгляд полицейского на носилках. Этот взгляд... этот странный холодный и полный какого-то флера неизбежности взгляд, который толстяк бросил на нее прямо перед тем как исчезнуть из поля зрения помутневшей линзы. Казалось, он знал, что она наблюдает за ним, и посмотрел ей прямо в глаза.

Старуха испуганно отшатнулась от двери и, медленно осела на полку для обуви. Она могла поклясться, что зрачки этого парня на миг расширились, поглощая белки почти полностью, и превращая глаза в уродливые черные дыры на пухлом лице.

Часть четвертая

Что-то не так с чаем

Обычная бежевая дверь из прессованных опилок, каких полно в разного рода офисных зданиях. В двери вставка из рифленого стекла, через которое невозможно разглядеть, что происходит с той стороны. На стекле черными буквами написано: «Комната 107».

Джеральд неуверенно потянулся к дверной ручке. Прохлада металла заставила его замереть на мгновение.

Может ты зря все это? Зачем раздувать из мухи слона? А вдруг это был просто сон, и они тебя засмеют, так же как в полицейском участке? Нет, я должен узнать, я должен, ради нее.

Он резко повернул ручку, замок щелкнул и двери открылись.

Помещение было небольшим, больше похожим на просторную кладовую, нежели на зал собраний. В центре комнаты по кругу расставлены стулья, а в дальнем углу стоит синий раскладной столик, на нем — электрический чайник и набор одноразовых стаканчиков.

Джеральд застыл на пороге. Мысли о том, что он совершает большую ошибку, роились в его голове словно пчелы вокруг улья, не давая сделать последний шаг.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Добрый день, — знакомый голос вырвал его из оцепенения. — Проходите, не стесняйтесь.

Джеральд нагнулся через порог и увидел, что в той части коморки, которую не было видно из коридора, стояли трое мужчин и женщина. Они собрались возле белой доски для рисования и что-то бурно обсуждали.

— Полагаю, вы Джеральд? — спросил мужчина в вязанной клетчатой жилетке поверх синей рубашки.

— Да, — кивнул он неуверенно. — Я вам звонил вчера.

— Добро пожаловать. У нас фамилии не называют, так что можете обращаться ко мне просто Грант. Я куратор группы и буду координировать наши встречи, — мужчина в жилетке быстро окинул взглядом всех присутствующих. — Ну, раз все в сборе, можно начинать. Присаживайтесь, — он указал рукой на стулья в центре комнаты.

Люди заняли свои места. Джеральд выбрал стул, ближе к выходу, он думал, что так будет легче воспринимать происходящее, будто он сможет просто взять и уйти в любой момент, но легче не становилось.

Парень в старой, потрёпанной кепке заметил замешательство на лице Джеральда, и, перегнувшись через разделявший их незанятый стул, прошептал: «Не волнуйся, здесь все свои».

Все свои... По спине Джеральда пробежали мурашки. Они все свои, ты слышал? Ты попал куда нужно, осталось только придумать, зачем.

— Итак, — дождавшись, когда все присутствующие затихнут, произнес Грант, — добро пожаловать на еженедельное собрание «похищенных». Я рад приветствовать всех здесь присутствующих, и для начала хочу сказать, что для многих наши собрания стали той отдушиной, благодаря которой они преодолели свои страхи и вернулись к обычной жизни. Надеюсь, вы получите то, ради чего сюда пришли, — он начал хлопать и остальные

подхватили его аплодисменты.

Джеральд не хлопал и не понимал, почему должен.

Как можно вернуться к обычной жизни после такого? Просто забыть и все? Промыть себе мозги? Вот чем они здесь занимаются, добровольно промывают себе мозги и забывают, кто они и что пережили, если пережили вообще. Нет, ты зря сюда пришел. Тебе нужна помощь, а не забвение.

— Сегодня у нас важный день, — продолжал Грант. — Сразу двое новоприбывших «похищенных» — все снова начали хлопать, — По уже сложившейся традиции новички должны представиться и рассказать свою историю. Кто хочет начать? — он вопросительно посмотрел на Джеральда, всем своим видом намекая, что начать должен именно он.

— Я бы предпочел сначала немного послушать, — ответил Джеральд, нервно теребя пуговицу на рукаве.

Нужно убедиться, что эти люди испытали то же что и ты. Нужно знать наверняка.

— Ну, хорошо, — в голосе Гранта послышалась легкая нотка огорчения. — Я вижу для вас все происходящее — большой стресс. У нас есть замечательный чай с мятой, там, на столе, угощайтесь, вам станет лучше.

Джеральд кивнул и молча встал со стула. Он подошел к дешевому раскладному столику и увидел, что на нем стоят стаканчики с уже заваренным чаем.

Странно, какой смысл заваривать чай заранее? Он же остынет и станет невкусным. Хотя, чего еще ты ожидал от таких людей?

Он взял стаканчик и к своему удивлению почувствовал, что чай горячий, как будто его заварили только что. Он сделал осторожный глоток, и волна расслабляющего жара прокатилась по его телу.

Не дурно, действительно успокаивает.

Тем временем Грант продолжал собрание.

— Тогда, может быть, вы осмелитесь начать? — спросил он у единственной женщины в помещении.

— Что нужно делать? — неуверенно поинтересовалась она.

— Для начала представьтесь.

— Добрый день, меня зовут Молли Майерс, — начала она, все снова зааплодировали.

Эти люди хлопают всему подряд. Какой в этом смысл?

— Что с вами произошло, Молли?

— Мне кажется, что меня похищали пришельцы... — она на секунду замялась.

— Не стесняйтесь, здесь все свои, — голос Грант стал убаюкивающе мягким и бархатным, — расскажите нам свою историю.

Все свои, кажется, это местная мантра, призванная убежать этих несчастных в том, что они не одиноки, что есть люди, которые им сочувствуют, но на самом деле им плевать друг на друга, они просто хотят, чтобы их пожалели.

Молли собиралась с мыслями. Джеральду с такого ракурса было видно только ее спину и левую половину лица, но даже по ним он с легкостью мог определить, что она за человек. Лет сорока, полная, с дурным вкусом в одежде и макияже. Скорее всего, из немногочисленного фермерского городка. Работает на кассе или в бухгалтерии, вероятно, всю жизнь. На карьеристку не похожа.

— Я мало что помню, — наконец продолжила она, — все произошло так быстро. Помню, что ехала в Неваду, навестить старую знакомую. К тому моменту уже стемнело.

Знаете, как бывает, в один момент день, а потом оглянешься и уже ночь, сразу, без сумерек. Вот и тогда было так же. Помню, радио было включено, я все время в дороге его слушаю. Игнали «Queen», вроде бы, сейчас уже точно не скажу, но это, наверное, не важно. Песню я все равно не смогла дослушать до конца потому, что начались какие-то непонятные помехи. Их поначалу почти не было слышно, но постепенно они становились все громче и громче, пока я совсем не перестала разбирать слова. Я уж подумала, что радио сломалось. Помню, огорчилась тогда, потому, что мне же еще обратно надо было ехать, а путь не близкий. Без радио было бы совсем скучно. Но потом... — ее взгляд потерял фокус, и она уставилась куда-то в пустоту, будто забыла, что только что рассказывала.

— Не переживайте, — подбодрил ее Грант, — продолжайте говорить. Все будет хорошо.

Ха! Хорошо, как же.

— ... потом все и произошло, — ее нижняя губа задрожала.

— Что именно произошло, Молли?

— Я увидела яркие огни в небе. Они летали в разные стороны так быстро, мне даже сначала показалось, что они у меня в голове. Ни разу не видела, чтобы что-то двигалось так быстро. Моя машина заглохла, и я съехала на обочину. Огни, они танцевали вокруг меня, летали вверх и вниз, вверх и вниз, становясь с каждой секундой все ярче и ярче, пока не заполнили своим светом все вокруг. Я смотрела на них и не могла пошевелиться, они будто бы загнипотизировали меня, а в следующую секунду все исчезло.

— Исчезло? — переспросил Грант.

— Огни, они просто пропали. Раз и все. Радио снова заработало так резко, что я аж подпрыгнула на сидении. Как сейчас помню, я тогда потянулась его выключить и увидела, что на часах уже было четыре часа утра. Выходит, я просто просидела в машине больше пяти часов и даже не заметила.

— Это называется феномен «потерянного времени», — вмешался в ее рассказ парень в изношенной кепке.

— Да, — подтвердил Грант, — похищенные часто на такое жалуются. Бывает, люди теряют пятнадцать минут, бывает, час. В вашем случае целых пять. Я уверен, что «они» стирают нам память о том, что делали с нами. Это как своеобразный наркоз.

— То есть эти огни были взаправду? — глаза Молли были на мокром месте. Она явно ожидала услышать что-то более обыденное, например, что у нее в голове лопнул сосуд или что это просто побочное действие какой-нибудь пищевой добавки.

— К сожалению, да, — Грант покачал головой.

— И что же мне теперь делать?

— Главное, не поддаваться панике и помнить, что вы не одиноки в своей беде. Все в этой комнате испытали что-то подобное, ведь так? — присутствующие закивали.

Черта с два. Она даже не представляет, что могла забыть.

Джеральд сделал последний глоток чая, и поставил стаканчик на стол.

— Молли, — Грант наклонился немного вперед, стараясь быть как можно более осторожным, — заранее извините меня за такой бестактный вопрос, но я просто обязан спросить: после инцидента вы обследовали свое тело?

— Что? — ее брови подскочили от удивления.

— Себя осматривали? — снова вмешался в разговор парень в кепке. — Эти уроды любят оставлять подарочки.

— Подарочки? Извините, я не понимаю, о чем вы.

— Вот о чем, — он одним уверенным движением снял кепку, выставив напоказ то, что Молли явно пришлось не по душе.

Под старым головным убором парень скрывал огромный шрам, тянувшийся через всю голову, от правого виска и до самого затылка. Вдоль рубца не росли волосы, и было видно небольшие точки по краям, оставшиеся от хирургических швов.

— Господь милосердный, что с вами стряслось? — вскрикнула Молли, прикрыв рот рукой.

А вот это уже интересно.

— Голова чесалась, — ответил парень и заливисто рассмеялся.

— У него под кожей похитители оставили имплантат, — поспешил объяснить Грант.

— Да не надо, — перебил его парень, — я сам. Ей нужно знать, с чем она имеет дело. Эти уроды пришли за мной прямо на работе. Я уборщик, вернее был им. Полы в школе мыл по ночам. Работа простая, платили немного, но на жизнь хватало. И вот, в один вечер я как обычно вышел на смену, все было хорошо, в сортире даже никто не наблевал. Не знаю, что жрут эти чертовы школьники, но обычно без чьей-то рвоты в туалете не обходиться.

Ну, значит, помыл я все, протер, надо бы и домой собираться. Пошел в кладовую, инвентарь запереть, открываю дверь, а кладовой то и нет. За дверью свет, яркий такой, слепящий, ну вы в курсе. В общем, очнулся я в этой самой кладовой, и ничего не помню. Ну, думаю, мало ли что, может в обморок упал. Короче, не стал заморачиваться и продолжил жить дальше, да вот только голова стала чесаться. И так настырно, гадко так. Вот тут, у виска, — он показал пальцем на самое начало длинного шрама, — Пошел к врачу, а он мне — это от нервов. Выписал мазь какую-то с непроизносимым названием и домой отправил.

Не помогла мазь.

Неделю промучился, все чешется и чешется, прям с ума сводит. Напился. Так-то я обычно не злоупотребляю, вы не подумайте, но в тот вечер дал жару, залил глаза как следует. Все из-за нервов. И вроде бы как сам уже ходить с трудом могу, не то что соображать, а рука так к голове и тянется. И вот, сижу я, значит, пьяный в стельку на диване, смотрю... — он на мгновение задумался, — ... а не важно, не помню я уже что смотрел, главное, что сижу и чешусь. И тут, вдруг чувствую, рука в чем-то липком. Глядь — кровь. Я бегом в ванную, к зеркалу, так и есть, дырку в башке прочесал. Футболка вся в крови, да и на штаны попало, но не сильно заметно. Лицо умыл и стал разглядывать рану. В принципе, ничего страшного, да вот только что-то там внутри блестело. По первой подумал, спьяну привиделось, а нет. Начал ковырять глубже. Больно было, сильно больно, хорошо, что пьяный был, всяко легче.

Стою, значит, в ванной перед зеркалом извернувшись и голову себе ковыряю, пытаюсь получше рассмотреть, что же все-таки там блестит. Расковырял. Маленький шарик, металлический. А чесаться стало еще сильнее, прямо под ним. Ну, думаю, гад, вот из-за кого вся эта катавасия. Ногтем его подцепил и потянул, а он не выпадает. Не знаю, что на меня тогда нашло, но разозлился я не на шутку, видать, сильно мне чесаться надоело. Схватился за этот треклятый шарик поудобнее и как дерну со всей пьяной дури, а он, зараза, к какой-то проволоке был прикреплен. Даже не проволока, а нитка металлическая, тонкая такая. Шарик я выдернул, а вместе с ним и эту самую нитку, правда она по пути мне чуть скальп не сняла. Под кожей до самого затылка тянулась. Я, естественно, в скорую позвонил сразу. В больнице меня зашили, а врач нитку ту с шариком себе забрал, на опыты. Сказал, вернет, как

изучит. Не вернул. Вот так я из-за этих гадов уродом и остался, Молли. Так что мой тебе совет, осмотри себя хорошенько, мало ли что.

Он закончил свой рассказ и самодовольно откинулся на спинку раскладного стульчика.

— Чушь собачья, — фыркнул Джеральд и взял еще один стакан с чаем.

— Да, я и сам порой не верю, — улыбнулся парень и надел кепку, снова скрыв уродливый шрам. — Даже сейчас рассказывал, а сам сомневался, но разрази меня гром, если все было не так как я говорю. Обо мне даже в местной газете написали, правда, через неделю все забылось, но вырезку я до сих пор храню.

— Чушь собачья, — повторил Джеральд, сделав ударение на первое слово, и плюхнулся на свое место. — Ваши истории — просто несусветная чушь. Но отдам должное, чай действительно хорош.

— Послушай, друг, — парень в кепке нахохлился, словно петух, готовящийся к драке, — если тебя что-то не устраивает, можешь валить на все четыре стороны. Тебя здесь никто не держит.

— Тише, тише, — Грант положил руку на плечо взволнованной Молли Майерс, давая тем самым понять, что ситуация под его полным контролем, — давайте не будем горячиться. Мы здесь собрались не для того, чтобы ссориться.

— Ага, — Джеральд сделал еще один глоток, — вы здесь для того чтобы травить друг другу скучные байки про пришельцев, которые сами же и придумываете на досуге.

— Что? — удивился Грант.

— Что слышал. Этот алкаш, — он кивнул в сторону парня в кепке, — скорее всего, подрался в баре и получил бутылкой по голове, а Молли заснула за рулем. Ей просто повезло, что она съехала с дороги, а не на встречную полосу, под колеса какого-нибудь дальнобойщика. Вот он бы точно увидел ослепительно яркий свет, свет ее фар.

— Эй! — парень в кепке вскочил на ноги, — Не знаю, кем ты себя возомнил, но по роже получишь, это точно!

— Чак, успокойся, — Грант чувствовал, что теряет контроль над ситуацией, но старался не подавать виду.

— Успокоиться? Он приперся сюда, пьет наш чай и издевается над нами! Я такое терпеть не стану.

— Может быть у него есть причина так себя вести? Джеральд, у вас ведь есть причина?

— Конечно, есть, — кивнул Джеральд, — у всего есть причина.

— Вот видишь? А теперь садись и дай человеку сказать. Мы здесь в первую очередь, чтобы делиться друг с другом, помнишь?

— Да, — буркнул Чак и сел на место, но кулаки разжимать не стал.

— Итак? — Грант вопросительно посмотрел на Джеральда.

— Итак? — Джеральд вопросительно посмотрел в ответ.

— Не желаете поделиться с нами, почему вы считаете истории здесь присутствующих выдумкой?

Ну, давай, скажи ему, пусть посмеется, и я вместе с ним. ЗДЕСЬ ВСЕ СВОИ.

Джеральд посмотрел на стаканчик, в своей руке и слегка взболтал остатки чая на дне.

— Настоящее похищение совсем не похоже на ваши бредни.

— Почему вы так думаете? — поинтересовался Грант.

— Настоящее похищение — это страх и боль. Настоящее похищение — это ад. Но, что самое страшное, оно никогда не заканчивается.

— Вижу, вам есть, о чем рассказать. Не стесняйтесь.

Давай, выложи им все, как на духу. Посмотрим, как громко они будут ржать.

— Моя жена умерла, — начал Джеральд но тут же замолчал. Немного собравшись с мыслями, он залпом допил остатки чая и продолжил. — Моя жена, Натали, умерла год назад. Оставив меня самого воспитывать тринадцатилетнюю дочь. Нелегкая работа для человека, ничего не понимающего во взрослеющих девочках. Я хорошо помню ее десятый день рождения. Она вся такая нарядная, в новом платье, которое я ей подарил по подсказке жены, и все хорошо. А теперь, спустя всего три года она уже совсем другой человек, вовсе не та милая девчушка, которую я помню. Все эти плакаты с металл группами, черная одежда...

— Эй, приятель, — вмешался в рассказ Чак, — это все, конечно, здорово, но мы здесь не про семейные драмы пришли слушать!

Видишь, им уже скучно. Они здесь все СВОИ, со своими страшилками про цветные огоньки, а ты не вписываешься в их круг интересов. Оставь эту дурацкую затею и просто живи дальше.

— Терпение, — Джеральд с презрением посмотрел на Чака, — сейчас ты получишь то, зачем пришел.

— Действительно, не перебивай человека, — по всей видимости, толстушку Молли Майерс семейная драма заинтересовала гораздо больше чем история Чака.

Началась небольшая перепалка между провинциальной бухгалтершей и уборщиком в драной кепке, но вовремя вмешавшийся в спор Грант, как мог, стабилизировал ситуацию.

Дождавшись, когда в комнате под номером 107 снова наступила тишина, Джеральд продолжил.

— Все произошло ночью. Меня разбудило странное ощущение, будто кто-то неотрывно на меня смотрит. Глаза я открыл не сразу. В том месяце как раз по нашему району прокатилась волна краж, и я подумал, что в дом забрались воры. Какое-то время я лежал и прислушивался, пытаюсь понять в какой они комнате, чтобы быстро среагировать, но в доме было тихо. Тогда я аккуратно приоткрыл глаза и понял, что ощущение пристального взгляда не было причудой воображения.

Вокруг моей кровати стояли твари, внешний вид которых описать не поворачивается язык. Они стояли прямо там, в моей спальне, и смотрели на меня. Их бесформенные, черные как смола тела словно парили в воздухе, а конечности, похожие на щупальца, извивались и вибрировали, будто в припадке.

Неописуемый животный страх сковал мое тело. Я тут же зажмурился и стал молиться о том, чтобы они меня не заметили, не узнали, что я проснулся. Как маленький ребенок, считающий, что если закрыть ладошкой глаза, то окружающие перестают тебя видеть. Но они знали, потому, что они заговорили со мной. Их голоса возникали прямо в моей голове. Мерзкие, скользкие, как и их тела. Голоса, услышать которые я бы не пожелал и самому заклятому врагу.

Они шептали мне разное... Иногда слова, а иногда и целые образы. Жуткие, пугающие образы далеких миров, одно только воспоминание о которых вызывает у меня дрожь. Эти черные твари испытывали мое сознание на прочность напором своих голосов.

Не знаю, сколько это продолжалось, в тот момент время потеряло для меня всякий смысл. Я лежал в своей кровати, не в силах пошевелиться, и слушал их, а в голове вертелась только одна мысль — сегодня я умру.

И когда отчаяние мое достигло своего предела, голоса замолчали. Такой тишины мне не

доводилось слышать никогда. Казалось, даже сердце мое перестало биться в тот миг.

Я снова открыл глаза, надеясь увидеть пустую спальню, надеясь, что все это было всего лишь ночным кошмаром, но существа по-прежнему стояли у моей кровати. Их конечности извивались вокруг моего тела подобно клубку черных и скользких змей, но не притрагивались. Они замирали на расстоянии пары сантиметров, а затем вновь пускались в свой безумный, извращенный танец.

«Оставьте меня в покое!» — попытался закричать я, но губы мои не шевелились. Я набрал в легкие воздуха и попытался снова, но голоса в голове приказали мне молчать.

Они сказали, что, если я не перестану сопротивляться, моя дочь будет наказана. Они показали мне, как их щупальца обвиваются вокруг ее тела, сжимают его с такой силой, что кости начинают трещать.

И тут произошло странное. Мысли о том, что моему ребенку грозит опасность, вытеснили все остальное на задний план и придали мне сил. В тот момент для меня вдруг стало не важно, что комната моя наполнена невиданными тварями, что они, скорее всего, с легкостью пресекут мою попытку к бегству и ситуация станет еще хуже. Единственное, о чем я мог думать — это спасение дочери.

Я вскочил так резко, будто кто-то отпустил сжатую пружину. Вероятно, такое поведение стало для них не меньшим сюрпризом, чем для меня, потому, что на секунду их конечности отпрянули, образовав в своем коме брешь, и я, не растерявшись, прыгнул в нее. До пола я не долетел.

Чудовища подхватили меня в полете. Их бесформенные руки-змеи стали обвивать меня, словно питон обвивает свою жертву перед тем как одним усилием сломать ее пополам.

Я пытался вырваться из этих адских пут, но все мое тело горело. Каждое их прикосновение причиняло мне невыносимую боль, а голоса в голове ужасающим хором приказывали сдаться.

Не выдержав такого натиска, мое сознание покинуло меня, и я провалился в пустоту.

Джеральд замолчал. Все присутствовавшие в комнате, как будто сговорившись, одновременно откинулись на спинки своих стульев.

Первым в себя пришел Чак.

— Не верю, — прищурившись, сказал он.

— А я и не убеждаю, — хмыкнул Джеральд. — Вы же здесь для того, чтобы делиться друг с другом. Верить никто не обещал.

— Нет, парень, так не пойдет. Ты нагло заявил, что наши истории — чушь собачья, а сам выдал еще более неправдоподобный бред! Знаешь, что...?

— Да какая разница? — Вмешалась в разговор Молли. — Правда или нет, я хочу узнать, что было дальше. Мне интересно. Тебе разве нет?

— Нет, — рявкнул Чак.

— Тогда можешь идти, тебя здесь никто не держит.

Ха-ха. Посмотри на них, готовы броситься друг на друга, как самые настоящие СВОИ. Действительно, группа сочувствующих, по-другому и не скажешь.

— Дальше особо рассказывать нечего. Я очнулся утром недалеко от своего дома. Вся моя одежда, руки и лицо были измазаны в грязи. Скорее всего, я долго полз, или же меня тащили. Неважно. Главное, что дочку дома я не нашел. Они забрали ее. Они забрали мою Сару...

Джеральд зажмурился, пытаясь не заплакать. Слезы — это слабость, которую он не

хотел показывать этим людям.

— Ну-ну, тише, — Молли пододвинулась поближе и в знак сочувствия положила свою пухлую ладонь ему на колено. — Уверена, с ней все в порядке. Может она просто сбежала из дома? Знаете, эти девочки подростки... Вы у ее подружек не спрашивали?

— Спрашивал. Никто ничего не знает.

— Да что вы его слушаете? — процедил сквозь зубы Чак. — Он это все на ходу выдумал, просто чтобы поиздеваться над нами.

— Давайте не будем делать поспешных выводов, — сказал Грант, упершись указательным пальцем в подбородок. — Предположим, все, что вы говорите — правда, — он заметил возмущенный взгляд Чака и уточнил, — Только предположим, что вас одного похищали по-настоящему. Тогда будьте добры, ответьте, что значит ваша фраза: «настоящее похищение никогда не заканчивается?» Помните, вы сказали ее в самом начале?

— Конечно, помню, — ответил Джеральд, — и значит она именно то, что значит. В ту чертову ночь черные твари влезли ко мне в голову и не покидали ее ни на секунду.

Эй! Мы так не договаривались! Ты не должен этого говорить!

— Все что произошло со мной после — сплошной обман и иллюзия. Решив, что мою дочь похитили, я первым делом позвонил в полицию. Следующее, что я помню — это офис шерифа. Как я туда попал я не знаю, просто оказался у входной двери. Это как сон, который начинается всегда с середины.

Меня расспрашивали четыре детектива. Три мужчины и женщина.

Дальше — поисковая компания в лесу. И снова я не помню, как туда попал. И снова я в компании трех мужчин и женщины, на этот раз полицейских.

Сначала я не замечал никакого сходства, потому, что они запудрили мне мозги, но сейчас память начала проясняться. Каждый эпизод повторяется по одному и тому же сценарию и вы — несменные актеры, которые его исполняют.

Ты напрашиваешься! Прекрати!

— Всего этого нет, и не было. И вас тоже нет. Ни тебя, мистер спокойствие, ни этой сочувствующей толстушки, ни тебя, тупого агрессора, — Джеральд по очереди указал пальцем на всех присутствующих, но остановился на последнем, на четвертом мужчине. — Но ты, ты единственный настоящий здесь, да?

— Ну, все, он с катушек слетел, — Чак немного отодвинулся в сторону выхода.

— Нет, я самый нормальный в этой комнате, — продолжил Джеральд. — Я вижу, что происходит и вам меня не провести. С тех самых пор как я очнулся в том чертовом лесу по уши в грязи, ваша троица морочит мне голову. А ты все время молчишь и наблюдаешь. Изучаешь меня, да?

Джеральд одним резким движением поднялся со стула и, сделав шаг вперед, оказался лицом к лицу с четвертым мужчиной. Их взгляды встретились.

— Ты просидел на своем стуле весь вечер и не сказал ни единого слова. Почему? Ну же, открой рот, ответь мне.

— Он не может, — Чак снова снял свою кепку, обнажив шрам.

— Что случилось, забыл выучить земной язык?

— Нет, Пирс, он просто немой.

Джеральд на мгновение опешил, но затем повернулся к Чаку и расхохотался.

— Что смешного? — удивился тот, но Джеральд не ответил. Он продолжал смеяться все громче и громче. Это был смех победителя.

— Да что смешного то?

— Ты облажался, приятель, — наконец выдавил он из себя. — Эй, «немой», ты ему скажешь или я?

— Фамилия, — вдруг заговорил четвертый и Джеральд утвердительно щелкнул пальцами.

— Именно! Ты назвал меня по фамилии, Чак. Откуда ты знаешь мою фамилию, а?

— Эм, не знаю, — растерялся Чак. — Наверное, ты сказал ее, когда представился.

Хватит!

На этот раз голос в голове Джеральда не шептал, он гремел словно гром.

Прекратите этот фарс! Вы что, не видите? Он все вспомнил. Теперь придется начинать сначала.

— Мы не виноваты, — начал оправдываться Грант, будто тоже слышал его.

Джеральд прижал ладони к ушам и упал на колени. Боль пронзила череп словно пуля.

А кто виноват? Почему он начал вспоминать?

— Не знаю, мы все делали по инструкции.

— Да! — поддержала его Молли, смотря куда-то в потолок. — Типажи соблюдены, частота вещания правильная. Он не должен был нас вспомнить. Может быть это из-за чая?

Неважно, сворачивайтесь и закупоривайте его. Нам еще с дочкой нужно разобраться.

В комнате стало тихо. Джеральд с трудом открыл глаза, но тут же пожалел об этом. Сквозь пелену головной боли он увидел то, чего видеть совсем не хотел.

Чак, сбросив свою старую, потертую кепку на пол, ковырялся у себя в голове. Буквально. Пальцы обеих его рук наполовину были погружены в шрам, тянувшийся вдоль виска. По всей видимости, он пытался получше ухватиться за края плоти и ему это удалось. Слегка улыбнувшись напоследок, Чак раздвинул кожу в стороны.

Сердце Джеральда замерло. Из зиявшей на виске Чака раны, словно огромные черные дождевые черви, стали вываливаться щупальца.

Джеральд закричал. Не желая наблюдать, как хамоватый уборщик становится бесформенным извивающимся комком, он отвернулся к Молли, ища в ее наивном и простом образе спасения, но его там не было. Из носа рта и ушей провинциальной бухгалтерши виднелись те же черные щупальца.

Джеральд в ужасе упал на спину и, протиснувшись между раскладными стульями, отполз к столу.

Тем временем члены клуба похищенных окончательно потеряли какую-либо форму и сплелись в один пульсирующий, скользкий комок.

Успокойся, ты делаешь только хуже.

— Нет! — Джеральд вскочил на ноги и схватил первое, что попало ему под руку — стаканчик теплого мятного чая. — На этот раз вам не взять меня живым!

Он отмахнулся от уже тянувшихся к нему щупалец и выплеснул чай туда, где по его предположению должно было быть туловище одной из тварей.

Раздался нечеловеческий рев и комок, шипя и дымясь, распался на четыре пульсирующие части, открывая Джеральду путь к входной двери, путь к отступлению.

Зажмурившись, и стараясь не смотреть по сторонам, Джеральд перепрыгнул через то, что, по его мнению, когда-то было координатором собраний, и оказался прямо перед дверью из прессованных опилок. Дверная ручка была все такой же холодной наощупь. Джеральд схватился за нее, потянул и... И дверь не открылась. Ручка с легкостью отделилась от

бежевой поверхности, не оставив после себя даже отверстия для замка.

— Что за... — Джеральд ошарашено смотрел на кусок металла в своей руке, силясь понять, что происходит.

Я же говорил, сопротивление сделает все только хуже.

Тем временем краска на двери начала пузыриться и отслаиваться большими кусками, обнажая ослепительно белую, гладкую поверхность.

Джеральд повернулся и увидел, что тоже самое происходит со стенами и потолком.

Не нужно агрессии, Джеральд, расслабься, прими происходящее как мужчина. Тебе ведь не нужны неприятности?

— Нет, этого не может быть, — дверная ручка выпала из его руки и звонко ударилась о пузырящийся пол.

К Джеральду Пирсу пришло осознание того, что он заперт в одной тесной комнатухе с четырьмя бесформенными тварями и шансов на побег у него нет. Эта мысль выбила из него последние силы на сопротивление.

Первым до его ноги дотянулось существо, некогда имевшее форму толстушки Молли. Джеральд рефлекторно дрогнул и почувствовал уже знакомое жжение, но отбиваться не стал. Он смотрел на яркий белый свет, который струился между трещинами в отпадавшей от стен краски и пытался вспомнить лицо своей дочери, Сары. Джеффри знал, что эти скользкие твари снова сотрут ему память. Он не знал зачем, но точно был в этом уверен, ведь они это делали уже не один раз. И он был готов забыть все, поддаться им, но только не забывать ее. Не забывать то единственное, что по-прежнему связывало его с реальным миром.

Черные щупальца обвивались вокруг его тела, не давая пошевелиться. От каждого их прикосновения к коже по телу Джеффри прокатывалась волна жгучей боли, будто кто-то облил его раскаленным маслом. Но он продолжал стоять, стоять и смотреть на свет, струившийся из стен, пока наконец его сознание не сдалось под натиском ужаса и боли, и не покинуло тело.

* * *

Пациент: Джеральд Самюэль Пирс

Дата рождения: 10.7.1983 г.

Диагноз: Параноидная шизофрения.

— И с чего ты решил, что он нуждается в переводе? — Гамильтон бросил папку с делом на стол и вопросительно взглянул на доктора Гранта.

— Потому, что ему нужны совершенно иные условия содержания! — в голосе Гранта отчетливо читалось возмущение. — Это животное нужно держать в клетке. Во время последнего приступа он начал орать, что с нашим чаем что-то не так и окатил одного из санитаров кипятком. Бедняга чуть не лишился глаза.

— Ну, так обколите его аминазином и привяжите к кровати. Как в первый раз, ей богу.

— Мы так и делаем, но все время держать его на транквилизаторах не выйдет, вы это прекрасно знаете.

— И что ты предлагаешь?

— Будь моя воля, я бы его отправил прямиком на электрический стул, как и положено.

— Это не в нашей с тобой власти, Джим.

— Знаю, — Грант недовольно повел головой. — Так что будем с ним делать?

— Я посмотрю, что в моих силах, — ответил Грант и снова взял папку в руки.

— Спасибо.

— Да пока еще не за что, — он дождался пока его подчиненный закроет за собой дверь кабинета и начал перелистывать толстое дело Джеффри Пирса.

... Патруль прибыл по адресу 1425 Норс Авеню в 2:45 ночи. Хозяин дома был обнаружен на полу в гостиной. По его заявлению в дом пробрались инопланетные существа с целью похитить его дочь и его самого. При последующем осмотре здания дочь владельца была найдена в своей спальне. Признаков жизни не подавала...

Гамильтон вытащил несколько фотографий, приложенных к отчету и аккуратно разложил их на столе, затем выбрал одну и, поднеся ее по ближе, как следует рассмотрел. На ней были изображены лицо и шея тринадцатилетней девочки. На шее отчетливо просматривались синяки, по форме напоминавшие пальцы.

— Эх, Джеральд, — вздохнул он и бросил фотографию к остальным. — Как же ты так?..

Гамильтон откинулся в своем кресле и посмотрел в окно. Он много раз видел людей, с которыми больное сознание играло злые шутки. Пара десятков таких прямо сейчас гуляют по двору его психиатрической больницы. Но за все время своей медицинской практики он так и не смог понять, как можно убить человека собственными руками и даже не запомнить этого. Может быть действительно с чаем что-то не так?

Часть пятая

Интуиция

Чип с рождения плохо дружил с головой. Не то, чтобы он был сумасшедшим, постоянно бурчащим себе под нос какую-то белиберду чудилой, нет. Он не слышал посторонних голосов, нашептывавших ему, как нужно думать, что нужно делать, не проявлял повышенной и немотивированной агрессии к сверстникам (скорее наоборот), и не мучал бродячих котов на заднем дворе своего дома. Со стороны он казался слегка туповатым и замкнутым, но в остальном, был вполне обычным шестнадцатилетним парнем. Тем не менее, с головой у него было не все в порядке — это точно.

— Высокофунцк... Чего!/? — Билл Дуглас-младший — отец Чипа, с недоверием смотрел на школьного психолога. Он был убежден, что психология — бабская наука, и что если мужик добровольно решил помогать детишкам справляться с их тупыми переживаниями (какие, к черту, могут быть переживания в таком возрасте?), то у него просто не хватает яиц для нормальной работы.

— Высокофункциональный аутизм, — повторил психолог.

— Это еще что за херня такая?

Билл очень не любил длинные слова, и еще больше не любил людей, которые ими разбрасываются. «Заносчивые мудаки» — так он их называл про себя (а иногда и в лицо). И что-то ему подсказывало, что этот молокосос один из таких.

— Это одна из форм аутизма, — начал объяснять психолог, — при которой у человека наблюдаются определенные задержки в развитии. Обычно, такой диагноз ставится в раннем возрасте, и я не понимаю, как педиатры могли проглядеть...

— Если ты сейчас пытаешься сказать, что мой сын тупой, то для меня это не новость.

— Нет-нет, что вы? Его коэффициент интеллектуального развития, конечно, невысок, но до умственной отсталости недотягивает. Поэтому разновидность аутизма, которой страдает ваш сын и называется высокофункциональной.

— Что-то по нему не видно, чтобы он страдал, — фыркнул Билл. — Здоровый лоб, весь в папку. Хоть щас бери и запрягай.

— Мистер Дуглас, физическое здоровье не имеет к нашей дискуссии никакого отношения. Давайте я задам вам простой вопрос: ваш сын хоть раз во время беседы смотрел вам в глаза?

— Конечно, нет. Еще бы он посмотрел! Чип прекрасно знает, кто в доме главный и проявляет уважение. Некоторым соседским спиногрызам следовало бы брать с него пример.

— Это вовсе не проявление уважения, мистер Дуглас. Ваш сын избегает прямого зрительного контакта не конкретно с вами, а вообще со всеми. Это один из симптомов состояния, в котором он находится с самого рождения. Вы не замечали, что Чип немного неуклюжий?

— Он год назад в рост пошел. Вон, каланча какая, конечно неуклюжий. Просто еще не привык.

Билл нервничал. Он не понимал, к чему клонит этот холеный мозгоправ, но разговор явно начинал ему надоедать.

— А друзья у него есть? Есть дети, с которыми он проводит время после школы?

Билл не мог ответить на этот вопрос. Чип частенько уходил гулять, но отец ни разу не

видел, чтобы кто-то заходил за ним или встречал у дома.

— Конечно, у него есть друзья, — с наигранной уверенностью ответил Билл. На задворках его пустой головы замаячил небольшой огонек. Пока еще тусклый, но уже отчетливый, свет истины, которую с таким трудом пытался донести до него школьный психолог. Этим огоньком были фары громадного грузовика компании «Мой сын отсталый», который несся на него на полном ходу и не спешил тормозить.

— Мой сын здоров, — начал заводиться Билл. Он поймал на себе соболезнующий взгляд «заносчивого мудака», и кровь его тут же вскипела. Меньше всего в этом мире Биллу Дугласу-младшему нужно чье-либо сочувствие, а особенно если это сочувствие какого-то никчемного выскочки.

— Вы не понимаете, вашему мальчику нужен особый уход.

— Особый уход?! — ведомый приступом гнева, Билл резко встал, выпрямился во весь рост, и схватил со стола первое, что попало ему под руку. Он со всей силы сжал кулаки, ослепленный желанием ударить этого жалкого, женоподобного тюфяка по голове. Ударить с такой силой, чтобы его мерзкие мозги, в которых уместается так много длинных и заковыристых слов, вылетели из черепа на свежий воздух, прогуляться.

Но в последний момент старина Билли сдержался. Он глубоко вдохнул, и медленно выдохнул, ощущая, как градус напряжения в его теле нехотя спадает. Затем он посмотрел на предмет в своей руке, которым собирался избить бедного мозгоправа до смерти. Это была небольшая металлическая табличка с именем: «Кори Литтл».

— Послушай, ты, Литтл, я своего сына знаю, и никакого ОСОБЕННОГО ухода ему не нужно. Единственное, что ему нужно, так это твердая отцовская рука и ремень с пряжкой.

— Но мистер Дуглас... — попытался возразить психолог.

— А если ты собираешься учить меня, как воспитывать моего собственного ребенка, то знай, я не побрезгую и вгоню эту сраную табличку в твою сраную задницу по самый сраный локоть.

Дуглас сейчас больше походил не на агрессивного здоровяка, а на вагон с динамитом, готовый взорваться от малейшей искорки и разнести все вокруг на мелкие кусочки. Литтл прекрасно это видел и знал, как выйти из сложившейся ситуации без человеческих жертв. Нужно просто вернуть человеку чувство собственной правоты, поместить его обратно в зону комфорта.

— Ни в коем случае, мистер Дуглас, — спокойно ответил он, — ни в коем случае.

— То-то же, — Билл окинул психолога полным недоверия взглядом, чувствуя, что слишком уж легко выиграл этот спор, но все же вернул табличку с именем на место.

Грузовик компании «Мой сын отсталый» неумолимо надвигался на Дугласа-младшего. Двигатель рычал и набирал обороты, а за баранкой хохотала суровая реальность.

— Этот твой утизм...от него умирают?

— Аутизм, — поправил психолог. — И нет, не умирают. Но повторюсь, ваш сын отличается от других детей, и вы должны считаться с этим.

— Не смертельно, — протянул озадачено Билл, — значит переживем.

Он развернулся, и, не обращая никакого внимания на попытку Литтла остановить его, вышел из кабинета.

В коридоре на жестком и неудобном стуле сидел Чип Дуглас. Высокий, широкоплечий, но при этом совершенно непримечательный шестнадцатилетний парень. Дешевая мешковатая толстовка, купленная на вырост, и старые, истертые на коленях и заднице,

джинсы говорили о достатке его семьи больше чем любая налоговая декларация.

Чип ждал своего отца, его вызвали по телефону в школу, а это могло значить только одно — сегодня вечером не обойдется без ремня. Чипу часто влетало от отца по любому поводу, а иногда и без, просто так уж было заведено в маленькой семье Дугласов.

Двери распахнулись, и парень вздрогнул, как вор, при звуке приближающейся полицейской сирены. Все его нутро сжалось в один холодный, испуганный комок.

— Вставай, — рявкнул Билл, и потянул сына за капюшон толстовки, — мы едем домой.

Чип молча встал и покорно зашагал по коридору. Отец пошел следом, пристально вглядываясь в каждое малейшее движение сына. Он хотел разглядеть ту самую неуклюжесть, о которой толковал психолог. И разглядел. Она была настолько явной, что Билл сперва не поверил своим глазам. Как он мог не замечать ее раньше, как он мог быть так слеп?

Выйдя на парковку, они сели в машину. Билл не спешил заводить свой старый пикап, а Чип не спешил спрашивать, почему. Казалось, неловкое молчание длилось столетия, а отец с сыном просто сидели в холодном салоне из дешевого кожзаменителя и молча пялились в пустоту.

— Посмотри на меня, — вдруг сказал Билл и уставился на сына, — посмотри, на меня, говорю.

Чип посмотрел. Это был скорее взгляд испуганного двенадцатилетнего мальчишки, нежели рослого шестнадцатилетнего претендента в нападающие местной футбольной команды. И этот взгляд так и не встретился с отцовским. Он скользнул по его подбородку, затем груди, и затерялся где-то между педалями.

В этот самый момент огромный грузовик компании «Мой сын отсталый» наконец влетел в старину Билла Дугласа-младшего на полном ходу, перемолол его в пыль и, не останавливаясь, покати́л дальше, на прощание игриво посигналив.

* * *

По дороге домой старенький пикап Дугласов ненадолго остановился у ликероводочного. Покупая дешевый бурбон, старина Билли силился понять, как человек может скрывать свою отсталость на протяжении такого длительного времени, тем более ребенок.

Ответ на этот вопрос крылся не в невнимательности окружающих к мальчику из бедной семьи, хотя это тоже сыграло немаловажную роль, а в самом мальчике. Дай старина Билли школьному психологу немного времени и разрешение на тщательное обследование сына, тогда, возможно, Литтл заметил бы, что иногда Чип способен ответить правильно даже на самые сложные вопросы. Затем, выяснилось бы, что область знаний, из которой эти вопросы выбираются, не имеет абсолютно никакого значения. Более того, Чип мог даже не знать о существовании того, о чем говорил. Но, тем не менее, в определенном проценте случаев, который значительно превышал статистическую погрешность, ответы мальчишки попадали бы в самую точку, даже если это противоречило всякому здравому смыслу.

В мире людей с отклонениями в развитии довольно редко, но все же, встречаются представители особой породы — гордые (или не очень) обладатели синдрома саванта. Савантизм, это своеобразный откуп вселенной, извинение за то, что подсунула просроченные мозги. В обмен на частичную или полную социальную изоляцию человек

получает небольшой «островок гениальности». Так парень, пускающий слюни и ссущий себе в штаны, на деле, оказывается гениальным математиком, или же помнит наизусть все ноты песен, которые когда-либо слышал.

Но Чип, хоть и родился в нищей семье и воспитывался агрессивным отцом алкоголиком, из бездонного барабана вселенской лотереи вместе с легким аутизмом вытянул выигранный билет. Его «островок гениальности» был уникальным и единственным в своем роде, «островком гениальности» в «море гениев». В обмен на все неприятности в жизни он получил возможность с завидным постоянством угадывать ответы на вопросы любой сложности и направленности, иногда даже не слыша самих вопросов. Он получил сверхинтуицию.

Казалось бы, с таким даром можно было делать все, что душе угодно, обыгрывать казино, становиться Нобелевским лауреатом, да и просто припеваючи жить, но не стоит забывать, что Чип — особенный мальчуган. Он даже не представлял, что имеет в своем распоряжении такой уникальный и мощный инструмент. Ставя наугад галочки в очередном школьном тесте, он наивно полагал, что остальные дети поступают абсолютно так же, и, давая правильный ответ на вопрос по физике или математике, он не имел ни малейшего понятия о его правильности. Это было похоже на стрельбу вслепую, иногда он просто знал, что сказать и когда, вот и весь фокус.

Благодаря своей необычной способности Чип создавал впечатление парня среднего ума и до определенного момента не вызывал у учителей никаких подозрений по поводу уровня своего развития.

Одноклассников же так просто не одурачить. Дети — жестоки по своей природе, они нюхом чувствуют малейшие различия и хватаются за них с запалом голодного питбуля.

Среди сверстников Чип с первого класса прослыл «странным». Он всегда был сам по себе и на все попытки завести разговор шел с явной неохотой. А кому понравится вести беседу с человеком, который этого совсем не хочет? Естественно, дети начали отвечать различные колкости и обидные шуточки в его адрес, но до физического насилия дело никогда не доходило. Чему-чему, а умению постоять за себя старина Билл своего сына научил.

* * *

Старый пикап остановился возле маленького одноэтажного домика без гаража. Две спальни, одна ванная и минимум комфорта за приемлемую цену, как раз то, что нужно для одинокого работяги с сыном.

Билл молча вышел из машины и побрел домой, Чип с видом провинившейся собачонки засеменил следом.

С тех пор как миссис Дуглас покинула семейное гнездышко в неизвестном направлении, а дед скоропостижно скончался от инсульта, не оставив в наследство ни копейки, Билл с трудом сводил концы с концами. Работа на автомобильном заводе давала стабильный, но небольшой доход. Хозяйство, за которым в основном следила жена, хирело и приходило в упадок. Дом требовал ремонта, на который не было ни времени, ни денег.

Все эти проблемы с каждым годом нарастали как снежный ком, что раскатывал для старины Билли ровную дорогу, по которой тот, в обнимку с бутылкой, бодро шагал к циррозу

печени и белой горячке.

Чип зашел в дом и остановился на пороге. Он ожидал, что отец начнет порку незамедлительно, но, судя по звукам, доносившимся из кухни, тот был занят поисками чистого стакана. По всей видимости, хвататься за ремень на трезвую голову он не собирался, и у Чипа было в распоряжении еще как минимум часа полтора до экзекуции.

— Иди сюда! — вдруг послышалось из кухни.

Обычно Чип мог различить даже самые тонкие ноки раздражения или недовольства в голосе отца, но в этот раз такого и не требовалось. От этого строгого и сочащегося желчью «Иди сюда!» колени Чипа тут же превратились в неконтролируемые комки ваты. Его окатило холодным и липким чувством вины, вот только он никак не мог взять в толк, что же он сделал не так на этот раз.

Билл порылся в шкафчике для посуды, и не найдя чистого стакана не придумал ничего лучше, чем достать из раковины грязную чашку. Даже не потрудившись ее сполоснуть, он налил немного бурбона на самое дно, задумался, а затем решительно наполнил чашку до краев.

Чип практически бесшумно зашел на кухню и по привычке уставился на заляпаные пригородной грязью сапоги отца. Дуглас-младший заметил это, тяжело вздохнул и залпом осушил половину чашки.

Надежды старины Билли на хорошее, стабильное будущее рушились, словно небоскреб, опоры которого были взорваны с хирургической точностью, и его сын был тем человеком, который зажег фитиль.

Пару минут на кухне не происходило абсолютно ничего, попади туда какой-то незнакомый с ситуацией наблюдатель, он бы подумал, что это вовсе не люди, а восковые фигуры, замершие в причудливой инсталляции.

Билл Дуглас-младший молча пялился на сына и никак не мог сообразить, что же ему сейчас нужно делать, ведь к такому повороту событий нельзя подготовиться заранее. А Чип скромно ждал своего наказания, причину которого не решался спросить.

— Особенный уход, значит? — наконец выдавил из себя Билл, повторяя слова школьного психолога, — Будет тебе особенный уход. Я из тебя все это дерьмо высокоутичное просто выбью.

Он одним глотком проглотил остатки бурбона, затем перехватил чашку поудобней, и швырнул ее прямо в голову сыну. Чип краем глаза заметил только замах, но рефлекторно пригнулся. Снаряд пролетел в опасной близости к своей цели, черкнулся о коротко стриженные волосы мальчишки и, попав в стену, разлетелся вдребезги.

Похожие приступы ярости у Билла случались регулярно, особенно когда он позволял себе опрокинуть лишнюю стопку спиртного, и, как правило, Чип терпел свои «наказания» или «жизненные уроки», как называл их отец, до конца, ведь если будешь сопротивляться неизбежному, то сделаешь себе только хуже. Но на этот раз все было совсем иначе, его особенный дар сверкнул молнией где-то в правом виске, и парень сорвался с места.

Особенность Чипа всегда являлась сама и без приглашения. Неутолимимым желанием чихнуть она селилась под его правой височной костью, а затем постепенно рассасывалась по всему черепу, забивая размеренный ход мыслей какой-то одной навязчивой идеей, или озарением, если угодно. На этот короткий миг он познавал нечто удивительно глубокое и сложное, он познавал истину в ее кристально чистом, не замутненном лишними словами и мыслями, виде, но спустя пару секунд наваждение рассеивалось, и он снова превращался в

старшекласника, чей коэффициент умственного развития колеблется на грани отсталости.

Увернувшись от запущенной отцом чашки, Чип опять почувствовал это странное озарение, но на этот раз совсем иначе, что-то кардинально изменилось. Обычно, легкий, как касание пера, ветерок, подсказывавший ему правильные ответы во время школьных контрольных, сейчас показался ему голосом самого Зевса, громом, вызвавшим к нему с небес, и среди раскатов этого грома он отчетливо расслышал: «Беги, если хочешь жить!»

* * *

Не видя ничего вокруг, Чип выскочил из дому, перебежал через дорогу и одним прыжком перемахнул через соседский сетчатый забор. Мистер и миссис Вачовски — люди рабочие и в такое время дня обычно дома не бывают, зато Бутч, их пес, как всегда здесь и как всегда на стороже.

Черный, коренастый ротвейлер учуял Чипа еще когда тот был на противоположной стороне улицы, но он и предположить не мог, что мальчишке станет наглости (или смелости) заявится к нему во двор, пока хозяев нет дома. Первые пару секунд Бутч пребывал в замешательстве, он посчитал, что раз уж человек, зная о том, что эта территория для него под запретом, все равно пробрался сюда, да еще и весь пропитанный запахом страха, то он непременно задумал какую-то хитрость, как обычно это любят делать люди. Но животная природа и застоявшаяся кровь, требовавшая действия, взяли верх над осторожностью пса, и он с диким лаем выскочил из своей конуры.

Чип знал, что во дворе мистера и миссис Вачовски его поджидала опасность похлеще кружки, летящей в лицо, но ничего не мог с собой поделать. Знание, взрывом возникшее у него в голове, вело его за собой, подобно ласкающим звукам свирели, манящей полчища крыс к обрыву.

Парень пересек соседский двор быстрее любого олимпийского бегуна на короткие дистанции, перескочил через забор, отделявший застроенный район от небольшой лесопосадки и, немного пропетляв между деревьями остановился.

Гром в голове исчез так же неожиданно, как и появился, сменившись ощущением назойливой и тупой боли в правой ноге. Соседский ротвейлер все же не упустил своей возможности выполнить собачий долг и, когда Чип перемахивал через второй забор, вцепился ему в икру. Острые зубы моментально разорвали старые джинсы на бахрому, а в плоти оставили три глубоких, кровоточащих борозды.

Чип оперся о дерево и немного отдышался. Рана его беспокоила не сильно, в отличие от мысли о том, что за ним гонится впавший в бешенство Билл. И даже когда он прислушался и не заметил никаких признаков погони, все равно не мог успокоиться.

«Беги, если хочешь жить!» — после таких озарений довольно сложно прийти в себя, в особенности, если тот, кто хочет твоей смерти — твой собственный отец.

Большинство детей в сложившейся ситуации обратились бы за помощью к друзьям или знакомым, но у Чипа не было друзей. Трудно заводить таковых, если не понимаешь самой концепции дружбы. Поэтому он решил, что сможет переждать бурю отцовского приступа ярости в единственном месте, которое ему нравилось, и о котором никто кроме него не знал — в Храме Фантазий.

Чип нашел Храм пару лет назад, когда отец впервые отпустил его погулять самого. Увлечшись наблюдением за собственными ногами, он не заметил, как забрел слишком далеко, потерял все ориентиры, и заблудился. Обычные дети, когда заблудятся, плачут и зовут на помощь, но Чип просто пожал плечами и побрел дальше. В тот момент его больше интересовали его собственные ноги, и то, как они любопытно сгибаются при ходьбе, нежели возможность снова попасть домой. И он бы шел так до самой ночи, пока его не подобрал какой-нибудь сердобольный прохожий или педофил на старом фургоне без окон (тут уж как повезет), но интуиция снова подсказала ему дорогу.

Люди, хотя бы раз сталкивавшиеся с тем, что принято называть творческим кризисом, продали бы душу за одно из таких озарений, какие приходили к Чипу чуть не по три раза на дню. Попади этот дар в неверные руки и мир мог бы измениться до неузнаваемости в кратчайшие сроки, но у вселенной особенное чувство юмора. Она вручила универсальный инструмент познания всего сущего в руки мальчику, который благодаря ему узнал, что через два квартала нужно перейти дорогу и за белым домом нырнуть в дыру в заборе, и он даже не задавался вопросом: «Зачем?».

Дом, к которому Чипа привело проведение, стоял посреди пустыря, и был давным-давно заброшен. Семью, которая в нем жила, застрелили грабители и с тех пор ни один из риэлторов, бравшихся его продать, не мог довести дело до конца. Люди по своей природе полны суеверий и не горят желанием покупать недвижимость, залитую человеческой кровью. Кто знает, что взбредет в голову призракам бывших владельцев, обреченным празднично летать по пустым коридорам и комнатам целую вечность? Чип же в приведения не верил и от суеверий был так же далек, как и от обучения в колледже. А дом ему приглянулся сразу. В чем-то они были похожи друг на друга, оба сломанные и одинокие.

Не задумываясь о последствиях, Чип поднялся по прогнившим ступенькам и толкнул входную дверь, она оказалась не заперта и с натужным скрипом открылась.

В доме никаких призраков не оказалось. Изучая заброшенное здание, мальчик с каждой минутой все больше и больше привязывался к нему. Ему нравились полумрак и тишина, которыми было наполнено это место, они дарили ощущение отдаленности от внешнего мира, необыкновенное чувство уюта, в котором он так отчаянно нуждался. Но самое главное — это ощущение большой важности. Несмотря на разруху и грязь, воздух в здании пах тайной.

Домой Чип вернулся так же случайно, как и потерялся, но с тех пор каждый день после школы он отпрашивался у отца гулять. Старина Билл разрешал ему, наивно полагая, что его сын гоняет мяч с кем-то из соседнего квартала, или же играет в войнушку в лесопосадке, в то время как мальчик сидел часами в своем новом убежище, прячась от гнетущей реальности и задир сверстников.

Люди с аутическими расстройствами личности часто создают себе какие-то ритуалы, например, они могут смотреть одно и то же шоу в одно и то же время или перед сном перечитывать понравившийся фрагмент из книги, годами. Чип не был исключением, но так как нарушения в его мозгу были довольно незначительными, то и ритуал мало бросался в глаза. Его страстью было коллекционирование «интересных», по его мнению, вещей.

Пластиковый двухголовый солдатик, с приклеенной головой от куклы «Барби»,

выброшенное на помойку поющее чучело рыбы, игральная кость с шестерками на всех гранях, и множество других «ценностей» Чип хранил в большом чемодане под своей кроватью. Иногда, по вечерам, когда отец уходил в бар, мальчик расставлял странные игрушки на полу в коридоре и часами просто смотрел на них, он любовался своими трофеями, вырванными из коварных лап мусорных баков и помоек.

Но количество вещей росло день ото дня, а места под кроватью не прибавлялось. Чип предполагал, что рано или поздно он больше не сможет прятать свои сокровища от отца, тот их увидит и заставит выбросить, навсегда. Необходимо было найти такое место, где он смог бы уберечь свою коллекцию и при этом, любоваться ею, когда пожелает. Зброшенный дом на пустыре отлично подходил под все его запросы.

Чип потратил на транспортировку целую неделю. Школьный рюкзак он использовать боялся, это казалось ему слишком подозрительным, поэтому большую часть вещей перенес за пазухой или в карманах. И вот, когда первая и самая сложная часть работы была сделана, он приступил ко второй — обустройству своего нового логова.

Гостиная показалась ему идеальным местом для хранения игрушек. Подойдя к вопросу со всей скрупулезностью и придирчивостью, он расставил экспонаты в идеальном, как ему казалось, порядке, затем вышел в центр помещения и окинул довольным взглядом свои владения.

«И увидел он, что это хорошо».

Чип не заметил, как простоял среди своих странных вещей около часа, наблюдая за тем, как лучи света, пробивавшиеся сквозь завесу грязи на окнах, причудливо освещают их, играют с ними, придавая совершенно новый, необычный вид. Зрелище увлекло мальчика настолько, что ему казалось, будто его фантазия вышла из-под контроля. Он воображал, что вещи оживают, начинают двигаться и говорить, и все это под его чутким практически божественным контролем. По велению его разума они ссорились, мирились, враждовали и любили друг друга. Именно в тот момент ему и пришло в голову название для заброшенного дома, имя для его нового друга — Храм Фантазий.

* * *

Когда Чип доковылял до своего убежища, рана на ноге уже перестала кровоточить и только изредка напоминала о себе всплесками ноющей боли. Бутч, конечно, сделал все, что было в его силах, чтобы остановить крепкого, шестнадцатилетнего парня, но этого оказалось недостаточно.

Поднимаясь по знакомым скрипучим ступенькам, Чип предвкушал вожаделенные мгновения спокойствия, которые подарит ему его старый, пыльный друг, но обнаружил, кое-что необычное и весь запал тут же улетучился.

Как и все аутисты, он был педантом в определенных вещах, и, покидая свое убежище, всегда плотно закрывал входную дверь, чтобы ни ветер, ни случайно пробегавшая мимо бродячая собака не потревожили идиллию, которую он так тщательно выстраивал годами в своем Храме. Но сейчас она была слегка приоткрыта, а, значит, кто-то нарушил стерильность и святость этого места.

Неприятная дрожь пробежала по всему телу Чипа, это было ледяное дуновение надвигающейся беды. Глядя на слегка приоткрытую дверь, краска на которой вздыбилась от

возраста и солнца, парень знал наверняка, что за ней его ждет очередное разочарование этого, бесконечного в своих попытках сломить и раздавить его, дня.

Храм Фантазий был не просто осквернен, он был практически полностью разрушен, изуродован актом бессмысленного вандализма, которые так присущи подросткам из неблагополучных или чересчур благополучных семей. Все игрушки были разбросаны как попало, большинство сломаны, а некоторые и вовсе отсутствовали. На северной стене комнаты красовалось огромное, уродливое граффити, изображавшее, скорее всего, название какой-то банды, стаи, в которые любят собираться дикари ради повышения шансов выжить в бетонных джунглях. Пол был усеян белесым ковром из окурков, а в углу возле окна лежала куча человеческих экскрементов.

Чип вышел в центр всего этого хаоса и посмотрел на валявшегося под ногами солдатика. От него оторвали голову Барби и теперь из необычной, интригующей, молчаливо хранящей свою загадочную историю, игрушки он превратился в скучного пластикового вояку, каких можно найти в любом детском магазине.

Благодаря грубому росчерку аэрозольного баллончика с краской, и спущенным до колен штанам единственный и лучший в мире друг снова превратился в обычное заброшенное здание, серую и неприметную развалину без единой капли шарма и уникальности.

Чип медленно опустился на колени, подобрал покалеченного солдата своей личной армии и сжал его с такой силой, что крохотный штык-нож, висевший на поясе вояки, впился в ладонь и проколол кожу до крови.

Мальчик испытал первый в своей жизни приступ застилающей глаза и практически неконтролируемой ярости. В глубине души он всегда боялся, что рано или поздно превратится в своего отца. И вот этот день настал, первый шаг на пути к бесконечному саморазрушению.

Вместе со своей свитой и храмом Чип потерял последние остатки веры в людей. Он потерял тот якорь, который удерживал его от свободного полета в пропасть жестокости, так тщательно с малых лет возвращаемой в нем Биллом. А на дне этой пропасти его ждал зверь. Дикий и нецивилизованный, он живет в каждом из нас и иногда заставляет совершать такие же дикие и нецивилизованные поступки.

Лишившись последних путей к отступлению, Чип решил, что, несмотря на все крики его интуиции об опасности, он вернется домой (ведь больше идти ему было некуда) и встретится с Биллом лицом к лицу. На этот раз он посмотрит своему страху, своему отцу в глаза и, наконец, ответит насилием на насилие.

* * *

Дуглас-младший сидел на диване и бездумно пялился в экран телевизора. Бутылка бурбона, которую он держал в руке, уже давно опустела, а за второй идти не было ни сил, ни желания.

«Опять пьешь? — старина Билл представлял, что бы сказал его отец, увидь он его сейчас. — Посмотри на себя, ты, кусок собачьего дерьма. Разве таким я тебя воспитывал? Расплылся по дивану, и сопли жуешь, как баба. Мало я тебя порол, что ты таким уродом бесполезным вырос, да еще и сынка такого же породил. Смотреть тошно».

Дуглас-старший всегда был недоволен своим сыном. Будучи человеком старого покроя,

он часто говорил, что дети должны воспитываться в строгости и армейской дисциплине, иначе из них непременно получаются лентяи и хиппи. Единственными эффективными методами воздействия на детский неокрепший ум он считал суровый голос, увесистый подзатыльник и ремень с пряжкой. Никаких пряников, только кнуты.

«Я еще выращу из тебя настоящего мужика» — постоянно повторял Дуглас-старший, вбивая в сына очередную житейскую мудрость. Но Билли, вместо того, чтобы перенимать самые лучшие качества своего отца (а таких было совсем немного) учился как правильно бить, не оставляя синяков, и как губка впитывал все нюансы плохого воспитания.

Повзрослев, Билл, вместе с чрезмерной агрессивностью и фальшивой мужественностью, приобрел множество комплексов и неиссякаемое чувство вины. Ему постоянно казалось, что Дуглас-старший своими побоями готовил его к какому-то очень важному испытанию, с которым он должен столкнуться во взрослой жизни. Что вся та боль и шрамы на заднице — своеобразная закалка перед грядущим. Но никаких явных вызовов жизнь Биллу не бросала, и с каждым годом он все больше и больше убеждал себя, что завалил тест, пропустил свою битву, а это, в свою очередь, еще больше подпитывало чувство вины перед отцом, вложившим так много сил в его подготовку.

Но теперь, его мнение кардинально изменилось. Сидя перед телевизором и разглядывая переливы пустой бутылки, он думал о Чипе и о том, что болезнь сына и есть то самое жизненное испытание, а он к нему оказался совершенно не готов. А еще он думал о том, что будь сейчас Дуглас-старший жив, то он непременно бы хохотал и злорадствовал, узнав, что его непутевый сынок породил на свет еще более непутевого внука.

* * *

Чип не хромал. Его походка была тверда и на редкость ровна, как для человека с прокушенной ногой. Он шел по подъездной дорожке к своему дому, крепко сжав кулаки, и не видел перед собой практически ничего. Красная пелена священного гнева застилала глаза и заглушала гром где-то там, под правым виском.

«Беги, если хочешь жить! Беги!»

Но Чип не собирался отступать, с него хватит. Он точно знал, что если сейчас пойдет на попятную, развернется и убежит, как велит ему голос в голове, то так на веки и останется в плену своих страхов, в тюрьме, построенной всеми этими жестокими людьми специально для него, в своей личной камере смертников.

Звук открывающейся входной двери выдернул Билла из пучины самоедства и сожалений.

— Ты где был? — рявкнул он, не вставая с дивана. — Разве я разрешал тебе выходить из дому?

Он краем глаза заметил силуэт, возникший в дверном проеме, и лениво повернул голову. Увидев порванную штанину, лицо Билла тут же стало пунцовым, а возле глаза надулась крупная вена — стандартный сценарий по которому каждый раз разыгрывались все домашние скандалы семейства Дугласов.

— Это еще что за херня? — он бросил пустую бутылку на диван и встал. — Я кого спрашиваю?

Чип молчал. Подходя к дому, он был уверен, что сможет совладать с собой, и удержать

ситуацию под контролем, но оказавшись на пороге комнаты, вся его уверенность морской волной разбилась о скалу отцовского воспитания. Взгляд мальчика привычно уткнулся в пол, а язык спрятался в глотку.

— Отвечай, ты, мелкий гаденыш, что произошло с твоими чертовыми штанами? Ты думаешь я миллионер, или как? Ты думаешь, я горбачусь на заводе, чтобы ты вот так брал и выставлял меня на деньги? Ну, ничего, я тебе покажу, как на шею мне садиться.

Билл подошел поближе и замахнулся, чтобы отвесить сыну крепкую пощечину, но не успел.

При виде до боли знакомого замаха, пламя ярости в груди Чипа разгорелось с новой силой, подпитывая его уверенность в себе. Мальчик протянул вперед руки и, схватив отца за воротник его красной клетчатой рубашки, потянул на себя. Он не хотел его бить, хоть такая мысль, признаться, вертелась в голове. Сейчас, больше всего на свете Чип хотел показать ему как он одинок, поделится с ним своим отчаянием, заставить его понять... Но в арсенале мальчика не было нужных слов, а даже если бы и были, Билл все равно бы не стал слушать. И вся эта плохо спланированная революция, которой он так жаждал, могла бы закончиться в тот самый момент, фактически даже не начавшись, но ему снова на помощь пришел его необычный дар.

Интуиция — это способность проникнуть в самую суть, заглянуть под толстую кожу бытия, минуя защитный слой теорий и экспериментов. Благодаря ей, Чип обычно на секунду становился экспертом в решении квадратных уравнений или верно ставил запятые в предложениях, не зная при этом нужных правил. Но стоя в дверях гостиной и держа своего отца за воротник, он обрел такое знание, о существовании которого не догадывался ни один человек на земле. Навязчивый грохот «Беги, если хочешь жить!» сменился другим, еще более жестким ощущением.

Наш мозг в фоновом режиме постоянно выполняет кучу разнообразных замеров и вычислений. Мы этого не замечаем, эти действия тщательно спрятаны от сознания, но, тем не менее, они есть. Когда вам жарко, нечто, кроющееся в бессознательном, отдает приказы потовым железам работать усерднее. Когда вы переходите дорогу и, глядя по сторонам, видите приближающийся автомобиль, ОНО мгновенно оценивает расстояние до него, его скорость и вероятность того, что вы под него угодите и, проведя множество расчетов, ОНО одергивает вашу ногу, давая понять, что встреча с хромированным бампером не входит в ваш график дня.

Процесс этот начинается с нашего рождения и заканчивается смертью, не останавливаясь ни на мгновение. При этом в его реализации задействована большая часть мозга, а для наших осознанных «Я» эволюция оставила лишь тонкий, верхний слой.

Секрет необыкновенной сверхинтуиции Чипа Дугласа крылся в том, что часть коры его головного мозга, из-за травмы или нездорового образа жизни матери во время беременности, была отнята бессознательным в угоду БОЛЬШИХ фоновых вычислительных мощностей. И пока нормальные дети познавали мир своим «Я», он незаметно для себя самого создавал его идеальную математическую модель. Иногда, гораздо чаще, чем полагается, некоторые фрагменты этой модели вырывались из цепких лап подсознания и по ошибке или же счастливой случайности задевали ту часть, в которой обитала личность Чипа, оставляя быстро тающий след, подобно пассажирскому лайнеру в небе.

Впервые в жизни оказав отцу сопротивление, дав отпор извечному тирану, мальчик вызвал в своем организме выброс в кровь такого дикого коктейля из гормонов и стресса, что

подсознательному пришлось вмешаться в ситуацию неприкрыто и пойти на кардинальные меры. Еле заметный инверсионный след знаний за один миг превратился в плотный бурный поток, будто кто-то открутил кран на полную, и Чипа захлестнуло открывшимся ему доселе невиданным миром.

Вселенная — очень сложно устроенный, и в то же время, элегантный механизм, чьи шестерни и блоки при любых обстоятельствах, семь дней в неделю, без перерывов и выходных, выполняют свои функции, заставляя мироздание быть. И как бы ученые умы нашего голубого шарика, несущегося в бесконечной пустоте вакуума, не старались понять задачи и устройство этих самых механизмов, большая их часть все равно остается скрытой, недоступной человеческому пониманию. Но ученых винить в этом бессмысленно, ведь как бы усердно они не работали, их ограничивает одна определенная особенность человеческого мозга: мы, человеки, не можем представить себе вещи большей мерности, чем та в которой мы обитаем. Конечно, существуют отдельные математические теории на эту тему, но их абсолютная абстрактность не дает возможности увидеть картину в целом, осознать, что наш мир — это лишь малая часть огромного, бесконечно множащегося и разрушающегося, замыкающегося в себя ничто.

Мы, подобно нарисованным на листке бумаги человечкам из овалов и палочек, не способны выйти за рамки измерений, предоставляемых этим самым листом. Но Чип, благодаря уникальному устройству своего разума, или же благодаря его уникальной дисфункции, оказался тем единственным, кто смог осознать, что мир гораздо объемней чем кажется. Может быть, он не был так умен, как остальные дети. Может быть, он не был силен в науках, и не знал многих элементарных вещей, которые известны каждому нормальному школьнику, но он оказался именно тем нарисованным человечком, который смог повернуть голову и увидеть, что у чемодана вселенной есть скрытое дно, что их бесконечное множество. Он узрел весь масштаб.

Все те колоссальные знания, которые аккумулировал его необычный мозг долгие годы, собирая их из разрозненных и со стороны, казалось, несвязанных крупиц информации, дали ему понимание, простое и очевидное, как дважды два. Весь объем мироздания доступен нам, но мы не можем осознать этого, потому, что не знаем к нему дороги. Каждый человек может увидеть то же что и он, если поймет, куда и как смотреть. Нужно всего лишь повернуть голову. А когда знаешь расположение дорог, сделать первый шаг к цели не составит никакого труда.

Будь Чип немного умнее и дальновиднее, возможно, он смог бы стать новым Буддой, мессией XXI века, просветленным, ведущим слабые умы к истине, сквозь тернии несовершенства человеческого мировоззрения, но, к сожалению, он был целиком и полностью сыном своего отца. Эгоизм, глупость и вспыльчивость, через гены и потертый ремень исправно передавались в семье Дугласов из поколения в поколение.

Страх перед Биллом бушевал в крови мальчика. Перемешиваясь с адреналином, он призывал его бежать, скрыться в темноте, забиться в самый дальний и незаметный угол. В то же время жажда мести и расплаты за уничтожение Храма Фантазий требовала сатисфакции, ведь именно за ней он и вернулся домой. Эти два порыва, тянувшие Чипа в разные стороны, вдруг, объединились в один, скрепленный новым знанием. Мальчик понял, что теперь он сможет объяснить отцу свое одиночество, и для этого ему вовсе не нужны слова, ему просто нужно забрать его туда, где не ступала нога ни одного из ныне живущих или когда-либо живших людей.

Сжав воротник отцовской рубашки еще сильнее, он снова потянул его, но на этот раз не на себя, а вглубь.

В один момент весь мир вокруг старины Билла схлопнулся, погружая его и Чипа в бесконечный вихрь калейдоскопичных отражений реальности. Мириады гостиных кружились вокруг, сливаясь вместе и отпочковываясь друг от друга, в нескончаемом и неосвязаемом ничто.

Билл закричал. Точнее он попытался закричать, но воздух застрял в груди и спазм страха сжал его ребра до боли. Его глаза бешено вращались, ища хоть какую-нибудь зыбкую опору для поглощенного ужасом мозга. С каждой секундой Дуглас-младший, строивший из себя альфа-самца, агрессора с чьим мнением просто необходимо считаться, все больше и больше сдавал позиции, показывая кем он является на самом деле — всего лишь маленький, запуганный своим отцом, мальчик, который вот-вот расплачется и намочит штаны. И когда напряжение, казалось, достигло своего предела, Чип потянул его еще глубже.

Умопомрачительное вращение бесконечных гостиных сменилось темнотой, всепоглощающей и абсолютно тихой. В этом месте, а точнее в такой отдаленности от всех существующих мест, не было ничего. Чип привел отца к самому краю, к обрыву, которым заканчивалось бытие, скручиваясь и изгибаясь само в себя. Это было то самое место, которое должно было наглядно показать Биллу, как его сын одинок, именно здесь он и должен был понять... И понимание пришло к нему, но не то, на которое рассчитывал Чип.

При виде вселенского великолепия, которое не могло уложиться в его скудном умишке, Дуглас-младший сделал самый неправильный, но от этого не менее ожидаемый вывод. Он подумал, что бич всех алкоголиков наконец добрался и до него, что это сумасшествие, в которое он так неожиданно нырнул с головой — всего лишь приступ белой горячки, обман, вызванный дешевым пойлом в его старом и воспаленном мозгу. Но затем он увидел глаза Чипа, пристально смотревшие прямо на него. Это уже вовсе не походило на взгляд запуганного двенадцатилетнего мальчика, нет, теперь его карие глаза горели холодным огнем, проникавшим, казалось, в самое нутро и разъедавшим его изнутри, это были глаза дьявола.

Мысль о белой горячке потускнела и развеялась, сменившись новой, более дикой, но от этого не менее настырной: Мой сын — сам Дьявол. Наконец Билла охватила паника, она завладела им полностью, с головы до пят он пропитался страхом и потерял всяческий контроль над своим телом. Теперь им управляли лишь животные инстинкты и, вырвавшееся из оков разума, неумное желание жить.

Более не осознавая происходящего, Дуглас-младший изо всех сил оттолкнулся от Чипа, тем самым разрывая тонкую путеводную нить, связывавшую их, и более ничем не поддерживаемый, не знающий дороги, устремился обратно, в родной слой реальности. Человечек из овалов и палочек возвращался на привычную поверхность бумажного листа.

«Он не видит, куда идти» — подумал Чип и бросился следом, но как ни старался, не мог нагнать отца.

Подобно ныряльщику, оказавшемуся на огромной глубине, отрезанному от воздуха и света, Билл изо всех сил греб к поверхности, не понимая, что может вынырнуть прямо в винты собственного корабля. К сожалению, именно это и произошло.

В опустевшем коридоре дома Дугласов с еле слышным хлопком материализовался уже протрезвевший и до смерти напуганный Билл Дуглас, а если быть более точным, то только его нижняя часть. Верхняя же находилась в гостиной и истошно орала.

В выходе из трехмерного поля реальности не было ничего сложного, это как сделать шаг влево или вправо, раз и готово. Но вот вернуться обратно — дело, требующее знания и ювелирной точности. Попробуйте представить себе вагон поезда, вращающийся вокруг вас и собственной оси с умопомрачительной скоростью, и в этот вагон нужно запрыгнуть, не переломав при этом себе все кости. Задача не из легких, и Дуглас-младший, хоть и был предельно близок к успеху, но все же ошибся. Ошибка была незначительной, но роковой. Она привела к тому, что старина Билли вернулся в трехмерность на полметра левее, чем вышел из нее — прямо в стену. Он склеился с ней на атомарном уровне. Обои, гипсокартон, водопроводные трубы, все это намертво срослось с человеческой плотью, образуя на стыках новые химические соединения и при этом причиняя Биллу невыносимую боль.

Раздался еще один хлопок и в дверном проеме появился Чип. Понимая механику многомерных проекций на интуитивном уровне, он с легкостью вернулся на то же самое место, где и стоял, целый и невредимый.

— Что ты со мной сделал? — истерично заорал Билл, увидев сына. — Вытащи меня!

Странная картина, открывшаяся Чипу, испугала его, он отшатнулся и уперся плечом в дверной косяк. Он знал, что с человеком, который не видит дорогу, может произойти что-то плохое, но не был уверен, что именно. Теперь этот момент прояснился.

— А ну быстро вытащи меня! — продолжал орать Билл. — Не знаю, как ты это сделал, но верни все как было, сейчас же!

— Не могу, — практически шепотом ответил Чип, осознавая, что его отец проведет свои последние минуты в таком странном подвешенном состоянии.

— Что?!

— Не могу, — повторил он немного громче.

— Ах ты... — правая рука Билла по локоть была замурована в стене, и он мог только беспомощно вращать кистью, но левая оказалась свободна. Неожиданно он протянул ее к сыну и схватил его за горло.

— Если из-за тебя я подохну здесь, то ты подохнешь со мной! — прошипел он, сжимая пальцы.

Чип попытался вырваться, но тяжелая работа на заводе сделала руки старины Билла грубыми и сильными, а хватку крепкой, как у тисков.

По мере того, как Дуглас-младший проникался болью, раздираемых каждым неосторожным движением, внутренностей, его пальцы сжимались все сильнее и сильнее, сдавливая нежную плоть мальчишки.

Руки Чипа хаотично метались из стороны в сторону в жалких попытках ударить отца и высвободиться, но даже когда они попадали в цель, то никакого видимого эффекта не оказывали. Это сопротивление походило на отчаянную попытку рабочего, чью робу намотало на вал станка, вырваться из бездушных металлических оков, жаждущих перемолоть его в кашу.

Наконец, давление на горло дошло до той отметки, при которой просвета для воздуха больше не оставалось, и Чип начал задыхаться. Разноцветные круги поплыли перед глазами, знаменуя приход кислородного голодания, за которым следует смерть.

Несколько раз неловко ударив отца по голове, мальчик убедился, что это не оказывает никакого эффекта, словно колошматить стену, в надежде, что она упадет, и принялся шарить вокруг в поисках хоть чего-то подходящего на оружие.

Удача (если отбросить все другие неприятности) сегодня была на его стороне. Пустая

бутылка бурбона, которую отец оставил лежать на диване, удобно легла в ладонь. Чип сжал ее покрепче и со всего размаха ударил Билла по голове. Осколки фонтаном брызнули во все стороны, каменная хватка на горле ослабла. Чип, кашляя и тяжело дыша, рухнул на пол.

— Тварь! — еще истощнее завопил Дуглас-младший. — Дьявольское отродье! Иди сюда, ты никчемный кусок дерьма, — он размахивал рукой перед лицом мальчишки в тщетных попытках снова схватить его, но никак не мог дотянуться. — С самого начала я догадывался, что из тебя ничего путного не выйдет, с самого начала. Надо было бросить тебя в роддоме, как и хотела твоя мать!

Проклятья, сыпавшиеся из Билла, плавно перешли в стоны, и в уголке его рта показалась тонкая струйка крови. Резкие движения повредили что-то у него внутри и еще больше усугубили его и без того безвыходное положение.

Чип, лежа на полу среди осколков стекла, смотрел на своего отца, он видел, что его губы шевелятся, извергая очередную порцию брани, но он ее не слышал. В его голове по кругу, раз за разом повторялась та ужасная фраза: «Надо было бросить тебя в роддоме, как и хотела твоя мать... как и хотела твоя мать... как и хотела твоя мать...» И с каждым новым витком, с каждым новым повтором она причиняла ему боль гораздо большую, чем испытывал Билл, пытаясь вырвать себя из стены. Чип всегда думал, что мама любила его, что однажды она могла вернуться за ним, и забрать его с собой, выхватить его из мозолистых рук вечно недовольного отца. Но теперь и этот Храм Фантазий рухнул, и похоронил под своими обломками последние капли терпения.

Сцепив покрепче зубы и сжав в кулаке «розочку», оставшуюся от бутылки, Чип выпрямился, словно пружина, и нанес удар, быстрый, точный, смертельный.

Вытягивая старину Билла из рамок привычной ему реальности, Чип рассчитывал, что сможет достучаться до человека, прячущегося где-то очень глубоко под этой толстой шкурой из агрессии и хамства, но вместо понимания и сочувствия, в ответ получил только новую порцию грязи в лицо и крупный синяк на горле. Эта встряска помогла ему понять, что его отец абсолютно ничем не отличается от тех вандалов, которые надругались над заброшенным домом на пустыре, в двух кварталах отсюда. Не боясь ответственности за свои действия, они стянули с себя штаны, а вместе с тем и ширму, скрывавшую их настоящее лицо. Чип хотел обратиться к человеку внутри Билла, но не смог, потому, что в нем не было никакого человека, он был обычным говорящим животным, чье место в одном из шатров бродячего цирка.

Стекло, как хирургический скальпель, одним легким рывком вспороло сонную артерию, и кровь под давлением вырвалась наружу. Дуглас-младший издал странный булькающий звук и попытался прижать свободной рукой рану, но алая струя все равно пробивалась сквозь пальцы, пачкая все вокруг.

Чип равнодушно наблюдал за тем, как жизнь в глазах его отца постепенно угасала. Тиран, некогда казавшийся непобедимым и грозным, сейчас больше походил на собственную тень. С каждой секундой его движения становились все менее и менее отчетливыми, пока, он окончательно не замер, безвольно свесив голову, а по стене не расплылось огромное багровое пятно.

Кори Литтл сидел в своем кабинете и никак не мог избавиться от странного ощущения, будто сегодня непременно должно произойти что-то плохое. Это как запах озона, появляющийся незадолго до того, как первые капли дождя коснутся земли.

Сложив руки лодочкой и упершись указательными пальцами в переносицу, он смотрел на металлическую табличку со своим именем и думал. Его очень заинтересовал тот парень, Чип Дуглас. Что-то подсказывало ему, что к этому подростку стоит присмотреться повнимательнее. Взять его, как говорится, под карандаш.

«У него очень агрессивный отец, — думал Литтл, вспоминая с какой силой Билл сжимал табличку. — Такой вполне способен навредить не только себе, но и ребенку. Пожалуй, позвоню ему сегодня вечером, просто чтобы убедиться, что все хорошо».

Дождавшись конца рабочего дня, Литтл, поглощенный раздумьями о судьбе молодого аутиста, вышел из здания школы, при этом забыв закрыть дверь своего кабинета на ключ — ни разу до этого не забывал.

Подойдя к своей новенькой и недавно отполированной Камри, он замер, теребя в руках брелок.

С того странного разговора утром прошло уже пять часов, а запах озона все никак не хотел выветриваться.

— Да, точно позвоню, — буркнул Литтл себе под нос и нажал на кнопку, отключающую сигнализацию. Фары автомобиля мигнули, и замок с еле слышным щелчком открылся.

Литтл уселся на все еще пахнущее новой кожей водительское сидение и завел мотор, но ехать не спешил.

— Ну позвоню я, и дальше? — он снова замолчал, а затем продолжил мысль. — Он и утром-то со мной говорить не хотел... К черту, это их личное дело, мне за такое не доплачивают.

Камри тронулась с парковочного места, и, вырвав на дорогу, затормозила на перекрестке возле светофора. Когда красный сменился желтым, а затем и зеленым, она оставалась неподвижной, и когда во второй раз загорелся желтый она продолжала стоять, мигая поворотником. Но в последний момент, перед тем как схема, проделав полный круг, зажгла снова красный, она все же поехала, но не в сторону квартиры Кори Литтла, а по направлению к старенькому одноэтажному дому Дугласов.

Осень укорачивает дни, и к тому времени, когда Литтл въехал в нужный район, закатный багрянец на небе сменился холодной синевой сумерек.

Кори не знал, что будет делать или говорить, когда доедет, но был уверен на все сто, что должен навестить Чипа. Его отец был весьма вспыльчивым и, скорее всего, страдал от алкоголизма. Такие реагируют на плохие новости непредсказуемо, и, если ситуация выйдет из-под контроля, то лучше, чтобы кто-то посторонний мог снизить градус или, по крайней мере, вызвать полицию.

Мысли о том, что его ученику может грозить опасность и навязчивый запах надвигающихся неприятностей, перетянули большую часть внимания Литтла на себя и из-за этого он почти проглядел, выхваченный фарами автомобиля из объятий сумерек, силуэт подростка. Тот брел по неосвещенному тротуару, его лицо было закрыто капюшоном толстовки, а правая штанина ниже колена разорвана в клочья.

Литтл слегка снизил скорость и, проезжая мимо, как следует присмотрелся. Возможно, парню нужна помощь? Но когда до незнакомца оставалось не больше пяти метров, Кори узнал в нем Чипа Дугласа и резко ударил по тормозам.

— Не может быть, — прошептал он, проводя взглядом уже удалявшегося мальчика. — Что за черт?

Он включил заднюю передачу и нагнал Чипа. Сравнявшись с ним, он опустил стекло пассажирской двери и окрикнул ученика, но тот продолжал идти, не обращая на автомобиль никакого внимания. Казалось, единственное, что интересовало парня в тот момент — это его собственные колени.

Кори позвал Чипа по имени еще раз (а в том, что это был именно Чип Дуглас уже не было никаких сомнений, с такого расстояния невозможно ошибиться), а затем посигналил.

Звук автомобильного клаксона привел Чипа в чувства, он вздрогнул, остановился, а затем рассеяно посмотрел на школьного психолога.

— Эй, что случилось? Ты в порядке?

Чип молчал.

Литтл выскочил из автомобиля, чтобы осмотреть парня поближе, и с ужасом заметил, что вся его грудь и лицо покрыты крупными темно-красными пятнами крови, а на шее отчетливо виднелся большой свежий синяк.

— Чип, ты ранен? — он посмотрел парню в глаза, но тот, как и ожидалось, отвел взгляд в пол. — Это твоя кровь? Что произошло? Это твой отец сделал?

Чип игнорировал все вопросы и продолжал молчать.

— Так, ладно, я понял. Давай-ка, садись, — Литтл открыл пассажирскую дверь Камри и буквально впихнул в нее мальчика, затем оббежал авто и занял место водителя. — Сейчас мы во всем разберемся.

Он надавил на газ и поехал по направлению к дому Дугласов.

По мере того, как они приближались к цели, Кори краем глаза наблюдал за парнем, надеясь увидеть хоть один маленький ключик к тому, что же все-таки с ним случилось, чтобы подготовиться заранее, продумать план действий, но Чип сохранял удивительное спокойствие. Он разглядывал заусенцы на своих пальцах с таким видом, будто ничего прекраснее в жизни не видел, и совсем не обращал внимания на психолога.

«Замкнулся в себе», — подумал Литтл и остановил Камри возле подъездной дорожки дома Дугласов.

— Сиди здесь, — скомандовал он Чипу. — Я попробую с ним поговорить, и, если что, вызову полицию. Все будет хорошо.

Литтл вышел из автомобиля и направился к дому, напоследок оглянувшись и убедившись, что парень сидит на месте.

Примерно через пять минут он снова показался на подъездной дорожке. Он шагал так быстро, как только мог, нервно оглядываясь по сторонам. Тяжело дыша, Литтл буквально впрыгнул в авто.

— Что же это такое? — спросил он, глядя пустыми глазами перед собой вцепившись в руль так сильно, будто от этого зависела его жизнь. — Что же это такое? Он в стене, мертвый. Как? Я не знаю... Что же это такое?

— Он не знал дороги, — вдруг сказал Чип и снова принялся с упоением разглядывать собственные пальцы.

— Это ты с ним сделал? — Литтл надеялся, что парень сможет прояснить хотя бы малую часть. — Или он сам с собой? Не понимаю... Он тебя душил? Откуда этот синяк, и что с твоей ногой? Ничего не понимаю...

«Нужно срочно позвонить в полицию» — промелькнуло у психолога в голове, но он тут

же передумал. Что-то во всем происходящем было не так, что-то кроме мертвеца, застрявшего в стене. Это невидимое «что-то», этот странный запах озона перед грозой заставил его приехать сюда, обратил его внимание на силуэт в тених, и теперь мешал ему думать логично.

— Тебя будут искать, — наконец, после долгих раздумий сказал Литтл. — Полиция будет искать тебя и когда найдет, они будут спрашивать. Будет много вопросов, это уж точно, — он нервно хихикнул, — но ты ведь им ничего не расскажешь, так? Потому, что ты не можешь. И тогда они спихнут все на тебя и упекут тебя в дурдом для преступников. Я бывал в таком пару раз и знаю, что ты там долго не протянешь. Они накачают тебя под завязку и превратят в овощ. Ты ведь не хочешь стать овощем, Чип?

— Не хочу, — почти прошептал мальчик и Литтл от неожиданности вздрогнул. После увиденного в доме Дугласов, он теперь слегка побаивался этого странного паренька.

— Я могу помочь тебе, понимаешь? Мне они поверят, я смогу все объяснить им, если ты мне расскажешь, что произошло. Ты расскажешь?

— Я не хотел, чтобы так вышло, — голос Чипа был еле различим, и в нем присутствовала небольшая хрипотца из-за сдавленного отцом горла. — Я просто хотел показать ему... — он запнулся и снова замолчал.

— Что показать? Чип, что ты хотел ему показать?

— Все, — ответил парень.

Тогда, понимая, что таким образом он ничего не добьется, Литтл решил сменить тактику и спросил: «А мне покажешь?»

Чип отвлекся от созерцания своих пальцев и окинул удивленным взглядом психолога. Ему казалось, что все люди вокруг холодные и жаждущие поиздеваться над ним животные, к такому выводу он пришел за сегодняшний долгий день. Но этот мужчина совсем не выглядел таковым, его движения не выказывали зла, лишь любопытство и участие. Это было очень странно и непривычно, но в то же время заманчиво.

Посомневавшись мгновение, Чип решил, что хуже уже не будет, положил руку Литтлу на плечо и...

* * *

Автомобиль простоял пустым несколько секунд, а затем, с негромким хлопком в нем появились, так же неожиданно, как и исчезли, два его пассажира.

Литтлу повезло, что он забыл поднять пассажирское стекло, ведь если бы он это сделал, то из-за резкого перепада давления при возвращении в трехмерность все стекла в его новенькой Камри могло бы выдавить наружу.

Чип отпустил плечо психолога и, как ни в чем не бывало, спросил: «Вам понравилось?»

Литтл промолчал. Он не мог ответить по нескольким причинам, и одной из них был шок. Психически здоровому человеку довольно сложно даже в общих чертах представить то, что Кори только что увидел собственными глазами, и у него, в отличие от Чипа, не было никакого аутизма, который бы помог справиться со всеми логическими парадоксами, тут же возникшими в его мозгу.

— Значит так, — затараторил Литтл, пытаясь хоть как-то отвлечься обыденными вопросами от тех тонн информации, которые так нежданно обрушились на него, и пытались

свести с ума, — я не знаю и не понимаю, что ты сделал, и, скорее всего, вряд ли когда-нибудь пойму, — он нервно выдохнул, — но я точно знаю, что в полиции с этим разбираться тоже не станут, а стоило бы, ой как стоило бы. Эти дуболомы не любят сложностей, а ты у нас очень сложный парень, да? Тебя нужно спрятать на время, пока все не уляжется, ты понимаешь?

Чип рассеяно кивнул.

— Я помогу тебе, как и обещал. У меня в Нью-Йорке есть один старый университетский знакомый. Он умнее меня, гораздо. Я отвезу тебя к нему, и он решит, как быть с твоим... с тем, что ты умеешь. Думаю, он во всем разберется, да, во всем разберется. Все будет хорошо.

Литтл вытер вспотевший от волнения лоб, и достал из кармана брюк мобильный телефон. Набрал номер, он скрестил пальцы. Слишком много времени прошло с последнего звонка, слишком много.

— Алло? — вдруг услышал он в трубке знакомый голос.

— Джереми Симпсон, старина, это ты? — спросил Литтл.

— Да, я. Привет, Кори, давно не слышались, как поживаешь?

— Не очень, старина, не очень.

— Да? Что случилось?

— Не телефонный разговор, но могу сказать, что у меня есть для тебя очень интересный пациент. Не против, если я передам его тебе лично?

Часть шестая

Полночь

— Саймон, ты там как? — доктор Грант настойчиво постучал в дверь туалета для персонала. — С тобой все в порядке?

— Да, — санитар еще раз набрал в ладонь холодной воды и плеснул себе на лицо, — через пять минут выйду.

— Может скорою вызвать? — продолжал Грант.

Саймон взглянул на собственное отражение в зеркальце над умывальником. Правая скула и небольшая часть лба немного покраснели, а в остальном он был в полном порядке.

— Нет, не надо, спасибо. Бывало и хуже.

Работа санитаром в психиатрической клинике — тяжелое испытание, как для разума, так и для тела. А если ты трудишься в отделении для преступников, то еще и постоянная опасность для здоровья.

— Ладно, хорошо, — после недолгой паузы снова заговорил Грант. — Приводи себя в порядок и, если что, можешь взять отгул на сегодня. А я пока схожу к Гамильтону и доложу обо всем. Нужно что-то решать с этим буйным.

Саймон рефлекторно кивнул, будто в уборной кроме него был еще кто-то, кто мог бы увидеть этот кивок, и продолжил разглядывать покрасневшую щеку.

За все время работы с психами сегодняшняя переделка оказалась самой безобидной. Всего один стакан горячего чая в лицо. Не удар стулом в спину, не нападение с острым обломком зубной щетки, не даже скучный тычок локтем в глаз. Всего лишь стакан горячего чая.

Конечно, Грант, как человек новый, наверняка подумал, что бедняга санитар останется без глаза, ну или по крайней мере покроется ужасными волдырями, и, естественно, запаниковал. Саймон же был привычен к постоянным посягательствам на свое здоровье и знал, что в больнице, в целях безопасности, не выдают настолько горячий чай.

Выйдя из уборной, Саймон тут же наткнулся на Риту, симпатичную медсестричку, кормившую психов лекарствами по два раза на дню, в обед и перед сном.

Рита Босси была дочкой итальянских иммигрантов и обладала теми двумя качествами, которые всегда выбивали Саймона из колеи: длинные, как сама жизнь, ноги и аккуратный бюст третьего размера, кокетливо натягивающий больничный халат.

— Ты как? — спросила она, и потянулась к его лицу.

— Все хорошо, — ответил он и неловко увернулся от ее руки. — К вечеру и следа не останется.

Саймон хотел, чтобы эта молочно-белая элегантная ручка прикоснулась к нему, более того, он хотел этого так сильно, что отпрянул не зря, ведь если бы он позволил ей это наивное проявление женской нежности, то ему пришлось бы потом битый час бороться с оттопыривающей штаны эрекцией.

Саймон был тайно влюблен в Риту, но, несмотря на то, что присмотр за сбрендившими преступниками требует от человека немалой храбрости, он никак не мог перебороть этот парадоксальный страх внутри себя и пригласить ее на свидание.

— Что сказал Грант? — спросила она.

— Предложил взять отгул на сегодня.

— И ты возьмешь?

— Нет, конечно, — Саймон никогда не брал отгулы, если можно было этого избежать. Он прекрасно знал себя и свою лень, с которой он боролся ежедневно, ежечасно и ежесекундно. Каждый раз, когда он позволял себе хоть немного расслабиться, он тут же терял любую мотивацию заниматься чем-либо, и выйти из подобного вегетативного состояния требовало внушительных усилий. — Да и с чего бы мне? Подумаешь, чай... вот если бы кислота...

— Ой, не выдумывай, — Рита широко улыбнулась, и сердце Саймона сжалось в груди. — Откуда у нас взяться кислоте?

— Неоткуда конечно, это я так, к примеру.

Неловкая пауза.

— Ладно, — она завела за ухо, выбившуюся из плотно завязанного хвоста, прядь, — тогда приводи себя в порядок, ты нам нужен.

После этих слов она развернулась и зашагала по своим медсестринским делам.

Вот и сейчас, Саймон молча провожал ее взглядом и ничего не мог с собой поделать. Он изо всех сил пытался открыть свой непослушный рот, окликнуть ее и сказать: «Эй, Рита, не хочешь после смены сходить куда-нибудь?» Он знал порядок звуков и интонаций, которые были необходимы, но просто не мог их издать.

Саймон смотрел, как его заветная мечта удаляется, соблазнительно покачивая бедрами, и не предпринимал никаких попыток изменить что-либо.

* * *

Джеральд Пирс, убийца собственной дочери и по совместительству пациент психиатрической больницы Бриджуотер в штате Пенсильвания, во время утреннего приема пищи испытал один из сильнейших приступов за все время своего пребывания в этом исправительном учреждении.

Обычный, даже можно сказать рутинный прием пищи превратился в полный бардак, когда Джеральд, схватив со своего подноса бумажный стаканчик с чаем завопил во все горло: «С этим чаем что-то не так!» и выплеснул его парящее содержимое прямо в лицо Саймону Мэю, молодому санитару, стоявшему рядом.

Оливер Бун, сопалатник Джеральда, и по совместительству параноидальный шизофреник, воспринял его крик как сигнал, и приступил к исполнению плана побега, который они вместе разрабатывали вот уже на протяжении полугода.

Вскочив из-за стола, Бун, сломя голову бросился к выходу и тут же был остановлен вторым санитаром, затем бережно уложен на пол, а потом и обколот внеочередной порцией транквилизатора.

К слову, ни о каком плане побега Джеральд не знал, а весь процесс составления данного несуществующего плана находился только в больном воображении Оливера.

При виде разыгравшейся драмы, несколько других заключенных вышли из шаткого состояния душевного равновесия, в котором они до этого находились, и принялись завывать, улюлюкать и выкрикивать различные ругательства в адрес медперсонала. Этот шум, в свою очередь, нарушил спокойствие еще большего количества больных и в ход пошла еда.

Доподлинно не известно, кто первым додумался использовать больничное пюре как

боеприпас, но это и не важно, ведь псих, получивший заряд картофеля в щеку, решил ответить обидчику тем же, и столовая больницы Бриджуотер моментально превратилась в горячую точку.

Котлеты мелькали под потолком, словно гаубичные снаряды, безжалостно обрушиваясь на нездоровые головы заключенных. Комочки невкусного холодного пюре картошкой разлетались во все стороны, налипая неприятной белесой массой на стены и одежду. А венцом психиатрического военного искусства оказалось желе. Попадая за шиворот, оно вызывало у поверженного непреодолимое чувство отвращения и стремительное желание сдаться на милость победителя.

Многие пали в той битве, но генерал Пирс стоял до победного. Он продолжал повторять снова и снова, что с чаем что-то не так и бросался с кулаками на любого, кто пытался подойти к нему. Понадобилось четыре человека, чтобы его усмирить. Когда многочисленные уколы успокоительного наконец подействовали, мирно посапывающего, и пускающего слюну на воротник пижамы, Пирса оттащили в палату, на всякий случай, привязав крепкими кожаными ремнями к кровати.

* * *

Когда Саймон вернулся в столовую, большую часть того безобразия, которое учинили разбушевавшиеся больные, уже убрали. Перевернутые столы и стулья стояли на своих местах, а более-менее адекватные пациенты, которые находились в лечебнице по своей воле или же до вынесения судом приговора, помогали медсестрам оттирать еду от поверхностей, на которых ей было не место.

— Видал, что этот Пирс устроил?

Саймон повернул голову и увидел Бритни, тот стоял у стены, одной рукой потирая лоб, а другой, ковыряясь у себя в штанах.

— Нет, я в туалете был. А что здесь произошло?

— Бунт, — рот Бритни расплылся в жуткой беззубой улыбке. — Этот чайный мужик что-то с чем-то.

— Да? — сам того не заметив переспросил Саймон. Он был полностью поглощен наблюдением за чисткой столовой и слушал безумного старика лишь в пол уха.

— Ага. Он думает, что у него в голове живут пришельцы, а все остальные думают, что нет. Просто умора.

— Здесь много кто и много чего думает, только это ровным счетом ничего не значит. Мысли сумасшедшего должны волновать только его лечащего врача.

— О, мысли ЭТОГО сумасшедшего должны волновать всех, — Бритни достал руку из штанов, понюхал ее, затем глупо хихикнул и продолжил чесать промежность.

— И с чего бы это? — Саймон вопросительно посмотрел на старика.

— А с того, что в этот раз прав он.

Бритни угораздило попасть в Бриджуотер из-за его непомерной любви к демонстрации своих половых органов ни в чем не повинным прохожим. Он с диким хохотом и спущенными до колен штанами выскакивал из подворотни навстречу ничего не подозревающим дамочкам, возвращающимся с покупками из супермаркета, и пугал их до чертиков.

Несколько жалоб в полицию привели к тому, что беззубый бродяга оказался сначала в

обезьяннике, а затем и вовсе в зале суда. Личность его установить не удалось, единственным именем, на которое он реагировал, было Бритни. Посчитав его невменяемым и опасным как для себя, так и для общества суд приговорил его к принудительному лечению.

Саймону Бритни всегда казался обманщиком, слишком уж легко под тонкой глазурью безумия в нем просматривался расчетливый хитрец, подсевший на шею честных налогоплательщиков, которые обеспечили ему крышу над головой, регулярное питание и бесплатные медицинские наркотики. Но была в его ненастоящем сумасшествии и положительная сторона. Общение с этим беззубым лепреконом Саймону доставляло какое-то извращенное, но при этом несравнимое ни с чем другим, удовольствие. За годы отчаянного бродяжничества с Бритни произошло множество странных историй, и Саймон просто обожал их слушать. Он часто засиживался в общей палате допоздна, обсуждая со старикашкой очередную байку, и, незаметно для себя, сближаясь с ним.

— Ну не знаю, Брит, по-моему, в этот раз ты перегибаешь палку. Пришельцы в голове? Если тебе нужен укол, мог бы так сразу и сказать.

После слов Саймона хитрая улыбка тут же слетела с беззубого рта старика, а его правая рука, постоянно что-то искавшая в штанах, снова показалась на свет. На какое-то мгновение глаза Бритни приобрели кристальную чистоту и осознанность, которой санитару ранее видеть еще не доводилось.

— Саймон Мэй, — вдруг сказал он на удивление серьезным и ровным тоном, — ты должен запомнить то, что я тебе сейчас скажу. Ты должен запомнить все и пообещать мне, что ни в коем случае не забудешь.

— Брит, что с тобой? — в недоумении спросил санитар.

— Пообещай мне! — старик схватил Саймона за рукав больничного халата и притянул к себе.

— Ладно, ладно, — затараторил парень, — обещаю.

— В полночь тьма станет нестерпимой. Отринь ее! Взгляни наверх! Найди спасенье. — Выдав это странное пророчество Бритни моментально вернулся в свое придурковатое состояние, а его рука вернулась в привычную теплоту промежности.

— А теперь можно дедушке укольчик? — снова хитро улыбаясь спросил он. Санитар озадаченно кивнул.

* * *

Саймон помогал бегуну Оливеру Буну добраться до своей палаты, а сам не мог выкинуть из головы слова Бритни. Сумасбродные истории старика, которые он с таким упоением слушал тягучими больничными вечерами, частенько удивляли его, удивляли в хорошем смысле этого слова. Например, как та, в которой этого старого, хитрого лепрекона двое каких-то незнакомцев совершенно бесплатно сводили в ресторан. У Саймона в голове просто не могла уложиться картина грязного и воняющего подворотней Бритни, сидящего в приличном, дорогом заведении, и спокойно уплетающего ужин, при этом отвратительно чавкая голыми деснами.

Но сказанное сегодня в столовой удивило Саймона куда больше чем любая слышанная до этого байка. Либо этот пройдоха тайком от всех изучал актерское мастерство и драматургию, либо... других вариантов у санитара не было, слишком уж реалистичным

вышло пророчество.

Рано или поздно каждый, даже самый двинутый шизик выдает в пылу бреда такую фразу, от которой у здорового человека мурашки побегут по коже. Но, тем не менее, это все тот же бред, только по случайному стечению обстоятельств, набор слов исключительно подходит к ситуации, вот и все. С пророчеством Бритни все было иначе, и Саймон чувствовал это вздыбившимися на затылке волосами.

«В полночь, тьма станет нестерпимой...» — он пытался вспомнить точные слова, — «... Отринь ее...» — Саймон бросил Буна на кровать, — «... Взгляни наверх. Найди спасение».

Он обернулся и тут же встретился взглядом с Джеральдом Пирсом, чайным парнем с прищельцами в голове, тот лежал на соседней койке с полуоткрытым ртом из уголка которого на подушку стекала тоненькая струйка слюны.

В первую секунду Саймону показалось, что эти безжизненные и пустые глаза смотрят прямо на него, они испытывают его на прочность, беззвучно шепча: «На этот раз прав Я», но отступив немного в сторону, он понял, что парня просто накачали слоновьей дозой транквилизатора, и его веки во сне открылись сами собой.

Немного осмелев, Саймон подошел поближе и присел на корточки так, чтобы его лицо оказалось всего в нескольких сантиметрах от лица спящего заключенного.

— Не такой резвый теперь, да? — он ткнул его пальцем в бок, ожидая встретить обмякшее тело, и удивленно одернул руку. Только в прошлую смену днем Саймон видел Пирса в раздевалке душевой и тот был вполне здоровым мужчиной с небольшим брюшком, но сейчас, вместо того самого брюшка палец санитара уперся в туго натянутую костями кожу.

— А? — Саймон аккуратно приподнял рубашку заключенного и увидел то, что ни коим образом не укладывалось в его картину мира. При своем росте в метр восемьдесят, Пирс еще вчера должен был весить килограммов девяносто, но сейчас же не дотягивал и до шестидесяти.

Саймон выпрямился и озадачено почесал голову. «Не может ведь человек так быстро похудеть? — подумал он, — Ведь не может? Или это я неправильно помню... Надо бы сообщить Гранту, пусть поднимет его карту и посмотрит. Может он болячку какую подхватил заразную, или еще чего похуже?»

Санитар развернулся и побрел к выходу из палаты, не замечая самого главного, основного симптома болезни Джеральда Пирса. Если бы сейчас Саймон хоть немного повернул голову, то увидел бы, как на один короткий, но отчетливый миг, зрачки заключенного увеличились до невероятных размеров, полностью скрывая под собой белки глаз, а луч осеннего солнца, проникавший в помещение через зарешеченное окно, невероятным образом изогнулся, жадно всасываемый этими зрачками.

Явление это длилось всего секунду, и санитар не смог увидеть его, зато это получилось у сопалатника Пирса. Бун отчетливо разглядел и черные глаза, и изогнувшийся свет, но его мозг был настолько увлечен борьбой с действием препаратов, что он просто не обратил на странный феномен никакого внимания.

После устранения последствий потасовки в столовой, больничный день продолжил свой привычный и размеренный ритм. В обед Рита выдала заключенным очередную порцию препаратов, а затем их вывели во двор, на прогулку, всех кроме двух утренних бунтовщиков, они, по приказу Гамильтона были заперты в своей палате на сутки, подальше от возможных раздражителей. С точки зрения врачебной практики, возможно, это было верным решением, но если бы главврач знал, к чему приведет эта вынужденная изоляция, то, скорее всего, принял бы совсем другое решение.

Так или иначе, примерно в два часа пополудни Джеральд Пирс пришел в себя.

— Эй! — позвал он храпевшего на соседней койке Буна. — Псссс! Эй!! Проснись!

В ответ на настойчивые выкрики храп прекратился, и Оливер нехотя заворочался.

— Бун, вставай! Помоги мне!

— А? Что? — Оливер потер ладонями лицо и, разлепив не хотевшие открываться глаза, посмотрел на Пирса. — Ты чего орешь? Дай поспать.

Больничное успокоительное — коварная штука, сначала оно подавляет твое ретивое сознание и погружает в сон силой, но потом, когда его эффект немного ослабевает и ты уже в состоянии проснуться, тебе этого вовсе не хочется, ведь сон этот глубок и сладок.

— Помоги мне, Бун. Они ремень на груди сильно затянули, мешает дышать.

— Нифига, — отрезал Оливер. — Сам знаешь, я тебя сейчас отвяжу, они заметят это при первом же обходе и потом привяжут нас обоих.

— Да я не прошу меня развязывать, просто подойди и поправь его.

— Нет! — Бун демонстративно мотнул головой и отвернулся лицом к стене.

Но Пирс не унимался.

— Бун, мне больно дышать. Бун! Ты слышишь меня? Бун, я задыхаюсь! Бун! Бун! — он продолжал повторять снова и снова, пока терпение Оливера окончательно не лопнуло. Поняв, что поспать ему никто давать не собирается, он взвыл и уселся на краю кровати.

— Да затрахал ты меня уже! Что тебе нужно?!

— Ремень... — Пирс, глазами маленького ангелочка, посмотрел сначала на сопалатника, а затем на широкую ленту, прижимавшую его грудь к кровати.

— Я же сказал, что отвязывать не буду.

— Просто ослабь его. Совсем чуть-чуть, чтобы я мог дышать.

— И тогда ты заткнешься и дашь мне поспать? — Оливер подозревал, что выспаться ему уже не удастся, но спросить стоило.

— Да, конечно, — закивал Пирс. — Потом ты сможешь спать сколько захочешь, честно. Только подойди и поправь ремень.

— Ладно, — Бун встал и подошел к соседней койке, он всеми своими движениями выражал дикую неохоту делать то, что делает. Склонившись над связанным сопалатником, он протянул руки к его груди.

Джеральд Пирс ждал этого момента. С быстротой и ловкостью атакующей кобры, он выгнулся, раскрыл рот, а затем сомкнул челюсти на предплечье Буна.

— Ах ты... — Оливер рефлекторно попытался одернуть руку, но у него ничего не получилось, хватка Пирса была сильна, и он почувствовал, как зубы, прорываясь через кожу, входят в мясо. — Отпусти, мудака!

В ответ Пирс издал приглушенный рык и еще сильнее сжал челюсти.

Тогда, понимая, что словами вопрос решить не удастся, Бун засадил, жевавшему его, сопалатнику такую увесистую оплеуху, что треск от удара было слышно даже в коридоре.

— Ты чего, совсем двинулся, что ли? — ему удалось наконец высвободить руку и он с опаской отступил на шаг назад. — Какого хрена?

В ответ Пирс только широко улыбнулся, обнажив свои окровавленные зубы.

— Да ну тебя, — отмахнулся Бун. — Видать тебе сегодня башку окончательно выключило, — он сел на свою кровать и посмотрел на руку, оценивая повреждения. Рана оказалась не такой глубокой, как он ожидал. Пирсу удалось прокусить кожу, но не более того. В тюрьме он получал увечья и похуже.

— Попросишь у меня еще что-нибудь... — Оливер, сам того не заметив, почесал свежую ранку и, улегшись, отвернулся к стене.

* * *

Вечером в мужском крыле психиатрической больницы Бриджуотер произошел неприятный инцидент. Неприятным он был как минимум для двух людей, санитары Саймона Мэя, совершавшего вечерний обход, и заключенного Бритни, чье тело тот обнаружил в туалете.

Ровно в десять часов по всей больнице выключается свет, все больные в этот момент должны находиться в своих палатах. За соблюдением этого правила следили строго, ведь размеренный ритмичный распорядок дня положительно сказывался на психическом состоянии заключенных. Каждый раз, перед тем как свет выключат, два санитары совершали обход по всему крылу, чтобы убедиться, что все находятся на своих местах.

У Саймона был свой привычный маршрут, по которому он ходил вот уже четыре года. Сперва он проходил вдоль всех палат, но не заглядывал в них. Таким образом он давал заключенным понять, что скоро отбой, и пора в постель.

Далее Саймон шел по основному коридору, разделявшему все крыло надвое, через столовую с пунктом выдачи лекарств, затем мимо душевой, и заканчивал туалетами. Так он мог собрать всех, кто пытался спрятаться или забыл куда идти, в одну группку, а после, развести их по палатам, при этом сделав последний пересчет.

Этой ночью все привычные ритмы и маршруты были нарушены.

Бритни, беззубый чудной старикашка, любивший травить невероятные байки из своего бездомного прошлого, повесился в туалете на собственных штанах.

Первые пару секунд Саймон не мог понять, на что смотрит. В полумраке, подсвеченный лишь светом осенней луны, Бритни походил на какое-то приведение, зависшее в оконном проеме, но как только санитар щелкнул выключателем и лампы дневного света с тихим гудением зажглись, вся эта иллюзия тут же развеялась.

— Почему? — только и смог выдавить из себя Саймон.

По всей видимости, старик, воспользовавшись подоконником как опорой, зацепил одну штанину за металлическую раму, к которой крепились оконные решетки, а из второй сделал петлю.

Прошло минут пять, не меньше, пока Саймон не понял, что просто стоит и пялится на труп. Он никак не мог поверить в то, что видит. Ему казалось, что старый лепреконт вот-вот расколется, хитро захихикает, как он обычно это делал, и скажет ему, что все это не настоящему, что это просто дурацкий розыгрыш. Но минуты шли, а старик и не думал оживать.

Смерти среди психически больных — дело частое и привычное, но от этого не менее печальное. Многие из тех, кто лишился жизни в западном крыле Бриджуотера, оказывались в могиле по собственной инициативе. Некоторые умудрялись прятать свои лекарства во рту, а затем устраивали себе передозировку. Другие находили мало-мальски острый предмет и вскрывали себе вены. Но самодельная петля на шее оставалась самым популярным вариантом.

Аккуратно высвободив старика, Саймон положил его на холодный кафельный пол. Под таким углом старые лампы освещали труп гораздо лучше, и санитар заметил, что вся промежность Бритни была сильно расчесана, а от ранок по ногам расходились тонкие полоски мелких гнойничков.

В поисках источника инфекции Саймон стянул со старика трусы. Возле старых и сморщенных гениталий Бритни красовался воспалившийся след от укуса. Судя по форме зубов, кусал человек.

— Брит, ну как же так? — Саймон разочарованно вздохнул. В глубине души он всегда думал, что этот лепрекон качественно отличается от остальных психов, что он просто лукавит, притворяясь больным. Но, по всей видимости, химию не обманешь.

Каждому санитару в больнице Бриджуотер известно, что некоторые лекарства из местного рациона могут вызывать у больных повышенную тягу к противоположенному полу, а у женщин от них иногда даже начинается лактация. Именно поэтому, во избежание всяческих «неурядиц» блоки в больнице разделены на мужские и женские.

Скорее всего, Бритни тоже стал жертвой этого побочного эффекта, и ему захотелось приключений на его беззубую голову. Пообещав какому-то из местных бедолаг лишнюю таблетку или сигарету, он заманил его в укромный уголок и... но психи они и в Африке психи, никогда не знаешь, какая сумасбродная мысль придет такому в голову. Возможно, парень понял, как низко пал, или просто взбесился, потому, что мозги его устроены именно так, это совсем не важно. А важно то, что вместо оговоренной услуги, псих просто укусил Бритни (ему еще повезло, что хозяйство не отгрыз). С гигиеной у заключенных всегда были проблемы и вот вам, здравствуйте, заражение, да еще и в таком интересном месте.

Саймон отвязал штаны старика от металлической рамы на окне, и прикрыл ими тело, а затем вернулся в коридор, чтобы закончить вечерний обход. О произошедшем он расскажет после. Бритни уже все равно, он о себе позаботился, а всем остальным придется разгребать последствия. Если шизики узнают, что сегодня кто-то из них окочурился, то шума будет на всю ночь.

* * *

Санитары переговаривались между собой, бродя по коридорам, пересчитывая людей и жутко раздражая своей возней Оливера Буна. Единственным его желанием сейчас было хорошенько выспаться, но, казалось, весь мир ополчился против него и ни в коем разе не собирался позволить ему этого сделать.

Рана на его руке чесалась похуже любого комариного укуса и зуд этот постепенно пробирался вверх, к шее. Все звуки усилились, а каждый шорох отдавался нестерпимым грохотом в голове. В добавок ко всему прочему, Оливер дико потел. Одеяло и матрац промокли и перестали греть еще днем, заставляя Буна содрогаться от холода последние пару

часов.

Тем временем, с телом, лежавшего на соседней койке, Джеральда Пирса происходили еще более неприятные метаморфозы. Полностью лишившись жировых тканей, он стал походить на каким-то чудом оживший скелет, кости которого держались на своих местах только благодаря полупрозрачной коже, обтягивавшей их. Его глаза впали глубоко в череп, и, казалось, утонули в глазницах. Лицо заострилось, вытянулось и своим выражением стало напоминать картину «Крик» Эдварда Мунка.

Внутренности чайного парня тоже менялись. Почки, печень, желудок, вся требуха, обычно наполняющая человеческую брюшину, превратилась в однородную, кашеобразную массу, из которой формировались новые, незнакомые науке органы.

Подобно гусенице, замурованной в коконе, связанный ремнями, Джеральд Пирс превращался во что-то новое, совершенно отличное от своего первоначального устройства, существо, сильное, быстрое, крепкое и готовое убивать.

Отвернувшись к стене, Оливер не замечал, как всего в полутора метрах за его спиной созревает идеальный хищник. В этот момент весь мир перестал представлять для него какой-либо интерес, его больше волновала собственная рука и то, что с ней творилось.

Маленькие желтоватые прыщики тонкими ниточками расползались от ранки, оставленной Пирсом ранее. Ведомые кровотоком, они струились вдоль кровеносных сосудов и складывались в узоры из колец и линий по всему телу. Ему казалось, что каждый из этих гнойничков имеет свой разум, что они все говорят с ним, нашептывают ему разные ужасные вещи, пытаясь сломить его и без того сломленный разум.

«Подчинись, перестань сопротивляться — тараторили они, перебивая друг друга, — будь покорным, и мы будем благосклонны».

Голоса давили Буна, наседали на него своей упорностью, подтачивали хрупкий фундамент его воли пока он, наконец, не рухнул, вместе с домом, который поддерживал, вместе с тем, что Оливер называл своим Я.

* * *

Проводя последний пересчет, Саймон думал вовсе не о работе. Заглядывая в палаты, он каждый раз надеялся увидеть там сдерживающего смех Бритни.

«Повелся? — сказал бы он, а затем добавил, — Да не переживай ты так, это просто глупая шутка.»

Но это лишь слабая попытка отрицать действительность и Саймон не собирался долго ей поддаваться, ведь он прекрасно знал, что холодное тело Бритни сейчас лежит на таком же холодном кафельном полу туалета, а все эти фантазии про неудачный розыгрыш — верный путь от санитаря к пациенту.

— Мэй, ты в порядке? — спросил Дэнни, потому, что заметил потерянный взгляд Саймона.

— А? — вздрогнул тот. — Да, все нормально. Ты мне после обхода не поможешь? Там в туалете нужно кое-что убрать.

Саймон мало знал об этом парне, их смены никогда раньше не пересекались. Обычный, ничем не примечательный тип, мимо такого пройдешь на улице и даже лицо не запомнишь, а доверять Бритни какому-то незнакомцу он не очень хотел, но выбора особого не было. Сам

он труп до морга не дотащит.

— Понял, — ответил Дэнни, затем подошел поближе и полусшепотом уточнил: — Надеюсь ничего серьезного?

— Надейся, — мрачно улыбнулся Саймон.

— Да заткнетесь вы, наконец, или нет?! — пронесся по коридору истошный крик Буна. Санитары удивленно переглянулись, — Дайте мне наконец поспать! Я просто хочу немного поспать!

На последних словах голос кричавшего сорвался в крутое пике и резко перешел на истеричный визг.

— Сам заткнись, — послышалось из общей палаты напротив, — а не то я тебя заткну!

Санитары снова переглянулись, теперь в их взглядах читалась уверенность. Хотя они и не были знакомы друг с другом, но оба уже попадали в подобную ситуацию и знали, что если сейчас же не успокоить впавшего в истерику, то конфликт будет нарастать по экспоненте и ночка выдастся не из легких.

— Не надо кричать, — спокойным голосом сказал Саймон, первым зайдя в палату к Буну. — Ты же сам прекрасно знаешь... — второй раз за этот вечер он замер, пытаясь осознать увиденное.

Оливер сидел на краю своей кровати, на промокшем до нитки матрасе и шатался вперед-назад, при этом непрерывно скребя ногтями по предплечью правой руки. Его лицо было напряжено, а глаза бешено вращались в орбитах.

Но Саймона удивило вовсе не это, нет, такое поведение как раз очень подходило обитателю Бриджуотера. Санитара удивило то, что Бун в палате находился один.

— Эй! Где Пирс? — Саймон осмотрел ремни, которыми Джеральд был привязан к кровати на раме. Подозрение о том, что взбесившийся Бун сам отвязал своего дружка, отпали тут же, потому как ляжки на краях ремней были вырваны с корнем. — Где Пирс, я спрашиваю?

Оливер что-то невнятно промычал, он был не в состоянии ответить, его разум переживал последние секунды своего существования.

— Так, ладно, я понял, — Саймон на всякий случай заглянул под кровать, но там, естественно, никого не оказалось (это было бы слишком просто), затем он повернулся ко второму санитару, — присмотри за этим, а я — в сестринскую, подниму тревогу.

Дэнни взволнованно кивнул, ему еще не приходилось участвовать в поимке беглеца, и вся ситуация казалась парню сущим кошмаром. Ему думалось, что каким-то образом прорвавшись через два высоких забора из колючей проволоки и пост вооруженной охраны, заключенный вырвался из лечебницы, и теперь представляет опасность, как для себя, так и для окружающих, но пока, единственным человеком, которому грозила опасность был сам Дэнни.

Саймон бежал по больничному коридору, не видя ничего вокруг. Взволнованные психи (что уже само по себе не очень хорошо) выглядывали из маленьких лючков в дверях своих палат и с большим интересом наблюдали как, санитар, тяжело дыша, проносится мимо. Некоторые из этих любопытных непрерывно чесались.

Психиатрическую лечебницу Бриджуотер незаметно поглощала эпидемия неизвестной болезни, грозившая уничтожить все человечество, но знал об этом лишь маленький беззубый лепреконт Бритни, бездыханно лежавший на полу в туалете.

— Саймон, что случилось? — Рита, спокойно читавшая какой-то девичий глянцевого

журнал, увидела, буквально впрыгнувшего в сестринскую, санитар и вскочила с места.

— Жми тревогу, — выпалил он, подбегая к телефону.

Без лишних вопросов Рита послушно нажала на скрытую под столом кнопку и по всей больнице тут же завывли сирены.

— Алло, пост? — санитар тараторил так быстро, как только мог, сейчас время работало против него. — У нас побег... один... да... не знаю... порвал ремни... хорошо.

Саймон положил трубку и, наконец, посмотрел на Риту, она была напугана.

— Все будет хорошо, — постарался успокоить он ее. — Мы его найдем, и все будет хорошо. Охрана сказала, что все двери заблокированы. Даже если он успел выйти из здания, за периметр ему уж точно не выбраться.

— Кого хоть ловим? — вдруг спросила Рита, и Саймон понял, что впопыхах не успел ничего ей рассказать.

— Чайного парня, — ответил он.

— Чайного парня? — медсестра с облегчением выдохнула. — Пирса, что ли?

— Его самого.

Всю серьезность с лица Риты как ветром сдуло, и на ее место пришла дежурная обворожительная улыбка.

— Ну ты и драму тут развел. Этот Пирс, конечно, в последнее время совсем буйный стал, но вряд ли он смог убежать. Он же не спецгент какой-нибудь.

— Может и так, но ремни разорвать умудрился.

— Да его наверняка этот... с кем он там в палате, Бун? Его наверняка Бун развязал.

— Рита, я не говорил, что ремни развязали, я сказал, что они порваны.

— Ай, — она раздраженно махнула рукой. — Ты просто преувеличиваешь. Сидит этот твой Пирс сейчас где-то в туалете и радуется, что сирены включили. Сам же знаешь, как они внимание любят.

— Кстати, на счет туалета, — Саймон тяжело вздохнул. — Бритни повесился.

— Что?! — эта новость ударила по настроению медсестры куда больше. — Когда?

— Вечером, точнее не скажу. Сам нашел его минут десять назад. Решил после обхода с ним разобраться. Подумал, так спокойней будет.

Рита хотела возразить, сказать, что такие вещи откладывать нельзя, но не успела, ее отвлек санитар Дэнни. Он с истошным криком с разбегу врезался в толстое стекло, которое занимало большую часть одной из стен сестринской, а затем, оставляя за собой причудливый кровавый след, сполз на пол.

* * *

— Так, ладно, я понял, присмотри за этим, а я — в сестринскую, подниму тревогу.

Дэнни взволнованно кивнул и, как только Мэй выбежал из палаты, повернулся к Буну.

— Даже не вздумай рыпаться, — сказал он как можно жестче, чтобы этот чесоточный знал, что с ним шутки плохи и лучше сидеть тихонько, но трюк не возымел нужного эффекта.

— Почему вы просто не позволите мне немного поспать? — прошипел Оливер сквозь крепко сцепленные зубы.

— Не надо было помогать своему дружку бежать, тогда спал бы в свое удовольствие, —

ответил Дэнни, не подозревая, что пациент разговаривает вовсе не с ним.

Инфекция, которую Бун подхватил от «чайного парня» уже практически полностью захватила весь его организм. Маленькие желтые гнойнички покрывали большую часть кожных покровов Оливера и каждый из них невыносимо чесался, а голоса, которыми наперебой тараторили эти отвратительные нарывы, постепенно складывались в один большой хор, диктовавший свою темную волю. УБЕЙ! УБЕЙ! УБЕЙ!

Не выдержав давления, сознание Оливера, наконец, сдалось, отдавая контроль над телом новым хозяевам и, когда по пустым коридорам Бриджуотера пронесся первый раскат сирены, включенной молодой медсестрой Ритой Босси, Бун с нечеловеческим то ли криком, то ли шипением, или же и тем и другим одновременно, накинулся на санитаря.

Запрыгнув на ошарашенного Дэнни, Оливер вцепился в него зубами. Хруст, который услышал санитар, когда челюсти взбесившегося шизофреника сомкнулись на его ключице, моментально привел его в панику. Испуганно вытаращив глаза, он изо всех сил колошматил руками по голове Буна. К слову, самому Буну на это было абсолютно наплевать, ведь отныне его череп не принимал абсолютно никакого участия в жизни тела. Гнойники, плотно покрывшие кожу заключенного, были лишь фасадом, под которым инфекция скрывала обособленные нервные центры, миниатюрные мозги. Они поработили сознание человека, в чьем теле поселились, подмяли его под себя, и теперь представляли собой конгломерат примитивных паразитических разумов, управлявших хозяином, целью которых было выживание любой ценой.

Испуганный Дэнни (и его можно понять) в панике принялся метаться по палате, одновременно с этим неловко отбиваясь от висевшего на нем Буна, и все это под оглушительный аккомпанемент сирены. Он чувствовал, как заключенный все глубже и глубже вгрызается в его тело, как теплая струйка крови стекает под рубашкой сначала вдоль лопатки, потом по позвоночнику и прямо в трусы. Но растерянность и страх заклинили все шестерни в его голове, не давая вспомнить все то, что ему вдалбливали на инструктажах по личной безопасности.

Санитар метался от одного угла палаты к другому пока, наконец, не споткнулся о ножку кровати и не упал. При падении Дэнни попытался изогнуться так, чтобы оказаться сверху, быть придавленным этим бешеным психом — самое последнее что ему сейчас было нужно. С горем пополам ему это все же удалось, но, когда сцепившаяся парочка коснулась пола, послышался громкий щелчок, и тело Буна на мгновение обмякло, а челюсти расцепились, высвобождая жертву.

Дэнни быстро откатился вбок, затем встал на ноги и, переводя дыхание, уставился на не двигавшегося заключенного. Он ждал второго раунда, но на этот раз был готов к бою, ведь во время падения он, наконец, вспомнил про шокер и теперь крепко сжимал его в руке.

Оливер медленно перекатился на живот, потом приподнялся на локтях и встал на колени. Щелчком, который услышал Дэнни, когда они вместе грохнулись на пол, был звук перелома. Шейные позвонки заключенного под весом санитаря не выдержав лопнули, и теперь голова Буна безжизненно болталась, удерживаемая на плечах лишь кожей.

Встав на ноги и выпрямившись, Оливер, или вернее сказать, колония паразитов им управлявшая, попыталась поддержать свой череп руками, но тот непослушно откинулся назад и безжизненным взглядом впился в пространство за спиной.

От такой необычной и в то же время отвратительной картины у Дэнни отвисла челюсть, но капля здравого смысла, оставшаяся на задворках сознания, не дала ему снова запаниковать.

Перехватив поудобнее шокер, он одним коротким движением упер его в живот заключенному и нажал на кнопку. 2000 вольт молнией пронеслись по телу Буна, но не вызвали практически никакой реакции. На такой поворот событий Дэнни уж никак не рассчитывал, а потому решил, что сам он положение исправить уже не сможет, и пора звать на помощь. Осторожно обойдя замершего Оливера, санитар спешно покинул палату и, забрызгивая полы собственной кровью, побежал к сестринской.

* * *

— О, Господи! — Рита вздрогнула от неожиданности, когда Дэнни врезался в стекло прямо перед ее лицом.

— Что за черт? — Саймон вопросительно посмотрел на медсестру, а затем выскочил в коридор на помощь сотруднику.

Дэнни лежал на полу, возле загородки, отделявшей сестринскую от зала, в котором психи днем собирали паззлы или играли в шашки. Его глаза были закрыты, а вся рубашка перепачкана кровью.

Саймон приложил два пальца к шее санитара и без труда нащупал пульс, значит парень всего лишь в обмороке.

— Эй! — Мэй похлопал ладошкой Дэнни по щеке. — очнись.

Тот медленно открыл глаза и сфокусировал взгляд на происходящем.

— Давай, вот так, молодец. Ты как? Что случилось?

Судя по быстро меняющемуся выражению лица, Дэнни отчаянно пытался вспомнить, что происходило с ним последние десять минут, но затем его глаза резко округлились, и он дрожащей рукой показал куда-то назад. Саймон обернулся чтобы посмотреть, что могло так сильно напугать работника исправительного учреждения для психически больных, и увидел оживший кадр из дешевого фильма ужасов про зомби.

Оливер Бун медленно брел по коридору. Словно слепой, потерявший свою трость, он одной рукой опирался о стену, а другой непрерывно шарил перед собой. Его голова неестественно запрокинулась назад и свисала вдоль лопаток на слегка вытянувшейся шее.

При виде такой странной картины, психи, наблюдавшие за происходящим через окошки в дверях палат, разбушевались еще больше. Подобно зверям, чующим надвигающийся лесной пожар, они колотили кулаками в сетки на окнах, в тщетных попытках вырваться из своих клеток. Но было уже слишком поздно. Странная инфекция, поразившая Бриджуотер, быстро приспособилась к условиям человеческого организма, и каждый новый зараженный преображался быстрее предыдущего. Один за другим, чесоточные пациенты сдавали позиции под напором паразитов-гнойников, и впадали в ярость, набрасываясь на первого, кто попадался под руку, кусаясь, царапаясь и всячески пытаясь разнести заразу.

— Ни хрена себе, — Саймон медленно выпрямился во весь рост и замороженно наблюдал за тем, как Бун, нащупывая дорогу, медленно, но уверенно продвигался вдоль больничного коридора. — Дэнни, я всего на минуту тебя оставил, что ты натворил?

Дэнни не ответил. Он уползал на четвереньках куда подальше от творившегося кошмара, при этом громко ругаясь на испанском и изредка почесывая укус на ключице.

— Ясно, — Саймон постучал по стеклу и показал жестом Рите, чтобы она помогла ему. — Значит, будем разбираться сами.

— Ой, — медсестра пискнула, увидев покаленного Буна.

— Оливер, ты как? — Мэй подошел к шаркавшему «зомби» и взял его за руку. В ответ Бун издал странный хрип и с силой сжал ладонь санитаря. — Не волнуйся, мы тебя починим, будешь как новенький.

Саймон не верил ни единому своему слову. По правде говоря, он вообще сомневался, что такое можно исправить и не понимал, как бедолага еще дышит.

Рита, не решавшаяся приблизиться к Буну, обошла его, чтобы посмотреть, что случилось с его головой и тут же пожалела о своем решении. Как только она попала в поле зрения пустых и злобных глаз Оливера, его рот принялся открываться и закрываться с невероятной скоростью, при этом громко клацая зубами.

— По-моему, с ним что-то не так, Саймон, — Рита отступила еще дальше и почти уперлась спиной в дверь одной из палат. — Он весь в волдырях и...

Она не успела договорить. Внезапно сирена, завывавшая все это время, умолкла, а затем во всей больнице погас свет.

Теперь, когда коридоры Бриджуотера наполнила тишина, Саймон отчетливо услышал приглушенные крики и стоны заключенных, доносившиеся из всех палат одновременно. Инфекция меняла их, превращая в безумных зомби, и изменения эти были крайне болезненными.

— Что это, Саймон? — медсестра замерла, вслушиваясь. — Почему они так кричат?

— Давай потом узнаем, — огрызнулся Саймон. Сейчас всякие крики волновали его меньше всего потому, что он был увлечен борьбой с практически обезглавленным Буном.

— Отпусти меня, слышишь? Я просто хочу помочь, — на слова Оливер никак не реагировал. — Ладно, сам напросился.

Держа одну руку Буна, и ловко уворачиваясь от второй, Саймон снял с пояса шокер и ткнул им заключенному в плечо. Мэй вообще был против использования таких болезненных мер. Он считал, что это как минимум не честно, ведь зачастую те, кого бьют током не в себе и не понимают, что творят. Но, когда оказываешься в подобной ситуации, времени на размышления о морали не остается.

Раздался треск электрической дуги, и санитар почувствовал, как тело Буна напряглось, затем его хватка ослабла, и он с тихим хлопком свалился на пол.

— Так-то! — Мэй поправил свою рубашку и осмотрелся, ища в темноте больничного коридора Риту. Ему было интересно, чем она занималась, пока его тут пытаются придушить.

Задача оказалась не из легких, единственным источником света была луна, освещавшая зал для игр, до которого было не меньше десяти метров, и в придачу глаза, еще не привыкшие к темноте, то и дело выхватывали из черноты какие-то разноцветные пятна.

— Рита, — почему-то шепотом позвал он, в темноте так и тянет говорить шепотом. — Рита, ты где?

— Тихо, — прошептала в ответ она, откуда-то справа. — Слышишь?

Саймон прислушался.

— Они замолчали.

И правда, только сейчас, когда Босси ткнула его носом в очевидное, он заметил, что неистовые вопли заключенных прекратились, и теперь в пустынном коридоре Бриджуотера было не только темно, но и чертовски тихо.

— Что происходит, Сай? — голос медсестры предательски подрагивал.

— Не знаю.

— Давай пойдём в сестринскую и вызовем охрану, — предложила она.

— Света нет, как мы вызовем-то? — возразил он.

— Тогда давай просто пойдём в сестринскую, — Рита уже начала всхлипывать и шмыгать носом, — мне страшно, Сай.

— Ладно, а с Буном что делать будем?

— Да черт с ним, пускай лежит, давай просто уйдём отсюда.

Саймон задумался, с одной стороны не очень хорошо вот так бросать пускай и буйного, но все же искалеченного и нуждающегося в помощи больного, но с другой — она назвала его Сай, а перед этим милым сокращением он никогда не мог устоять.

Это был очень сложный выбор между профессионализмом и желанием устроить свою личную жизнь, и Саймон ещё долго мог бы сомневаться, в какую сторону клонить весы, но решение приняли за него.

Рык невероятной громкости, словно цунами прокатился по стенам Бриджуотера, заставляя их содрогнуться. Казалось, у этого грома нет источника, он был одновременно везде, он был внутри головы, внутри тела и весь мир вибрировал ему в такт.

— Сестринская, так сестринская, — выпалил Саймон и быстро зашагал по коридору. Рита уверенно нагнала его, на ходу вытирая растекшуюся по щекам тушь.

Испуганная парочка преодолела расстояние, отделявшее их от привычной безопасности толстого и крепкого стекла, за считанные секунды. Забежав в сестринскую, Рита вздохнула спокойнее, а Саймон быстро закрыл дверь на замок.

— И что будем делать теперь? — спросил Мэй.

— Не знаю, — ответила Босси, — у тебя мобильный с собой?

— Нет, я его в шкафчике с одеждой оставил, как положено. А у тебя?

— Та же история.

Окна игрового зала находились прямо напротив стеклянной перегородки и в сестринской было довольно светло. Саймон отыскал небольшой стул со спинкой и, на всякий случай, подпер им дверную ручку.

— Значит, будем сидеть здесь, и ждать, пока охрана со всем разберётся. У них есть газовые баллончики, пистолеты и все такое. Что бы здесь не творилось, думаю, они справятся.

— Надеюсь, — Рита снова шмыгнула носом и села. Мэй сел рядом, неловко приобнял ее, и она тут же прижалась к нему.

«Ну вот, — улыбнувшись про себя, подумал Саймон, — теперь точно придется прятать эрекцию»

* * *

Время шло, а ситуация не улучшалась, даже скорее наоборот. Иногда откуда-то доносились приглушенные хлопки, похожие на выстрелы, и крики, сменявшиеся этим жутким, пробирающим до костей рыком, но потом снова наступала давящая тишина. Даже психи, запертые в своих палатах, не издавали никаких шумов. Казалось, они притаились и ждут чего-то, некой отмашки, сигнала к действию.

Саймон полулежал, подперев рукой щеку и наблюдал, как тикает секундная стрелка на больших круглых часах в зале. Прошло уже два часа с тех пор как они с Ритой заперлись в

сестринской, и время близилось к полуночи, а надежда на то, что их спасут brave ребята в синей форме охраны, неумолимо таяла.

— Может мне сходить и посмотреть, что там? — наконец не выдержав утомительного бездействия, спросил Мэй.

— Нет, не уходи, — тут же выпалила Рита, от одной мысли остаться самой в темноте у нее снова намокли глаза.

Это был эгоистичный ответ, но, тем не менее, он спас жизнь молодому санитару, ведь спустя всего секунду после, по Бриджуотеру снова прокатился оглушительный рык, отличающийся от предыдущих, kloкочущий и прерывистый. Это был тот самый сигнал к действию, которого так ждали зараженные. Они ответили на призыв истощенным воем, отдаленно напоминавшим вой стаи диких собак. Даже Оливер Бун, слепо бродивший по коридору, захрипел своей переломленной гортанью, стараясь попасть в ноту, выдаваемую этим дьявольским хором.

Далее события развивались с невероятной скоростью. Вырывая с корнем сетку, закрывавшую одно из окон, в игровой зал ввалилось нечто, очень отдаленно напоминавшее Джеральда Пирса. Существо своими пропорциями походило на странную смесь паука с человеком, а его тонкая и сухая кожа просвечивалась заходящей луной, давая наблюдателю возможность рассмотреть сквозь нее все тошнотворные и не похожие на человеческие, внутренности.

Мэй среагировал быстро. Схватив за рукав Риту, он оттащил ее в самый дальний и темный угол сестринской, и усадил на пол.

Замерев на мгновение, существо принялось, а затем бросилось в направлении воя, издаваемого заключенными. Проносясь по больничному коридору, будто ураган, оно с немислимой легкостью срывало металлические двери палат с петель, освобождая свою личную армию преданных «зомби» из заточения.

Пользуясь шумихой, устроенной изменившимся Пирсом, Саймон слегка подвинул шкафчик с документами, так, чтобы тот хоть немного перекрывал обзор их угла сестринской из зала.

— Так нас не должны заметить, — прошептал он. Рита не ответила, ее глаза были пусты, грудная клетка содрогалась, а по щекам непрерывно текли слезы.

Тем временем, раскурочив последнюю дверь, существо собрало вокруг себя всех зараженных, и в сопровождении свиты вальяжно прошагало мимо стеклянной перегородки.

— Ни звука, — просипел на грани слышимости Саймон и прижал медсестру к себе как можно сильнее и затаил дыхание.

Заключенные, выстроившись в неровную колонну, покорно шли, ведомые своим уродливым лидером, злобно озираясь по сторонам и изредка в нетерпении щелкая зубами. Замыкал все это фантазмагорическое шествие Оливер Бун, он то и дело пытался нащупать руками свою голову, но никак не мог дотянуться до нее. Поле очередной неудачной попытки ухватить себя за ухо, он разочарованно ударил кулаком о стеклянную перегородку, и испуганная до чертиков Рита нехотя пискнула. Маленькая армия «зомби» тут же остановилась как вкопанная, ожидая нового приказа.

Существо, ранее бывшее Джеральдом Пирсом, замерло в раздумьях, затем недовольно зашипело и побрело дальше, в направлении женского крыла больницы, а зараженные, повинувшись воле своего хозяина, начали медленно обступать стекло со всех сторон. Они толпились перед ним, толкая друг друга и, казалось, разговаривая между собой, хотя со

стороны это больше походило на фырканье и гавканье, нежели на полноценную речь.

Саймон, зажимая ладонью рот паникующей медсестры, настороженно наблюдал за тем как заключенные (хотя сейчас это название мало им подходило) ощупывали и обнюхивали стеклянный барьер. Видимо по какой-то причине они не могли видеть сквозь стекло, или не воспринимали его прозрачность.

— Кажется, они нас не видят, — как можно тише прошептал Саймон, в попытке успокоить Риту, и понял, что совершил роковую ошибку.

Болезнь, лишившая этих людей возможности смотреть сквозь стекло, оказалось, вовсе не ухудшила их слух, а скорее даже наоборот. Они все, как один замерли, отреагировав на шепот санитаря, и осознав, что источник звука, который им было приказано найти, находится по ту сторону странной стены. Сперва, они неуверенно постукивали по листу закаленного стекла, а затем, прикинув прочность материала, начали все сильнее и сильнее колотить по нему, пытаясь прорваться внутрь.

Шум града ударов, наполнил небольшое помещение сестринской. Прижавшись друг к другу как можно крепче, медсестра и санитар ждали неизбежного. Рита, уже не сдерживаясь, рыдала, а Саймон отчаянно искал выход из сложившейся бредовой ситуации. Он пытался прикинуть, скольких он сможет уложить шокером, пока не сядет батарея, после этого ему придется использовать подручные средства, если, конечно, оставшиеся на ногах заключенные дадут ему такую возможность. Но эти мысли были лишь попыткой заглушить одну, самую громкую и отчетливую: «Из этой переделки нам уже не выбраться».

«Но с другой стороны, — подумал Саймон, — можно даже в этой крошечной тьме можно найти положительные стороны. Надеюсь, на той стороне меня встретит Бритни, и я смогу снова послушать его дурацкие истории...»

— Стоп, — вдруг произнес он вслух, напрягшись всем телом. — Бритни... крошечная тьма...

Саймон собрал в кучу последние крохи своего самообладания, чтобы вспомнить, пророчество, которое утром выдал старый лепрекон.

— В полночь, когда тьма станет нестерпимой, — Саймон окинул взглядом буквально облепленное человеческими телами стекло. — Отринь ее! Взгляни наверх! — он задрал голову и увидел темное пятно на стене, почти под самым потолком. — Найди спасение.

Саймон встал, выпрямился и присмотрелся как следует. Темным пятном оказалась решетка вентиляции, в которую, судя по ее размерам, мог пролезть взрослый человек.

— Ай да Бритни, старый ты сукин сын! — радостно воскликнул санитар, — Рита, смотри, мы можем свалить отсюда.

Пока шмыгающая носом медсестра приходила в себя, Саймон перетащил шкафчик с документами поближе к противоположенной стене, забрался на него сверху и потянул за решетку, она с легкостью открылась.

— Вперед, — он показал жестом Рите, что она ползет первой.

— Туда? — с ноткой сомнения спросила она, — Я не пролезу.

— Пролезешь, не сомневайся. Давай, я подсажу.

— Нет, Сай, я не смогу. Я боюсь тесноты. Мне даже в лифтах не по себе.

— У тебя выбора-то особо и нету, — санитар махнул в сторону озверевшей толпы, пытавшейся прорваться внутрь, — или ты хочешь остаться с ними? Тогда я полез сам.

Рита, до смерти боясь оказаться одной посреди этого кошмара, подумала, что теснота вентиляционной трубы не такой уж и плохой вариант, и подала руку Саймону. Он ловко

подхватил ее и подсадил, помогая достать до решетки. Рита схватилась за нее, подтянулась и ушла в стену по пояс.

— Ну как? — крикнул Саймон.

— Тут поворот, Сай, мне кажется, я не смогу, — голос медсестры искажался жестяной трубой, приобретая металлические нотки.

— Еще как сможешь, — подбодрил ее Мэй. — Просто продолжай ползти.

Закаленное стекло, отделявшее сестринскую от игрового зала, стойко держало многочисленные удары зараженных, пока один из них не пришелся аккурат в невидимую линию внутреннего напряжения. Внешний слой тут же покрылся множеством мелких трещинок, но остался на месте, удерживаемый тонкой пленкой полиэтилена.

По усилившимся вибрациям странной стены, зараженные догадались, что ей осталось стоять совсем не долго, а потому ликующе завывли и продолжили колотить с удвоенной силой, раздирая руки осколками в кровь.

— Быстрее! — Саймон настороженно смотрел, как треснувший барьер шатается под натиском толпы. — Они скоро прорвутся.

Рита, в свою очередь, настороженно смотрела на изгиб узкой вентиляционной трубы, и думала, что она ни за что в жизни не сможет там протиснуться, но давление было сильно высоко. Она не хотела корить себя всю оставшуюся жизнь (даже если это будет всего полчаса) за то, что по ее вине, из-за ее нерешительности и трусости погибнет человек, тем более Саймон. Настроившись на положительный лад, она медленно выдохнула и поползла вперед.

Саймон поочередно поглядывал то на хрустящее, измазанное в крови стекло, то на постепенно исчезающие в трубе ноги Риты. Он нервничал. Слишком уж медленно она продвигалась вперед. И тут произошло то, чего он боялся больше всего.

— Я застряла, — в голосе Риты читалось отчаяние.

— Попробуй выдохнуть, — крикнул в ответ Саймон.

— Никак, Сай, я застряла. Совсем! Не могу пошевелиться!

Второй слой стекла тоже треснул и зараженные начали выдавливать, ничем более не поддерживаемый, полиэтилен из рамы.

Времени на составление нового плана не оставалось и Мэй понял, что спасение в пророчестве Бритни предназначалось вовсе не ему.

— Рита, — крикнул он, снимая с пояса шокер, — подтяни ноги!

— Зачем? — удивилась она.

— Просто сделай как я прошу.

Медсестра послушно подтянула ноги, и Саймон тут же захлопнул решетку вентиляции так, чтобы со стороны казалось, будто в ней никого нет.

— И еще одно, — он собрался с духом и, наконец, спросил, — давай сходим куда-нибудь, когда все закончится?

Ответа он не услышал. Полиэтиленовая пленка, бурно рассыпая вокруг себя стеклянную крошку, ввалилась в сестринскую вместе с толпой зараженных.

Рита поняла, что происходит, слишком поздно. Лежа в абсолютной темноте, зажата жестью вентиляционной трубы, она сдерживала слезы и прислушивалась, в надежде снова услышать запыхавшийся голос Саймона, который скажет: «Все кончилось, сейчас я тебя вытащу», но из сестринской доносились лишь отрывистый треск шокера и приглушенные звуки борьбы.

Рита пришла в себя, не понимая где находится. Все ее тело ныло, а сдавленная грудная клетка не давала свободно дышать.

Немного поворочав ногами, чтобы хоть как-то разогнать застоявшуюся кровь, медсестра попыталась восстановить события прошлого вечера. Она вспомнила Буна с отвисшей головой, заключенных, в одночасье превратившихся в обезумевших дикарей, и Саймона, пожертвовавшего собой ради ее спасения. А еще она вспомнила злосчастную трубу, в которой она застряла и провела в беспамятстве... Рита поймала себя на том, что не может сказать не то, что приблизительное время, но и день ли сейчас вообще.

Из тьмы раздумий и сожалений ее выдернули странные звуки, доносившиеся, похоже, из коридора. Они напоминали хлопки пистолетных выстрелов, хотя она не могла сказать наверняка, не так уж много выстрелов ей довелось слышать за свою жизнь.

Звуки приближались.

— Эй! Помогите! — закричала изо всех сил Рита. — Кто-нибудь, я наверху, в вентиляции!

Хоть она и не была уверена, что это не вчерашние одичавшие психи, но сил сидеть в трубе у нее уже не оставалось, и она была готова принять неизбежное, лишь бы перед этим в последний раз снова вдохнуть полной грудью.

Хлопки прекратились.

— Я здесь! — повторила она. — Наверху, в трубе!

Через минуту тишины, тянущуюся целую вечность, она отчетливо услышала хруст битого стекла. Кто-то зашел в сестринскую. Сердце Риты забилося с удвоенной частотой.

— Помогите? — уже не так уверенно и громко.

Еще пара шагов по стеклу и скрип открываемой решетки вентиляции.

Из-за изгиба трубы медсестра не могла посмотреть назад и, сжавшись, словно испуганная улитка, приготовилась к худшему. Но вместо злобного шипения, темноту трубы пронзил вполне человеческий, мужской голос.

— Ты чего тут делаешь? — спросил он.

— Прячусь, — неуверенно ответила она.

— А, понятно, — хмыкнул он, — Ну и как?

— Не очень.

— Вижу. Застряла?

— Да.

— Тогда, на счет три выдыхай. Раз! Два!

Рита почувствовала, как ее схватили за ноги и резко выдохнула.

Вылетев из трубы, словно пробка из бутылки, медсестра тут же очутилась в крепких объятьях, не давших ей упасть. Первые пару секунд она ничего не могла разглядеть, солнечный свет бил в глаза, но постепенно сквозь желтое сияние проявлялся силуэт рослого мужчины в грязной форме Нью-Йоркского полицейского.

— Тебя как звать? — спросил он.

— Рита, — ответила она, шурясь. — Рита Босси.

— А я Генри Букер, — он улыбнулся и аккуратно поставил ее на пол. — Приятно познакомиться. Мы тут с моим другом порядок наводим, не поможешь?

Ничего не понимая, медсестра растерянно кивнула.

Часть седьмая

Прыжок выше головы

— Привет, как вы? — менеджер небольшого придорожного мотеля с отрепетированной улыбкой замер, ожидая пока посетитель дойдет до стойки.

— Здравствуйте, — Литтл попытался вежливо улыбнуться в ответ, но из-за сильного нервного напряжения мышцы лица выдали странную гримасу, больше похожую на хищный оскал, — мне бы номер на двоих.

— У нас все номера на двоих, — ответил менеджер и достал откуда-то снизу толстый журнал с ручкой. — Ваше имя?

Литтл на секунду замешкался, он, как ни как, помогал несовершеннолетнему преступнику уйти от правосудия, а потому, не очень-то хотел говорить свое настоящее имя, но в попытке на ходу придумать фальшивое, понял, что это не так уж и просто.

— Питер Паркер, — наконец выдавил из себя психолог.

Менеджер оторвал взгляд от журнала и, приподняв бровь, посмотрел на клиента.

— Это который паутиной из рук стреляет?

Такая реакция Литтла выбила из колеи, но он быстро взял себя в руки и попытался возразить.

— Простите, но я не знаю, о чем вы.

— Да ладно вам. Питер Паркер — это настоящее имя Человека паука, а вы на него как-то похожи.

Психолог понял, что его раскусили гораздо быстрее, чем он рассчитывал, и нервно покосился на входную дверь.

— Да вы не волнуйтесь так, — успокаивающе продолжил менеджер, — таких скрытных у меня по десять штук за день проезжает. Дайте угадаю, в машине любовница? Или проститутка? А, впрочем, не отвечайте, это ваше личное дело. Если вам так уж важно, то я запишу в журнал Человека паука, но, по давней традиции, супергерои в моем мотеле платят наличкой.

Урегулировав все вопросы с заселением, Кори забрал у менеджера ключ с пластмассовым овальным брелоком, на котором была вытиснена крупная цифра восемь, и вернулся в автомобиль. Чип по-прежнему разглядывал свои пальцы, но по всему было заметно, что он сильно устал. Литтл тоже чувствовал себя разбитым, весь этот стресс не пойдет им обоим на пользу, но мальчишку просто необходимо было спрятать.

— Я снял нам номер, — психолог заглушил мотор своей Камри. — Сегодня мы переночуем здесь.

— Разве мы не едем к вашему другу? — тихо спросил мальчик.

— Едем, но путь неблизкий, и лучше его преодолеть днем, на свежую голову. Накинь капюшон и иди за мной.

Кори вышел из автомобиля, и, стараясь прикрывать мальчишку от любопытных глаз менеджера, наблюдавшего за ними через стеклянную дверь, провел его вдоль парковки к девятому номеру.

Чип сугулился и не смотрел по сторонам, к тому же капюшон сильно ограничивал его угол обзора, но, когда мальчик услышал щелчок открывающегося замка, любопытство взяло верх и он поднял голову.

Номер придорожного мотеля был более чем скромнен, даже скромнее одноэтажного домика Дугласов, но при этом качественно отличался от него чистотой. Одна небольшая квадратная комната с двумя кроватями, разделенными тумбой, и крохотная ванная, в которую были чудом втиснуты унитаз, душевая кабинка и умывальник.

— Иди, — психолог показал рукой в сторону ванной, — тебе нужно отмыть кровь, а я пока найду что-нибудь поесть.

При одном упоминании еды у Чипа громко заурчало в животе. Литтл улыбнулся, он даже не подозревал, что этот странный мальчуган последний раз получал такие необходимые растущему организму калории более семнадцати часов назад. Два жалких тоста с дешевым малиновым джемом, и стакан молока на завтрак.

Выйдя на улицу, психолог запер за собой дверь на ключ, (не то, чтобы он не доверял мальчишке, но поведение аутистов всегда сложно предсказать) и отправился на поиски автоматов с газировкой и закусками, которые непременно присутствовали при каждом дешевом мотеле. Кори настораживало чрезмерное любопытство менеджера, и он не хотел с ним лишний раз контактировать, а потому, решил, что этим вечером им придется посидеть на подножном корме.

Душевую кабинку Чип видел впервые, хотя на самом деле это была даже не кабинка, а просто отгороженное для помывки место. Слегка вогнутый кафельный пол со сливным отверстием в центре, и вмонтированный в стену душ сильно заинтересовали мальчика. Дома у него стояла раритетная чугунная ванна, и она была совсем не похожа на то, что он видел сейчас перед собой.

Стоя под теплыми струями воды, Чип наслаждался каждым мгновением. Он чувствовал, как вся кровь, вперемешку с потом и грязью скопившимися на его коже, сходят слой за слоем, забирая с собой яркие образы злого соседского пса, павшего в неравном бою с вандалами Храма Фантазий, и отца, который навсегда останется в памяти застрявшим по пояс в стене и изрыгающим из себя бесконечные потоки брани.

Через грязное стекло торгового автомата Литтл пытался рассмотреть его содержимое. Он хотел отыскать любимый шоколадный батончик, но почти весь центральный ряд был измазан чем-то похожим на краску (кому только пришло в голову покрасить автомат?). Психолог пробовал заглянуть за преграду, прижимаясь к стеклу лицом, и поворачивая голову под разными углами, ему казалось, что еще чуть-чуть и он, наконец, увидит край долгожданной этикетки, но все его попытки были тщетны.

Потеряв всякую надежду визуально определить номер любимого лакомства, Литтл решил испытать свою удачу и интуицию. Наугад ткнув в кнопку, он услышал звук работающего механизма, который вращал выталкивающую спираль, а затем... ничего не произошло. Еда, которую он купил вслепую, вместо того, чтобы упасть в специальную выемку, оперлась о стекло и застряла.

Подождав еще пару секунд, Литтл понял, что его покупка сама не выпадет, и решил действовать. Сначала он легонько похлопал ладонью по торцу автомата, но это не возымело нужного эффекта. Тогда он постучал кулаком по стеклу, примерно в том месте, где, по его мнению, зависла еда. Снова ничего.

— Да твою ж мать! — Литтл со всего размаху засадил кулаком прямо в центр автомата. За стеклом послышалось шуршание и в выемку снизу что-то гулко упало. Психолог не обратил на этот факт абсолютно никакого внимания, сцепив зубы он снова ударил автомат, на этот раз еще сильнее, а затем еще, и еще. Так Литтл боролся с всепоглощающим чувством

отчаяния, которое накрыло его с головой, с осознанием того, что он, ведомый слепым порывом альтруизма, жаждой помочь запуганному и больному мальчишке, возможно, выкинул всю свою жизнь в трубу. Посадив Чипа к себе в автомобиль, он автоматически стал соучастником преступления, и увозя преступника все дальше на восток, он только усугублял свое положение.

Литтл бил так долго и так сильно, как только мог. В конце концов, боль в руке притупилась, а затем и вовсе сошла на нет, оставляя после себя лишь онемение. Тогда Кори открыл глаза и спокойно выдохнул.

Осматривая плоды своей терапии, Литтл невольно улыбнулся. Кожа на костяшках его пальцев лопнула, и на грязном стекле остались красные отпечатки всех его ударов, которые засохнув, посветлеют и сольются воедино с тем странным пятном, не дававшим ему рассмотреть товар.

Кори представил, сколько людей потребовалось, чтобы получилось такое плотное и большое пятно, и улыбнулся еще шире. По какой-то причине его забавляла мысль о том, что, этот металлический болван справляется с работой психолога, гораздо лучше и быстрее чем он сам.

Запустив целую руку в выемку снизу автомата, Литтл нащупал свою добычу и вытащил на свет, ею оказался его любимый шоколадный батончик. Кори рассмеялся.

* * *

— Это отец тебе сделал? — будто невзначай спросил Литтл, сидя на своей кровати и наблюдая за тем, как Чип за обе щеки уплетает импровизированный ужин из чипсов и газировки.

Мальчик непонимающе взглянул на психолога.

— Синяк, — уточнил тот, — у тебя на шее.

Чип задумчиво провел пальцами по темному следу и еле заметно кивнул.

— За что он с тобой так? — продолжил расспрашивать Литтл.

Мальчик не ответил и снова сконцентрировал все свое внимание на еде.

— Ладно, не хочешь говорить и не надо, — Кори замолчал и пару раз прокрутил в руках шоколадный батончик, а затем неожиданно для себя самого продолжил. — Меня в детстве отец тоже бил. За каждую плохую оценку в таблице я получал крепкую взбучку и должен был простоять в углу час. Причем угол этот был в гостиной, там, где у нас стоял телевизор. Отец специально подгадывал время наказания так, чтобы оно совпадало с моментом, когда показывали мультфильмы. Он садился на диван, включал телевизор, стоявший прямо у меня за спиной, а сам делал вид, что читает газету. На самом деле он наблюдал за мной, ждал, когда я не выдержу и повернусь чтобы хоть краем глаза посмотреть мультфильм. Естественно я не выдерживал и поворачивался. Тогда мое наказание автоматически увеличивалось еще на час.

Литтл оторвал взгляд от шоколадного батончика и увидел, что Чип с интересом слушает его рассказ.

— Позже, когда я немного подрос, я спросил его, зачем он так поступал, и знаешь, что он ответил?

Мальчик отрицательно качнул головой.

— Он сказал, что таким образом воспитывал во мне дисциплину и терпение. Меня такой ответ совершенно не устроил, ведь ни того ни другого, после подобных наказаний во мне не прибавилось. Тогда я решил сам разобраться, что же двигало им в те моменты, и начал искать ответы в книгах. В школьной библиотеке я прочел все, что было хоть как-то связано с психологией, и знаешь, что я узнал?

Чип снова качнул головой.

— Ничего, — улыбнулся Литтл. — Книги, которые я читал, были либо никак не связаны с моими вопросами, либо давали такие сложные ответы на них, что я их просто не мог понять. Тогда я решил, что поступлю в университет и выучусь на психолога, а потом снова прочитаю их, и с накопленным багажом знаний уж точно смогу разобраться во всем.

Литтл замолчал и начал медленно снимать обертку с шоколадки. Он выжидал, смотрел, как отреагирует мальчик на его историю, проглотит ли наживку.

— Вы разобрались? — не выдержав томительного ожидания спросил Чип.

— Ага, — кивнул психолог и довольный откусил кусок, а затем, жуя, продолжил. — Возможно, он думал, что делает меня дисциплинированной, но на самом деле он воспитывал во мне страх. Страх, что если я послушаюсь, сделаю что-то по-своему, то опять получу по голове и окажусь лицом к стене. Но у всего есть и положительная сторона, Чип. На все можно смотреть под разными углами. И когда я понял это, для меня стало совершенно неважно, чем руководствовался мой отец, наказывая меня, главное — что благодаря этому я проделал такой длинный путь, и стал тем, кто я есть. У твоей истории, какая мрачная бы она ни была, тоже есть положительные стороны, я уверен в этом, и могу помочь тебе отыскать их. Ты хочешь, чтобы я помог?

Чип в неуверенности опустил глаза, ему было сложно даже представить, что на свете существуют люди, готовые кому-то помочь просто потому, что они хотят этого. Спустя несколько секунд раздумий мальчик кивнул.

— Тогда расскажи, за что твой папа оставил тебе этот синяк на шее?

— За то, что я его убил, — ответил Чип и с отрешенным видом вернулся к поеданию чипсов.

Литтл недовольно поморщился. «Похоже, мальчишке крепко досталось и пыль осядет нескоро, — подумал он, — лучше оставить его в покое на время, пока он сам не будет готов. Но, черт возьми, как же любопытно узнать его историю».

* * *

Ночью Литтл плохо спал, он просыпался через каждые пару часов и прислушивался. Ему казалось, что настырный менеджер мотеля сдал их полиции и в номер вот-вот ворвутся люди в форме. Но все было тихо, ни сирен, ни мигалок, только размеренный шелест автострады неподалеку и печальное гудение фонаря на парковке.

* * *

Утром Кори с ужасом обнаружил, что соседняя койка пуста и застелена. На мгновение психиатра захватило смешанное чувство страха и облегчения. С одной стороны, он по какой-

то причине переживал за этого бедного паренька, волновался за его судьбу, но с другой — был бы несказанно рад, если бы тот ночью скрылся в неизвестном направлении, и он смог бы вернуться к своей прежней, наполненной скучными и безопасными буднями, жизни.

Ураган противоречивых мыслей прервало журчание, доносившееся из ванной. Чипу и в голову не могло прийти уходить куда-то, да и решился он на подобный шаг, ему все равно некуда было податься. Единственным его шансом была эта поездка в неизвестность, своеобразный прыжок веры, в надежде отыскать свое место в этом жестоком и холодном мире. А потому, мальчик проснулся пораньше, чтобы подготовиться к скорому отъезду.

Никаких проблем со сдачей номера у Литтла не возникло. Менеджер, не отрываясь от просмотра какого-то сериала на планшете, забрал у него ключ и подчеркнул свою позицию невмешательства колкостью.

— Надеюсь, вы там мне все паутиной не заляпали?

Психолог уже хотел начать оправдываться, но вовремя понял, что вопрос был риторическим, и спешно ретировался. Вернувшись в свою машину, Литтл обнаружил Чипа в его привычном состоянии — полная замкнутость и отрешенность. Казалось, мальчик видит в окружающих его вещах, больше чем они готовы показать, что-то чего не видят остальные и пытается переварить эту информацию.

Вспомнив вчерашнюю неудачную попытку разговорить паренька, Литтл умерил свое любопытство и молча завел автомобиль. Впереди были шесть часов пути без разговоров и дорожных игр, да вдобавок постоянный страх быть пойманным, так что нервы стоило приберечь на потом.

* * *

Машины стеклянных небоскребов, медленно проступавшие на горизонте, полностью завладели вниманием Чипа. Он еще никогда в жизни не видел таких больших зданий, и они своей монолитностью вызывали в нем трепет.

Заметив оживление на пассажирском сидении, Литтл невольно улыбнулся.

— Мы съездим туда, немного позже, — сказал он. — Видишь вон тот, со шпилем? Мы сможем подняться на самый верх и посмотреть на все оттуда, как птицы.

Кори замолчал, он почувствовал себя чертовски глупым. Вчера вечером этот замкнутый мальчишка показал ему такие чудеса, о которых он и представить себе не мог, а потому, сомнительно, что его может удивить пейзаж Манхэттена с высоты птичьего полета. Но, похоже, Чипу идея действительно понравилась и он, посмотрев психологу прямо в глаза, спросил: «А что, можно?»

— Конечно, — с облегчением выдохнул Литтл, — только сперва нужно разобраться с нашими делами.

Психолог достал телефон и, периодически поглядывая на дорогу, набрал номер. Кори переживал, что в последний момент Симпсон даст на попятную и откажется от всего, но его опасения оказались беспочвенными. Джереми был рад снова встретиться со старым другом лично и с удовольствием сообщил свой домашний адрес.

Через полтора часа Камри остановилась возле скромного таунхауса. Литтл не был в Нью-Йорке со дня получения диплома, и совсем забыл, как иногда бывает сложно ориентироваться в больших городах. Ему пришлось изрядно попетлять, чтобы найти нужный

адрес.

— Кори, — дверь открыл улыбчивый бородач, — дружище! Я так рад тебя видеть!

— Давай внутри поговорим, — нервно оглядываясь по сторонам, ответил Литтл.

— Да, конечно, заходите, — бородач кивнул, и уступил гостям дорогу.

Изнутри дом оказался еще зауряднее, чем снаружи. Обои нейтрального цвета, повсюду фотографии улыбающихся лиц, мягкий приглушенный свет, проникающий с улицы через деревянные окна, и удивительная тишина. Обстановка всячески наводила на мысли о том, что в этом месте всегда царит покой и стабильность. Чипу нравился такой подход к обустройству жилища.

— Вы наверняка устали с дороги, может хотите чаю? — спросил Симпсон, и, не дожидаясь ответа, пошел на кухню, гости покорно пошли следом.

— У меня есть замечательный, — продолжал он, роясь в настенном шкафчике, — недавно купил. Ромашка и мята. Отлично успокаивает.

— Парень убил своего отца, — вдруг выпалил Литтл и приготовился к тому, что их с Чипом сейчас либо выгонят обратно на улицу, либо, что еще хуже, сдадут полиции. Он бы с радостью упустил эту часть биографии паренька, но просто не мог, это было бы не честно по отношению к Джереми.

Симпсон отреагировал довольно спокойно, он достал из шкафчика пакет с чаем, затем повернулся, оценивающе посмотрел на мальчика и почти равнодушно спросил: «Когда?» В тоне этого вопроса не было ничего кроме желания получить ответ.

— Вчера вечером, — ответил Литтл.

— Почему? — все так же равнодушно продолжил Симпсон.

— Не говорит, но скорее всего самооборона. У мальчика высокофункциональный аутизм, а отец склонен к агрессии и алкоголизму. Точнее был склонен.

— Как?

— А вот это самое интересное, и, боюсь, я сам не до конца понимаю.

— Загадка? — Симпсон широко улыбнулся, — Вот и разберемся. Ты пока поройся в холодильнике, найди чего-нибудь съестного, а я поставлю чайник.

Литтл на скорую руку приготовил несколько бутербродов и поставил тарелку с ними в центр обеденного стола, Симпсон рассыпал чай по трем чашкам, залил кипятком, и, жестом показав гостям садиться, раздал им парящий напиток.

— И как же зовут нашего хулигана?

Осознав, что бородач обращается к нему, Чип вздрогнул, он не привык к вниманию посторонних, особенно такому пристальному. Казалось, глаза этого бородача выискивают любую, малейшую шероховатость, чтобы вцепиться в нее и размотать сложное внутреннее устройство всех желаний, страхов и комплексов как какой-то клубок ниток.

— Чип Дуглас, — вклинился в своеобразную игру в гляделки Литтл.

— Он не разговорчив? — не отводя взгляд спросил Симпсон.

— У него бывают моменты, но в основном да, молчит.

— Ты вроде сказал, что он высокофункциональный. Какие тесты проводил?

— Диагноз верен, можешь не сомневаться. Он замкнулся в себе после инцидента с отцом. До этого был настолько близок к норме, что шестнадцать лет не вызывал у врачей подозрений. Я сам удивился, когда...

— Какие тесты ты проводил? — перебил Симпсон, а затем показал Чипу на тарелку. — Угощайся.

Мальчик тут же схватил крайний бутерброд и жадно откусил от него почти половину.

— IQ и общий осмотр, — продолжил Литтл, — но там и так все понятно...

— Ты всегда был неучем, — снова перебил его Симпсон, достал из нагрудного кармана очки и, поднеся их к глазам, снова посмотрел на мальчика.

В этот момент Чип понял, что странный, испытывающий взгляд бородача — это вовсе не угроза, или попытка бесцеремонно влезть в его сознание, а всего лишь признак плохого зрения, и это понимание заставило его улыбнуться.

— Чип, — Симпсон вытянул вперед руку и оттопырил указательный палец, — смотри, что это у меня тут?

Мальчик невольно посмотрел на кончик пальца, и бородач тут же отвел руку влево, потом вправо, вверх и вниз. Все это время взгляд Чипа был сконцентрирован и неотрывен.

— Внимание в порядке, — буркнул Симпсон и неожиданно щелкнул паренька по носу, — скорость реакции — тоже. Хм... — он встал, снял с плиты все еще горячий чайник и, зайдя Литтлу за спину, занес его над головой ничего не подозревающего психолога. Спустя секунду он вернул чайник на место, а сам, молча вышел из кухни.

— У тебя нужно отобрать диплом, — Симпсон появился на пороге, раскуривая трубку. — Парень не аутист.

— Что? — в лице Литтла читалось явное недоверие.

Симпсон спрятал спички в карман шерстяных брюк и выпустил густой клуб дыма.

— Пацан, говорю, не аутист. Ты ошибся с диагнозом.

— Но ведь симптоматика... — начал было протестовать психолог, но его опять перебили.

— Я не говорил, что он нормален. У него определенно есть отклонения, но это не аутизм. Когда я хотел вылить на тебя кипяток, у него расширились зрачки. Что это значит?

— Эмпатия? — неуверенно ответил Литтл.

— Верно, — Симпсон сел за стол и отхлебнул немного из своей чашки, — а у аутистов с ней проблемы. Так что твой вариант отпадает. Теперь вернемся к самому главному. Ты сказал, пацан уколошил своего папашу. Я вижу синяк на шее и порванные штаны, тут все понятно, домашнее насилие. Мне непонятно, какого черта ты его прячешь от полиции, да еще и ко мне притащил?

Предвидя очень долгий разговор, Литтл тяжело вздохнул, он совершенно не представлял, как можно словами описать увиденное в доме Дугласов. Пытаясь уснуть в придорожном мотеле, он в голове репетировал свой рассказ, подбирал нужные эпитеты, заготавливал красочные фразы, но, сейчас все они казались ему совершенно неуместными и глупыми.

— Мальчик, — задумчиво начал Кори, — может делать странные вещи.

— Например? — уже скучающе, спросил Симпсон. После такой очевидной ошибки в диагнозе он больше ни на что не рассчитывал.

— Например, он вмуровал отца в стену.

После этих слов бородач заметно оживился и запыхтел трубкой в два раза интенсивнее.

— Вернее, это я так думаю. Сложно сказать наверняка, ведь он так ничего мне и не рассказал о том вечере. Зато показал кое-что любопытное. Чип, — Литтл обратился к мальчику, — ты сможешь повторить тот трюк, когда мы были в машине?

Чип, не отрываясь от поглощения третьего бутерброда, кивнул и положил руку на плечо бородача.

— Советую не шевелиться, — только и успел сказать Литтл, как раздался резкий хлопок, и школьный психолог остался на кухне один.

Прошло семь мучительно долгих минут ожидания, прежде чем Кори начал волноваться. Он нервно вертел в руках чашку и смотрел на два пустых стула. В его голову то и дело закрадывались тревожащие мысли о том, что на этот раз Чип допустил какую-то роковую ошибку, и они с Джереми застряли там, где бы это ТАМ ни было, навсегда. Но как только психолог сделал последний глоток ромашкового чая и поставил чашку на стол, снова раздался хлопок, и волна воздуха смела и чашки, и тарелку с бутербродами на пол.

Благополучно выдернув бородача из трехмерности, Чип не переставал жевать. Его необычная способность обеспечивала возможность переходить от одной мерности к другой с такой легкостью, что ему даже не требовалось отвлекаться от поедания бутерброда, чтобы направлять эту импровизированную экскурсию в недра бытия. Помня об оплошности своего отца, он крепко держал Симпсона и уверенно вел его через дебри многомерных завихрений и петель. Вел, естественно, в переносном смысле, ведь, по сути, они даже не двигались, в привычном понимании этого слова.

На удивление, Симпсон не оказывал никакого сопротивления. В отличие от двух предыдущих «туристов», которым Чип показывал свой талант, он не вырывался и не пытался кричать. Бородач покорно двигался за своим провожатым и с жадностью ученого вертел головой, запоминая как можно больше. Его мозг сейчас был не в силах понять те секреты мироздания, которые так бесцеремонно вывалил на него паренек, но он старался сохранить в памяти хоть что-то, что можно было бы потом анализировать и систематизировать.

Тянуть спокойного человека было настолько просто, что Чип решил дать бородачу немного времени как следует осмотреться и насладится неприкрытой наготой вселенной. Это была своеобразная благодарность за вкусную еду и гостеприимство. Мальчик плавно замедлялся пока стремительный полет сквозь хаос измерений не сошел на нет.

Симпсон почувствовал остановку, но не мог до конца быть в этом уверен, ведь визуальное пространство вокруг продолжало сжиматься и деформироваться с невероятной скоростью, выдавая такие калейдоскопические и фрактальные рисунки, которые не снились даже самым заядлым наркоманам. В том месте, где Чип устроил привал, не было ни света, ни тьмы, так привычных человеческому глазу, а то многообразие геометрических фигур и цветовых оттенков, которые видел и пытался понять бородач, были всего лишь тенью незнакомого излучения. Оно, попадая в пузырь родной физики, окружавший двух путников, и сохранявший их тела в целостности, преобразовывалось в свет, за неимением других аналогов.

Спокойно закончив свою скромную трапезу, Чип решил, что пора закругляться, ведь он до конца не был уверен, на сколько может хватить защитного пузыря, прежде чем в него начнут проникать законы этого слоя реальности, внося хаос и неразбериху в пока еще стройные кристаллические решетки. Покрепче сжав плечо бородача, он убедился, что тот все еще в сознании, и взял курс на родную гавань.

* * *

— Долго же вы, — выдохнул с облегчением Литтл, — я уже начал волноваться. Симпсон ничего не ответил. Он продолжал неподвижно сидеть на месте, несмотря на

то, что остатки ромашкового чая начали капать ему на штаны, а трубка выпала из открытого рта на пол, при этом обильно рассыпая вокруг себя пепел и недогоревшие остатки табака.

— Джереми, ты в порядке? — поинтересовался психолог, собирая с пола осколки посуды.

— Пока еще не уверен, — ответил Симпсон так монотонно, будто находился в трансе, — Мне нужно пару минут, чтобы обдумать... это.

— Да, конечно, — Литтл отыскал под раковиной тряпку и принялся вытирать пол. — Со мной было примерно то же самое, только не так долго, — он на секунду задумался, — Или так? Я не знаю, возможно, там время идет совсем по-другому. Или ты ощущаешь его по-другому? Или его вовсе нет. Сперва я подумал, что это какая-то очень интенсивная галлюцинация, но уж очень реально все это выглядит. Мне даже вспомнился тот вечер, когда мы с тобой у химиков выпорили ЛСД и потом заперлись ночью в лаборатории чтобы...

— Кори, помолчи, — вдруг перебил его Симпсон и сфокусировал свой потерянный взгляд на мальчике. — Это была галлюцинация?

Поняв, что вопрос адресован ему, Чип отрицательно мотнул головой.

— Все по-настоящему, Джереми, — Литтл бросил промокшую тряпку в раковину и сел на место. — Я своими глазами видел, как вы исчезли. Вас не было минут десять, а то и больше.

— Что ты видел там? — Симпсон постепенно приходил в себя. — Ты что-нибудь запомнил?

— Не знаю, я не уверен. Все было так сумбурно и быстро. Фигуры, цвета, возможно, запахи. Сложно сказать. По-моему, там нет ничего статичного, как у нас. Стены, пол, потолок, вряд ли там есть что-либо из этого. Теперь ты понимаешь, почему я забочусь о парне? Никто бы в жизни не стал разбираться с застрявшим в стене алкашом. Нет, конечно, они бы поломали голову пару дней, но потом все равно махнули рукой и закрыли пацана на остаток жизни в дурдоме, а от всей этой истории осталась бы невнятная статья в Википедии.

— Понимаю, — Симпсон поднял с пола свою трубку и, несмотря на то, что весь табак из нее выпал, сунул в рот. — И как ты предлагаешь все это провернуть?

— Что именно? — не поняв вопроса, переспросил Литтл.

— Исследование. Как ты собираешься проводить исследование этого... феномена? Мы же не можем пригласить сюда физиков, математиков, биологов, мы даже не сможем опубликовать все, что узнали. Он преступник, Кори, а мы — соучастники.

— Я могу забрать его и уехать, если ты отказываешься.

— Я такого не говорил. Я спросил, какой у тебя был план? У тебя ведь был план?

Литтл виновато улыбнулся.

— Думать особо не было времени. Я решил, что сам такое не осилю, но ты всегда был гораздо умнее меня, вот я и решил просить твоей помощи. Одна голова — хорошо, а две — лучше.

— Это верно, я всегда был умнее...

Симпсон замолчал и снова посмотрел на Чипа. Теперь паренек, вместо легкого снисхождения, вызывал у него, пока еще еле заметное, чувство страха. Чип, в свою очередь, с неприкрытым интересом разглядывал все вокруг. Ему нравилась кухня и все, что он в ней видел, бежевые шкафчики, аккуратные полочки с приправами, раковина, не забитая плохо пахнущей грязной посудой, которую отец никогда не мыл. Эта удивительная по меркам Чипа чистота дарила то чувство умиротворенности и комфорта, которое он всегда испытывал в

заброшенном доме на пустыре. Он был рад снова ощутить себя в своей тарелке.

— Интересно, что сейчас твориться у него в голове? — подумал вслух Литтл, наблюдая за тем, как Чип, прижавшись щекой к поверхности стола, практически в упор разглядывает одинокую капельку ромашкового чая.

— Мы же с тобой мозгоправы, Кори, — ответил Симпсон, перекидывая языком мундштук трубки из одного уголка рта в другой, — Это первое, что мы выясним.

* * *

— Ты уверен, что нет никаких альтернатив? — Литтл неуверенно навел камеру своего телефона на лежавшего на кушетке мальчика.

— Нет, но я не собираюсь проводить с ним сеансы терапии годами, чтобы добиться хоть мало-мальски внятных ответов.

Симпсон закатал рукава своей рубашки.

— Но мы же не знаем, как он отреагирует на гипноз, и на что он вообще способен.

— Если ты боишься, то оставляй телефон и иди погуляй, я справлюсь один.

— Не боюсь, но...

— Тогда помолчи, и дай мне спокойно работать.

Чип не понимал, что происходит, но кушетка была довольно удобной, и до этого момента никто из присутствующих не давал повода к недоверию, а потому, чувствовал он себя расслаблено и спокойно. Все-таки в интерьере этого дома было что-то, какой-то хитрый замысел, который выражался в общей расцветке и стратегически верно расставленных вещах. Все окружающее буквально кричало: «Успокойся, все будет хорошо!» и Чип склонен был верить этому заявлению. Склонен до того момента пока бородач не начал свои фокусы с очками.

— Кори, ты готов?

Литтл устроился поудобнее в мягком кожаном кресле, стоявшем напротив кушетки, и, направив камеру телефона на Симпсона, кивнул.

— Тогда, пожалуй, приступим, — тот прокашлялся и, стараясь как можно более четко выговаривать слова, продолжил. — Дата: 10 октября 2010 года. Пациент: Чип Дуглас. Диагноз: неизвестен.

Симпсон отвернулся к мальчику и участливым тоном спросил: «Чип, тебе удобно?» Мальчик отрешенно кивнул.

— Это хорошо, чувствуй себя как дома. А теперь, я хочу, чтобы ты сделал для меня кое-что. Не мог бы ты посмотреть на мои очки? Мне кажется, с ними что-то не так.

Чип послушно сконцентрировал свой взгляд на вытянутых вперед роговых очках бородача.

— Вот так, замечательно. Посмотри на линзы. Они так здорово блестят, видишь? — он немного покрутил в руке очки, пытаясь как можно удачнее поймать свет. — А теперь я хочу, чтобы ты постарался вспомнить, алфавит. То, как ты учил его в детстве, — голос Симпсона постепенно становился мягче и проникновеннее. — Ты должен вспомнить, какой сложной задачей тогда тебе это казалось. Все эти формы, завитки. Их так много. Букв было так много. Большие, маленькие, прописные и заглавные, печатные и письменные. Но постепенно, эти формы откладывались в твоём мозгу образами, сохранялись в памяти навсегда, — Симпсон

медленно убрал руку, но взгляд Чипа оставался устремлен в одну точку, а глаза не выражали ничего, потеряли живой свет, будто кто-то где-то внутри выкрутил лампочку. — И вот, пока я говорил с тобой, твое дыхание изменилось, оно стало медленнее и глубже. Твой пульс изменился, и кровяное давление. Твой глазной рефлекс тоже изменился, и веки твои стали теплыми и тяжелыми. Ты больше не можешь держать их открытыми.

После этих слов мальчик медленно закрыл глаза.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Ты погружаешься в темноту. Тебе комфортно в ней. Ничто тебя не беспокоит. Твой разум парит в этой темноте, он летит сквозь нее, ведомый моим голосом. Ты слышишь мой голос?

— Слышу, — ответил мальчик.

— Я хочу, чтобы ты поднял свою правую руку, так я буду знать, что ты слышишь мой голос отчетливо, и следуешь за ним.

Рука мальчика приподнялась на несколько сантиметров над кушеткой.

— Вот так, хорошо, — Симпсон наклонился немного вперед и еще монотоннее продолжил. — Мой голос ведет тебя в темноте. Он может стать чем угодно, голосом твоих друзей, твоих родителей, журчанием ручья или щебетанием птиц. Он помогает тебе расслабиться, погрузиться в комфорт, почувствовать спокойствие и умиротворение. Он помогает тебе начать получать удовольствие, удовольствие от воспоминаний, нежеланных или давно забытых. Воспоминаний, которые становятся реальностью. Ты можешь вспомнить школу или детский сад. Я не знаю, что именно, ведь это твои воспоминания. Но ты получаешь удовольствие от этой картины, настоящее удовольствие.

Постепенно лицо мальчика посветлело, и его рот расплылся в улыбке.

— Ты вспомнил?

— Вспомнил, — ответил он почти смеясь.

— Опиши, что ты видишь?

— Я вижу решетку ливневой канализации. Она все еще мокрая после дождя.

— И почему ты смотришь на нее?

— Я вижу под ней что-то, — не заметив вопроса продолжил Чип. — Что-то зеленое и одновременно белое. Это солдатик. Игрушечный солдатик с чужой головой. Я просовываю руку в дыру и достаю его. Рубашка испачкалась, и папа опять будет кричать, но это уже не важно.

Мальчик замолчал и протянул вперед свободную руку, пытаясь потрогать невидимую иллюзию игрушки из воспоминаний.

— Что в этом солдатике такого, Чип? Почему он для тебя важнее рубашки?

— Рубашка здесь не при чем, она лишь декорация. Ее чистота не имеет никакого значения. Но игрушка... — мальчик нахмурился, будто почувствовал боль, — эта игрушка нужна Чипу. Она отведет его туда, где он должен быть. Она направит его по нужному пути.

— Почему ты говоришь о себе в третьем лице? — настороженно поинтересовался Симпсон.

— Я говорю не о себе, — мальчик нахмурился еще сильнее, его произношение слегка изменилось, будто английский был не его родным языком, а рука, зависшая над кушеткой, начала покачиваться из стороны в сторону. — Я говорю о Чипе.

Симпсон оглянулся, проверить не прекратил ли съемку Литтл, а затем продолжил, — Тогда назови свое имя.

На какой-то короткий миг в комнате воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь тиканьем наручных часов.

— У меня нет имени, — наконец ответил мальчик, и амплитуда покачиваний его руки значительно увеличилась. — Я — беззвучный зов, ведущий тело, я — порыв и подсказка, вдохновение и печаль. Мне не нужно имя, потому, что меня никогда не зовут, ведь я всегда здесь.

— Ты не мог бы объяснить? — в голосе Симпсона появились настойчивые нотки. Мальчик протестующе замотал головой. Его глаза по-прежнему были закрыты, а лицо искажала гримаса недовольства.

— Он слушает, но не слышит, знает, но не осознает. Помогаю понимать мир... другая сторона меда... — Чип перестал говорить, будто в магнитофоне заживало пленку, а его правая рука остановилась.

— Слушай мой голос, — Симпсон снова начал монотонно убаюкивать мальчика, чтобы удержать его в состоянии транса, — он принесет тебе покой, умиротворение. Тебе не нужно волноваться. Тебя окружает тепло и уют.

Постепенно лицо Чипа разгладилось, а рука возобновила свои ритмичные покачивания.

— ... медали. Важен не сам солдатик, а его функция, причина и следствие. Важно не имя, а дело.

— Хорошо, — согласился Симпсон, хоть сам до конца и не понимал с чем, — оставим этот вопрос на потом. Сейчас я хочу, чтобы ты снова погрузился в воспоминания. Ты опять в темноте, тебе хорошо и спокойно. Мой голос ведет тебя вперед, он освещает тебе дорогу, дорогу во вчерашний день. Под этим светом ты можешь отчетливо разглядеть все, что происходило вчера, все, что произошло между тобой и твоим отцом. Расскажи, что ты видишь.

— Я вижу все, — неожиданно, Чип поднялся и сел на кушетке, широко раскрыв глаза, но при этом не прекращая раскачивать руку. — Я вижу полет кружки, кровь на собачьих зубах, окурки на кладбище надежд и мир во всем его величии и бессмысленности.

От удивления Литтл опустил свой телефон, теряя кадр. Еще десять минут назад этот странный мальчишка практически не разговаривал, а сейчас выдавал тираду, достойную какой-то авангардной театральной постановки.

— Я вижу, — продолжал Чип, — как время бесконечно и одновременно. Вижу его все, от начала и до конца, и нету в нем ничего, лишь причина и следствие. Прямота и примитивность. Горный поток, плывя по которому можно обогнуть камень, но нельзя выйти из берегов. Глаза Чипа смотрят совсем по-иному, они ищут лазейки и дыры в правилах, ведь смотрят они не умом, но надеждой. А если человек ставит надежду превыше фактов, то неизбежно столкнется с последними лбом и удар этот будет болезненным. Чип видел, чем могут закончиться все возможные разговоры с отцом, я показал ему, но он все равно попытался. Он хотел прыгнуть выше головы, но споткнулся и упал, а за его ошибку заплатят другие. Отец — лишь начало, и он же — конец. Ваш конец.

Этот странный голос и непонятный акцент, вызывали у Литтла непреодолимое чувство тревоги, но, когда мальчик произнес: «Ваш конец» и посмотрел прямо на него, тревога тут же переросла в ужас.

Симпсон, услышав грохот у себя за спиной, повернулся, чтобы проверить, что случилось, и увидел школьного психолога, спешно поднимающего с пола свой мобильный телефон.

— Извини, — прошептал Литтл, засмутившись, затем проверил, не треснул ли экран, и снова навел объектив на Чипа, который продолжал свой жуткий монолог.

— Люди не понимают, не хотят видеть дальше собственного носа. Все уже происходит, по кругу, снова и снова, взаперти единовременности. Тысячи лет вы не видите, как перед вами пролетает жизнь, недоступная вам, но оберегающая вас. Никогда вы не ценили их дар и думали, что знаете, как лучше. Теперь они уходят, оставляя вас наедине с последствиями. И снова надежда подвела вас, ударив головой о факты.

С каждой новой фразой, выдаваемой Чипом, Симпсон все больше терял ход мысли, путаясь в размытых формулировках и абстракциях, при этом выходя из себя. И вот, терпение, наконец, лопнуло. Оставив мысли о том, что при гипнозе необходимо быть крайне осторожным, он полностью поддался своей жажде получить ответы, из-за которой однажды был с позором уволен из университета, и начал спрашивать в лоб.

— Кто такие они? — ни о каком размеренном и убаюкивающем тоне Симпсон уже не беспокоился. — Чип, о ком ты говоришь?

— Там, куда я водил вас сегодня, за рамками той реальности, за которую с таким отчаянием цепляется ваш разум, я видел время со стороны. Все, что было и будет, и чего никогда не произойдет. И я видел ИХ, чей свет в бесконечной темноте вселенной горит ярче всего. Их след растянулся на миллионы лет до, и совсем немного — после. Они скитальцы, путешественники поневоле. Их дома больше нет, как и многих других, в которых они побывали. Эти миры поглотила тьма, болезнь, идущая по пятам и не отстающая ни на шаг. Долго они бежали, в надежде придумать способ, оружие или лекарство. Но силы их таяли так же быстро, как и та надежда. Тогда решили они не бежать, но спрятаться. Придя в новый мир, наш мир, они сотворили механизм, природа и действие которого мне непонятны, и поместили его в одного из нас. Они улучшили его тело, сделали вечным, а затем использовали, как мы используем аккумуляторы в автомобилях. По их великому замыслу механизм должен был скрывать наш мир от болезни, сделать невидимым для нее и иных разумных, желающих познать нас. Потому мы и думаем, что одиноки в космосе, будто дети, выросшие взаперти и не знающие мира снаружи.

— Чип, я уже совсем запутался. Ты хочешь сказать, что...

— И два миллиона лет они живут среди нас, — Чип уже не обращал никакого внимания на Симпсона. Начав рассказ, мальчик, словно локомотив, постепенно набирал обороты, и теперь, войдя в раж, был просто не в силах остановиться, — храня свой секрет от чужих глаз. Они спрятали человека, питавшего механизм, стерли память о нем, а сами изменились, приспособились к нашему миру, заматая следы о своем присутствии мифами и сказками.

Симпсон, чувствуя, что окончательно теряет контроль над ситуацией, решил закончить сеанс гипноза раньше, чем рассчитывал. Он снова протянул вперед руку в которой сжимал свои очки, и, разместив их прямо перед уже раскрасневшимся лицом Чипа, начал вращать их.

— Сконцентрируйся на моем голосе, забудь все, что тебя беспокоит. Все тревожащие мысли покидают тебя ты...

— И снова человек подумал, что знает, как лучше, не видя всей картины целиком, — мальчик смотрел сквозь очки бородача, совершенно их не замечая. — Он, ведомый ошибкой и ложными выводами, сломал то, что было построено так давно, то, что давало нашему миру жить среди бушующего моря тьмы и заразы, поглотившей галактику. Этого еще не произошло, но непременно будет, все пути ведут к катастрофе, и этого не изменить. Нельзя

прыгнуть выше головы.

— Нет! — вдруг голос Чипа вернулся в нормальное состояние, потеряв свой странный акцент и выговор. — Нет, нет, нет! — он, схватившись руками за голову, начал повторять снова и снова, будто борясь с самим собой. — Нет, нет, так нельзя, можно все исправить. Нет!

— Кори, быстрее! — Симпсон со всей силы прижал к себе вырывающегося мальчика, — У меня в столе есть шприц, неси!

Понимая, что ситуация полностью вышла из-под контроля, Литтл, не говоря ни слова, вскочил на ноги и, оббежав кушетку обнаружил, что ящиков у этой модели стола было целых восемь. (Кому в здравом уме могло понадобиться столько?) Паникуя, психолог принялся обеими руками открывать по два ящика за раз, и в спешке выходило это у него с такой силой, что они вылетали из креплений, а затем с грохотом падали на пол, попутно разбрасывая вокруг свое содержимое. Естественно, заветный шприц с транквилизатором оказался в самом нижнем ящике. Литтл схватил его, дрожащими пальцами снял колпачок с иглы и подбежал к, еле сдерживаемому Симпсоном, мальчишке.

С того самого момента как Чип впервые вышел за рамки трехмерного поля реальности, он получил доступ к тем уровням своего мозга, которые никогда раньше не открывались ему. Это были темные и пугающие глубины, заполненные сложными и запутанными математическими концепциями, геометриями, непонятными ни одному гениальному уму планеты, и физическими законами, в корне противоречащими всякому здравому смыслу. Но главным приобретением оказался голос, исходивший с самого дна, обрывки которого временами доносились до Чипа на протяжении всей жизни, и которые он наивно принимал за озарения. Теперь же этот голос говорил ясно, отчетливо, и не переставая.

Всю дорогу, от маленького домика Дугласов до струящегося уютом таунхауса Симпсона, Чип провел в непрерывном споре со своим новым внутренним собеседником. Этот спор был ожесточенным и резким, как обычно бывает при столкновении двух противоположенных точек зрения. В нем не было места компромиссам и уступкам. Лишь безоговорочная победа одной из сторон могла положить конец этой ссоре. И вот, когда сеанс гипноза довел накал конфликта до предела, мальчик почувствовал укол в шею.

Больше от неожиданности, нежели испугавшись самой боли, Чип попытался увернуться, но тело было ему не подвластно, оно извивалось, казалось, само по себе, совершенно не реагируя на приказы, а голос в голове вопил что есть мочи, продолжая ругать человечество за самонадеянность и слепоту, заглушая все вокруг. Не выдержав такого напора, Чип сделал единственное, что ему оставалось. Он, прихватив с собой пару кусков рубашки бородача, которые прижимались к нему наиболее плотно, и шприц, по-прежнему торчавший в шее, с негромким хлопком исчез.

* * *

Симпсон в недоумении ощупывал места, а точнее дыры, в одежде, образовавшиеся при исчезновении Чипа. Ему было страшно подумать, что могло случиться, если бы мальчик, ослепленный припадком, перестарался и вместе с частями рубашки захватил плоть. В этот момент Джереми понял, что нечто подобное и произошло вчера в доме Дугласов, но от этого легче не становилось. Хоть он и получил ответ на один из вопросов, зудевших в голове, при

этом новых образовалось в десятки раз больше.

— Отодвинься, — вдруг испуганно выкрикнул Литтл, вспоминая жуткого Билла Дугласа, застрявшего в стене, — когда он вернется, вы можете склеиться!

— Не думаю, — Симпсон встал, подошел к креслу, на котором ранее сидел Кори, нащупал в щели между сидением и быльцем мобильный телефон, и посмотрел на экран. Камера по-прежнему снимала. Он остановил съемку и нажал на воспроизведение. Джереми интересовали не столько мутные рассказы мальчишки, а сам момент телепортации в последнюю минуту эксперимента. Не только увидев все своими глазами, но и испытав феномен на себе, он все равно не мог до конца поверить в реальность происходящего. Ему казалось, что это все какой-то странный трюк, фокус, и на записи он сможет разглядеть зеркала или тайный люк в полу. Но благодаря «отличной» операторской работе Литтла последние пару минут камера снимала исключительно кожаную обивку кресла.

Симпсон разочарованно цокнул языком и повернулся к школьному психологу, который, отойдя на безопасное, по его мнению, расстояние от кушетки не сводил взгляд с места, на котором до этого сидел Чип.

— Кори, мне кажется, он не вернется, — Симпсон устало сел в кресло и снова включил видеозапись. Маленькие динамики мобильного телефона искажали звук, и речь мальчика казалась далекой и неразборчивой.

— Не вернется? — переспросил Литтл. — Почему ты так думаешь?

— Я бы на его месте так же поступил. Сам подумай, у пацана явное расстройство идентичности, и скорее всего, узнал он об этом благодаря нам. Представь, что ты вдруг понимаешь, что в голове у тебя живет еще кто-то, да, в придачу, может отобрать контроль над телом. Я бы испугался, сильно испугался. А ты его еще иголкой тыкать начал.

— Но ведь ты сам меня попросил.

— Да я не о том. Ты-то все правильно сделал. Я говорю, что попади я в подобную ситуацию, я бы удирал не оглядываясь. И, как видно, — он показал на пустующую кушетку, — пацан разделяет мое мнение.

— Думаешь, он может не только исчезать, но и перемещаться?

— Это как раз очевидно. Ты же сам сказал, что его отец в стене застрял. Не думаешь же ты, что пока их не было кто-то передвинул дом?

— То есть ты хочешь сказать, что он сейчас может быть где угодно?

— Ага, — Симпсон кивнул. — А беря во внимание укол, вполне вероятно, что он мог тоже застрять где-нибудь, но мы, скорее всего, никогда этого не узнаем.

Литтл, сам того не заметив, прислушался. На секунду ему даже показалось, что он слышит приглушенные стоны мальчика где-то под полом, но это была лишь игра его возбужденного воображения.

— Полагаю, на этом наш эксперимент можно считать завершенным, — Симпсон протянул мобильник, — Теперь ты можешь спокойно возвращаться домой. Как говорится, нет тела — нет дела. И кстати, я удалил запись. Все равно на ней нет ничего, кроме бреда мальчишки с раздвоением личности, так что...

— Вот так просто? — запротестовал Кори, — Раз и забыли?

— А что ты предлагаешь? Страдать и мучиться до конца своих дней? Ходить по району, расклеивать объявления о пропаже? Может даже на пакетах с молоком его фотографию разместить? Подумай головой. Мы с тобой только что проводили крайне негуманный эксперимент над преступником, которого ты, кстати говоря, скрывал от полиции, и

который, барабанная дробь, — он сымитировал движения барабанщика, — умеет телепортироваться! Да кто поверит в такое дерьмо, еще и без весомых доказательств, которых у нас нет по твоей милости?

— Но...

— Никаких НО! Только по старой дружбе я дам тебе времени до утра. Можешь хоть всю ночь сидеть здесь и пялиться на кушетку, а завтра... — он указал пальцем на дверь. — Пацана уже не исправить, а мы с тобой здоровые, взрослые люди. Не порти жизнь ни себе ни мне.

С этими словами Симпсон бросил телефон на письменный стол и пошел на кухню, готовить ужин, оставив Кори одного в пустой комнате.

* * *

Чип с трудом понимал, что происходит. Выскочив из трехмерного поля реальности, он мгновенно потерял все ориентиры, а вместе с ними способность вернуться назад. Доза транквилизатора, которую вкатил ему Литтл, была довольно большой, мальчику казалось, будто его голову плотно набили ватой, и мысли в ней теперь попросту не способны передвигаться. Но была в этой ситуации и положительная сторона, голос в голове, перекрикивавший все вокруг, наконец замолчал.

Чип не знал, сколько продлится действие наркотика. Возможно, пузырь физических законов трехмерности, окружающий мальчика, истончится гораздо раньше, чем к нему вернется способность перемещения, и его постепенно разорвет на мельчайшие частицы, но он об этом совершенно не переживал. Сейчас он не переживал вообще ни о чем, таково уж было основное действие препарата, бушевавшего в его крови.

Чип парил в маленьком коконе из обрывка родного мира, и умиротворенно разглядывал время, бескрайним полем растянувшееся под его ногами. Оно колыхалось, пенилось, и в каждом пузырьке этой пены был заключен один из возможных моментов вселенной, лишь один из вариантов расположения абсолютно всех ее атомов и молекул.

Борясь с подступающим сном, последний из Дугласов пытался высмотреть в этом бесчисленном множестве альтернатив и следствий тот единственный путь, выбрав который, он смог бы доказать жестокому и расчетливому голосу в голове, что выход есть всегда, и чем больше в задаче переменных, тем легче найти в них лазейку.

Сколько длились эти поиски мальчик не знал, с каждой минутой, мысли путались все сильнее и сильнее. Наркотик подминал мозг под себя, грубо затягивая в сон. И вот, когда, казалось, уже все потеряно, можно просто расслабиться, закрыть глаза и спокойно уснуть в последний раз, как Чип краем глаза заметил что-то похожее на то, что он искал, ошибку в последовательностях, так утонченно и неумолимо ведущих человечество к вымиранию. Этой ошибкой был человек, чья жизнь, в бесконечном бушующем море времени, где все исходы продуманы заранее, походила на маленькую черную каплю неизвестности.

Чип схватился за эту аномалию, как утопающий за соломинку, он хотел рассмотреть всю дорогу загадочной персоны от начала и до самого конца, во всех мельчайших деталях, но это не представлялось возможным. Единственным точным событием на отведенном незнакомцу пути была какая-то больница, в которую он, при любых обстоятельствах, попадал осенью 2016 года.

Через пелену, заволакивавшую глаза, мальчик успел разглядеть лишь часть названия этой больницы, и самого себя, постаревшего и осунувшегося, а затем мир вокруг закружился и наступила темнота.

* * *

Кори Литтл, ругая себя за то, что не смог уберечь ученика от беды, просидел в кабинете Симпсона всю ночь. Он предусмотрительно отодвинул кушетку к противоположенной стене, и неотрывно смотрел на то место, где она стояла ранее, надеясь с минуты на минуту услышать тот самый заветный хлопок.

Проснувшись утром, Симпсон обнаружил своего старого университетского друга спящим сидя в кресле. Решив дать ему еще несколько минут отдыха, Джереми, стараясь не шуметь, приготовил завтрак и крепкий чай (сам он кофе не пил и дома его не держал).

— Он так и не вернулся? — Литтл, потирая глаза, вошел на кухню и сел за стол.

— Нет, — пожал плечами Симпсон, — как я и говорил.

Трапеза проходила в тишине. Кори не очень хотел разговаривать о вчерашнем дне, да и вообще о чем-либо связанном с мальчишкой. Ему было совестно за то, что он, желая помочь бедному пареньку, только навлек на него еще большие неприятности. Следуя совету Джереми, он старался забыть все произошедшее как страшный сон, но получалось у него это довольно плохо.

Симпсон тоже молчал, но совершенно по другой причине. Он задумчиво смотрел в окно, на изредка проезжающие мимо автомобили, курил трубку и ждал пока этот медлительный и надоедливый Литтл, наконец, уйдет. Запивая теплым чаем сладковато горький привкус табака, он обдумывал идею, которая зародилась в его, кишасшем вопросами, мозгу вчера вечером, сразу после сеанса гипноза. Это был план по проведению ряда экспериментов, которые могли показаться Кори довольно бесчеловечными, а учитывая его склонность ставить мораль выше научной мысли, знать об этой затее ему было не обязательно, иначе он непременно попытается помешать.

— Поспешу, — Симпсон многозначительно посмотрел на недоеденный завтрак Литтла, — у меня еще есть дела сегодня.

— Да — да, я понимаю, — он не жуя проглотил остатки яичницы. — Спасибо, очень вкусно. Еще раз извини, что так свалился на тебя со всем этим.

— Ничего страшного. Надеюсь, ты сможешь удержать язык за зубами и никому не проболтаться о произошедшем. А если все-таки решишь излить кому-нибудь душу, то будь так любезен, не упоминай меня. От моей репутации мало что осталось, и я хотел бы сохранить эти крохи как добрую память о лучших временах.

— Хм, — Литтл улыбнулся. — Хорошо, если кто спросит про телепортирующихся подростков — сразу отправлю его к тебе. — он на секунду замолчал, а затем добавил: — Позвони мне, если он вернется.

Выйдя на улицу, Кори глубоко вдохнул прохладный октябрьский воздух, поежился и быстро зашагал к своей, покрывшейся дорожной пылью, машине. Забравшись в салон, он невольно посмотрел на пассажирское сиденье, на котором остался красный след запекшейся крови. Литтл потянулся, чтобы вытереть его, но в последний момент остановился. «Потом», — подумал он и завел двигатель.

Симпсон, спрятавшись за оконной занавеской, наблюдал за тем, как Камри Литтла медленно трогается с места. Он терпеливо провожал автомобиль взглядом, пока тот не скрылся за поворотом. Постояв еще с минуту, чтобы убедиться, что старый друг уже не вернется, Джереми бросился к своему компьютеру, стоявшему на столе, в кабинете. Быстро щелкая клавишами, он ввел пароль и зашел в папку «входящие» своей электронной почты.

— Есть, — вслух сказал он, обнаружив среди нескольких непрочитанных сообщений, то, которое сам себе и отправил вчера с телефона Литтла. Внутри был видеофайл. Открыв его, Симпсон с облегчением услышал собственный голос: «Дата: 10 октября 2010 года. Пациент: Чип Дуглас. Диагноз: неизвестен».

Теперь, когда у него был материал для изучения, Джереми собирался просмотреть его кадр за кадром, и попытаться точно определить все психические отклонения мальчишки. Составив подробную карту мозга Чипа, он планировал приступить ко второй части — экспериментальной.

В университете многие коллеги считали Джереми Симпсона довольно эксцентричным, что какое-то время придавало его персоне легкий оттенок шарма и загадочности. Некоторые даже верили, что это некий признак гениальности. Но после того как один из профессоров обнаружил его вместе с Литтлом голыми и галлюцинирующими на полу одной из лабораторий, от бывшего образа не осталось и следа. Исследование галлюциногенных эффектов ЛСД (так Джереми описывал тот случай) было воспринято советом как обычная наркомания. Симпсона с позором уволили из университета, а Литтл, как студент, получил поблажку, и за собственные деньги должен был возместить все оборудование, которое пострадало во время их «исследований».

С тех пор Джереми не оставлял надежд утереть нос всем этим престарелым ханжам из совета. Он хотел сделать такое открытие, которое могло восстановить его репутацию как ученого и в то же время прославить на весь мир. Тогда, стоя на трибуне перед сотнями людей он смог бы поименно вспомнить всех тех, кто не верил в него и указать на них пальцами. И ради этого момента триумфа он готов был пойти на все.

Сидя перед монитором компьютера и раз за разом просматривая видео, Симпсон все больше убеждался в том, что навязчивая идея, закравшаяся к нему в голову прошлым вечером, верна. По какой-то необъяснимой причине он был более чем на сто процентов уверен в том, что способность Чипа к перемещению в пространстве, или между пространствами (этот момент тоже предстояло прояснить), упиралась в его психическое состояние, что это функция мозга, а не тела. Но на то, чтобы доказать это законными способами у него уйдет очень много времени, слишком много.

Пять минут назад, на кухне, стараясь побыстрее выпроводить Литтла восвояси, Симпсон мысленно составлял план покупок. Он прикидывал, какие химикаты понадобятся ему, для того, чтобы создать препарат, вызывающий у человека симптомы, повторяющие состояние Чипа. Иными словами, в гениальную, по его же собственному мнению, голову Джереми пришла идея, не имеющая ничего общего с человечностью, но, опять же, по его мнению, олицетворявшая суть научной мысли. В двух словах, он собирался незаметно пичкать людей наркотиками, медленно сводящими с ума, и ждать, пока один из них не исчезнет.

— Эй, чувак, ты живой?

— Смотри, он не дышит.

— Может ему плохо?

— Та не, хорошо ему. Вон, шприц валяется. Слышь, чувак, у тебя передоз?

Чип медленно открыл глаза и обнаружил себя лежащим на траве в окружении молодых людей с длинными волосами и разноцветными футболками, на одной от руки было написано: «Делай любовь, а не войну!».

— Где я? — с трудом ворочая языком, спросил он.

Парни переглянулись, а затем громко рассмеялись.

— Да, сильно же его накрыло, — сквозь смех выдавил тот, что был повыше.

— Ага, — поддакнул другой, с надписью на футболке, — ты все там же, чувак...

Конец фразы утонул во внезапно возникшем, казалось, из ниоткуда, громком мужском голосе и парни, тут же забыв про Чипа, синхронно повернули свои головы к его источнику.

— Я не знаю, — говорил голос, — осознаете ли вы, насколько вы сейчас прекрасны? Вы выглядите просто великолепно, словно целый город.

Со всех сторон посыпались аплодисменты и довольные выкрики.

Чип, ничего не понимая, с трудом поднялся на ноги и увидел, что окружен огромным количеством людей. Они все как один неотрывно смотрели в сторону громадной сцены, на которой стоял человек с гитарой. Из-за контраста масштабов он казался совсем крошечным по сравнению с махиной металлических лесов, обступивших его со всех сторон.

— Каким-то образом, — продолжал человек, — вы — это то, о чем многие говорили лет десять назад в своих гостиных, — он немного подстроил гитару. — У меня для вас есть песня.

Несколько людей снова зааплодировали, и мужчина начал петь.

Действие транквилизатора прошло, но голова Чипа была тяжелой и мысли все еще путались.

— Что происходит? — спросил он у высокого парня. — Где я?

— Вудсток, чувак, — отмахнулся тот. — Вудсток.

Часть восьмая

Дела семейные

— Погодите-ка, — Рита обошла розовую грудку осколков выдавленного стеклянного щита, и осторожно выглянула в коридор, — вы хотите сказать, что помощи не будет?

— Не-а, — Генри отрицательно мотнул головой. — Кроме меня и Нормана — никого.

— Но почему? И что вообще происходит?

— Серьезно? Ты не в курсе? — Букер удивленно приподнял бровь. — Как долго ты просидела в трубе?

— Со вчерашней ночи, — она замялась и неуверенно добавила, — по-моему.

— А, ну тогда это многое объясняет. Все военные и полиция заняты очень важными делами, дорогуша. Они все в городах палят из своих пукалок направо и налево, и ни черта не понимают, совсем как ты.

— И ваши объяснения никак не проясняют картину, — огрызнулась Рита.

Генри посмотрел на медсестру испытывающим взглядом, а затем продолжил, но уже без улыбки.

— Мир катится в тартарары, вот почему. Твоя больница — это только маленькая капелька из того ушата дерьма, которым нас окатило. Посмотри, — он обвел рукой разгромленную сестринскую, — что кучка прыщавых и всего один светоед сделали с этим местом. А теперь представь, что будет в масштабах небольшого городка, где этих тварей не меньше десятка. О мегаполисах я вообще молчу. Апокалипсис — вот что происходит. Теперь картина прояснилась, дорогуша?

— Мистер Букер, — прервал его тираду напряженный мужской голос, доносившийся из другого конца коридора, — вы бы не могли прекратить фамильярничать с дамой, и немного мне помочь?

Рита снова выглянула через пролом в стене и увидела щуплого мужчину средних лет, одетого в больничные халат и полицейскую куртку. Он за руки тащил по коридору тело Бритни, и этот процесс явно давался ему с большим трудом.

— Ты его нашел? — Генри ловко перескочил через остатки плексигласа, но увидев труп, остановился и спросил, — Что-то он какой-то мертвый, Норман, так и должно быть?

— Вообще-то нет, — мужчина выпрямился и потер поясницу, — но нас особо никто не спрашивает, так что хватайте его и тащите вон туда, к окнам, — он указал на дыру в стене игрового зала, оставленную мутировавшим Пирсом, а затем перевел взгляд на Риту, — Доброе утро мисс.

— Ага, — озадачено кивнула медсестра.

— Так у тебя есть новый план, или как? — прокряхтел Букер, подхватывая под руки холодного Бритни.

— Есть, — ответил мужчина, — но сперва ты должен познакомить меня с этой очаровательной дамой, которую нам посчастливилось встретить.

— Ты уж определись, мне тащить или знакомить?

— Вы взрослый и крепкий молодой человек, мистер Букер, и я полагаю, вы способны сделать и то и другое одновременно. У нас не так много времени, как вам кажется и...

— Рита Босси, — не выдержав раздражающей вежливости, с которой разговаривал незнакомец, выпалила Рита, — а теперь можно немножко подробнее про момент с

апокалипсисом?

Мужчина в больничном халате на секунду улыбнулся, но затем снова потер поясницу и его лицо заметно помрачнело.

— Мое имя — Норман Моррис, — представился он, — безумно рад с вами познакомиться. Само собой, вы получите всю необходимую вам информацию, но сперва я хотел бы спросить, не страдаете ли вы какими-либо заболеваниями сердца?

— Что? — события последних двенадцати часов разворачивались с непривычной для Риты скоростью и сильно напоминали бред сумасшедшего, который она, благодаря работе в Бриджуотере могла выявить с особенной легкостью. — Какие еще болезни сердца? Я ничего не понимаю.

— Мисс Босси, прошу, успокойтесь. Излишнее волнение ни к чему хорошему не приведет.

— Как я могу успокоиться, когда вокруг творится не пойми что? В один момент все больные превращаются в жутких зомби и громят больницу, а еще тот монстр... — Рита вспомнила, как свет луны просвечивал тело мутировавшего Пирса и по ее спине тут же побежали мурашки. — Потом ваш друг говорит про апокалипсис, военных, города. Как, как после такого можно быть спокойной?

— Я понимаю ваше замешательство. Все свалилось на вас как гром на голову, но сохранять спокойствие в данной ситуации — самое главное. А теперь, будьте любезны, ответьте, есть ли у вас болезни сердца, это важно.

— Как снег на голову, — вдруг крикнул из зала Генри.

— Что? — переспросил Норман.

— Я говорю, правильно — как снег на голову. Ты сказал: «как гром», а правильно говорить «снег». Гром не может свалиться, это просто звук.

Норман на секунду задумался.

— А вы уверены, что я сказал именно гром?

— Да, — хором ответили Рита и Генри.

— Это очень странно, ведь я точно помню, что сказал «снег», — он задумчиво хмыкнул, — В прочем, это сейчас не важно, а важно то, что вы, мисс Босси, так и не ответили на поставленный вопрос.

— Да нету, нету у меня никаких болезней! — взвыла медсестра. — Что с вами двумя вообще не так? Сначала говорите, что миру настал конец, таскаете труп туда-сюда, а теперь ведете себя, как ни в чем не бывало и спорите о том, кто и что сказал? Нет, я не знаю, что здесь происходит, и узнавать уже не хочу. Это просто какое-то недоразумение. Мне нужно позвонить домой.

Последняя фраза была уже не возмущением, а требованием и в ответ на него Норман, подняв руки, отступил на шаг назад.

— Мисс Босси, — сказал он, — мы люди порядочные и ни коим образом не будем препятствовать вам в этом. Прошу, звоните, но вынужден вас предупредить, что шансы на то, что ваши родственники...

— Норман, — Генри не дал ему договорить, — заткнись. Пусть звонит.

Норман кивнул, хоть Генри этого не видел, и замер, ожидая, что медсестра достанет из кармана телефон, но она этого не сделала, она ничего не делала. Рита стояла и молча смотрела на него, а ее щеки постепенно покрывались румянцем. Ей было стыдно за свою глупость и вспыльчивость, ведь она совсем забыла, что местные телефоны не работают, а

мобильного при ней не было.

— Не могу, — наконец выдавила она, нарушая затянувшуюся неловкую паузу.

— Простите? — переспросил Норман.

— Не могу, — чуть громче ответила Рита, — Телефон остался на первом этаже в раздевалке.

— Это большая проблема, — Норман разочарованно покачал головой.

— Но вы могли бы меня проводить и тогда...

— Дело не в этом, боюсь, что от первого этажа мало что осталось. Хотя, мы с мистером Букером с удовольствием поможем вам искать, если взамен вы согласитесь на небольшую услугу.

— Это какую еще? — медсестра настороженно отступила на шаг назад.

— О, не волнуйтесь, ничего необычного. Вам просто нужно будет поговорить с моим отцом.

— Ладно, — согласилась Рита. Просьба действительно выглядела довольно простой, да и разгуливать самой по лечебнице ей совсем не хотелось, — но обещайте, что потом поможете мне.

— Даю слово, — Норман протянул руку через пролом в стене, жестом приглашая следовать за ним. Рита отмахнулась, давая понять, что и сама справиться, затем села на остатки полочки, которую еще совсем недавно использовала для выдачи лекарств больным, и, перекинув ноги через преграду, оказалась в коридоре.

Только сейчас, выбравшись из своего убежища, Рита смогла полностью оценить ущерб, нанесенный мужскому крылу Бриджуотера. Двери всех палат были сорваны с петель и валялись как попало на полу, вперемешку с кусками бетона и штукатурки. Одно из окон в игровом зале отсутствовало, так же, как и часть стены вокруг него, а столы и стулья были свалены грудой в дальнем углу помещения.

— О господи, — она обвела взглядом весь этот хаос.

— Прошу за мной, — подобрав больничный халат, Норман зашагал к проломленному окну, возле которого Генри оставил труп старика. Рита, настороженно оглядываясь по сторонам, зашагала следом. Ее не покидало чувство, что эта странная парочка что-то недоговаривает, слишком уж спокойно они себя ведут, учитывая обстоятельства.

— Так, ладно, давайте побыстрее покончим с этим. А то мне как-то не по себе в присутствии мертвеца. Ваш отец на улице? Что мне ему сказать? — Рита обошла труп Бритни и посмотрела через дыру во двор, но кроме пары перевернутых автомобилей на парковке и ровно постриженного газона не увидела ничего.

— Боюсь, вы не так меня поняли, — Норман широко улыбнулся и показал пальцем на тело. — Вот мой отец.

— Это что, шутка? — возмутилась медсестра.

— Увы, нет, — он пожал плечами. — Сейчас он выглядит довольно скверно, но уверяю вас, при жизни он был замечательным человеком.

— Странно, как по мне — обычный псих. Почему вы не приходили его навещать? Все думали, что у Бритни нет родственников, раз его никто не навещает.

— Как вы сказали? — удивился Норман, — Бритни?

Рита кивнула.

— Ну, тогда это многое объясняет. Видите ли, мисс Босси, моего отца зовут Чип Дуглас. Не имею ни малейшего понятия, почему он представился вам как Бритни. По-видимому, в

ваших больничных записях он никогда не фигурировал под своим настоящим именем, которое я называл в приемной, по меньшей мере, пять раз за последние два месяца, а посему всегда получал ответ, что человека, которого я ищу, в Бриджуотере не лечат.

— Слушайте, вы всегда так странно разговариваете?

— Слышал? — Генри буквально подпрыгнул на месте и хлопнул Нормана по плечу так сильно, что тот слегка пошатнулся. — Значит, не меня одного раздражает. А я тебе говорил? Я ему уже говорил, что нужно немного проще быть, но он все равно продолжает выделываться.

— Немного проще? — возразил Норман, — Если быть более точным, мистер Букер, вы покрыли меня матом, и назвали королевой Англии, если не ошибаюсь. Это было довольно грубо с вашей стороны, хотя от вас я большего и не ожидал. А теперь, когда вы нашли себе соратника по неприязни к моей манере изъясняться, давайте вернемся к нашему делу.

— Согласна, — ответила Рита. Эта парочка чудаков уже порядком ей поднадоела, и она хотела как можно скорее отделаться от них, но прежде, необходимо было достать телефон, — Давайте, что вы хотите чтобы я сказала? Траурную речь? Легко. Он пробыл у нас на лечении около года и за это время...

— Стойте, — перебил ее Норман, — Что вы делаете?

— Как что? — удивилась медсестра, — Говорю с вашим отцом.

— Боюсь, вы неправильно меня поняли. Траурная речь — это прекрасная традиция и я всецело поддерживаю ее, но в сложившейся непростой ситуации нам крайне необходим полноценный диалог.

Норман пошарил в кармане своей куртки, достал из него фломастер, а затем, склонившись над трупом Бритни, закрыл глаза и замер.

Рита вопросительно посмотрела на Генри, но тот в ответ лишь пожал плечами и поднес палец ко рту, призывая сохранять тишину.

Ритуал начертания начался. Несмотря на то, что Букер уже несколько раз видел этот странный процесс, предугадать его цель и результат ему по-прежнему не удавалось. Каждый раз, когда Моррис начинал карябать свои закорючки и черточки Генри думал, что он их уже видел раньше, и даже мог понять, как и для чего все происходит, но снова ошибался, а эффект, вызываемый этими, со стороны казавшимися бессмыслицей, манипуляциями поражал воображение.

Открыв глаза, Норман сосредоточенно принялся рисовать фломастером знаки на лбу Бритни. С хирургической точностью он выводил линию за линией, стараясь сохранять максимальную концентрацию на процессе, и когда на лбу мертвеца больше не оставалось места, а терпение Риты готово было лопнуть, он шумно выдохнул и отклонился назад, потирая больную спину.

— Готово, — в его голосе читалась усталость, но одновременно с этим и удовлетворенность. — Теперь ваша очередь, мисс Босси.

— Очередь что? — непонимающе закачала головой медсестра.

— Руку, — Моррис показал на причудливый рисунок, — вы должны приложить руку.

Рита снова посмотрела на лоб Бритни и с удивлением обнаружила, что если наклониться под правильным углом, то бессмысленные черточки и завитки каким-то чудным образом складываются в силуэт ладони.

— И после вы поможете мне с телефоном? — неуверенно переспросила Босси.

— Можете не сомневаться.

Не то, чтобы Рита плохо переносила мертвецов, нет, работа с психами закалила ее и в корне поменяла отношение к человеческому телу. Она не горела желанием прикоснуться к Бритни по другой причине, этот беззубый старикашка, который, по правде говоря, ей никогда не нравился, лежал на полу без штанов. И мало того, его костлявые ноги в районе паха покрывала плотная сеть маленьких желтых прыщиков.

— А что, если я заражусь? — медсестра показала на следы болезни.

— С вами все будет в порядке, — заверил ее Норман. — Можете не беспокоиться, инфекция умирает вместе с носителем. Мне ли не знать.

Рита помедлила еще секунду, а затем опустилась на колени и протянула вперед руку. За то недолгое время, что она знала этих чудаков, у нее сложилось четкое ощущение, что они на самом деле мародеры и просто решили посмеяться над наивной девушкой, а потому, стоило дать им насладиться моментом, сыграть свою роль в этом маленьком спектакле и забыть все как страшный сон, но это отношение в корне поменялось, как только кожа ее ладони прикоснулась к рисунку на лбу Бритни. Она почувствовала изменения моментально и всем телом. Ее мысли затуманились, а сердце забилось с такой частотой, что грудная клетка, казалось, вот-вот взорвется. Испугавшись, Рита попыталась одернуть руку, но не смогла. Ее ладонь намертво приклеилась к голове мертвеца.

— Какого хрена?! — вскрикнула медсестра и снова потянула руку на себя, намереваясь встать на ноги, но тело Бритни было слишком тяжелым.

— Мисс Босси, не волнуйтесь, скоро все закончится. А вы, мистер Букер, будьте так любезны немного подержать даму, дабы она не навредила сама себе.

Генри послушно кивнул и, присев рядом с Ритой, обхватил ее, так, чтобы она не могла вырваться. Больших усилий ему прилагать не требовалось, потому, как девушка довольно быстро успокоилась. Новые необычные ощущения нахлынули на нее морским прибоем, и она всецело погрузилась в наблюдения за метаморфозами, происходившими с ее телом.

Учащенное сердцебиение было только первым шагом к тому, чего добивался Норман. Заставив Риту прикоснуться к своим загадочным знакам, он запустил сложный, но в то же время тонкий и элегантный процесс. Рисунок на лбу Бритни был своеобразной инструкцией, программой, которую тело девушки выполняло с удивительной скоростью и точностью. Усиленный кровоток обеспечивал метаболизм, необходимый для прокладки цепи коммуникаций, сети из новых нервных связей и кровеносных сосудов, пробивавших себе дорогу через кожу и череп Бритни, прямо к его мозгу, объединяя молодую медсестру и мертвого пациента лечебницы Бриджуотер в одно целое.

— Мистер Букер, проверьте ее пульс, — холодным приказным тоном отрезал Норман.

Генри, убедившись, что девушка не оказывает никакого сопротивления, отпустил ее и приложил палец к пульсировавшей артерии на шее.

— Ого! Сердце прямо заходиться. Слушай, Норман, а ты не переборщил? Она не умрет от таких нагрузок?

— Дама заверила нас в том, что не имеет сердечных заболеваний. Если это правда, то с ней все будет в порядке. Мисс Босси, — обратился он к медсестре, — вы меня слышите?

Рита еле заметно кивнула.

— Это просто прекрасно. Как вы себя чувствуете?

— Очень странно, — ответила девушка, и рот мертвеца зашевелился, беззвучно повторяя ее слова.

— Ух ты ж ё!.. — от неожиданности Генри вскочил на ноги. — Ты бы предупреждал,

некромант хренов.

— Это не некромантия, мистер Букер, а теперь, прошу, помолчите. Мисс Босси, я вижу, вы немного освоились, но не увлекайтесь, у нас много вопросов и очень мало времени. Будьте так добры, найдите то место, где мой отец спрятался перед смертью. Думаю, он все еще там. Только будьте предельно осторожны и не пугайте его без надобности.

Рита не совсем понимала, что от нее требовал Моррис, кого необходимо было искать и где, но, когда ее ширящаяся нервная система окончательно оплела мозг Бритни, она почувствовала присутствие чужого сознания. Оно было тусклым и нечетким, словно слабый телевизионный сигнал от погнутой антенны, но все же было.

Заметив изменения в лице медсестры, Норман оживился.

— Вы нашли его, это очень хорошо. Спросите, встретил ли он того, кого искал?

Рита попробовала сконцентрироваться, но это странное ощущение, думать с двух сторон, иметь одновременно два тела и разума сильно сбивало с толку.

— Привет, — вдруг сказала она, смотря куда-то за спину Моррису.

Норман повернулся, но сзади никого не было, только сваленные в бесформенную кучу столы и стулья.

— Не бойся, — продолжала Рита. Мысленным взором она видела испуганного мальчика, он словно лесной олень, по недоразумению заблудившийся в центре большого города, жался к стене и оглядывался по сторонам.

— Как тебя зовут, малыш?

В ответ фигура мальчика дрогнула, на короткий миг помутнела, а затем, мужской голос в глубине слившихся сознаний отчетливо произнес: «Чип».

— Твой сын здесь, Чип. Он пришел навестить тебя.

— Мисс Босси, прошу, — затараторил Норман, — оставьте сантименты. Этот человек мертв, а у нас совсем нет времени.

Рита недовольно сдвинула брови.

— Он хочет спросить тебя, нашел ли ты того, кого искал?.. — она замолчала, вслушиваясь в тишину. — Чип говорит, что был глупым...он говорит, что встретил его на много лет раньше, чем должен был.

— Спросите, знает ли он его имя. Спросите, как он выглядит и где нам его искать. Это очень важно.

— Он говорит, что знает имя. Он сам дал его... — медсестра нахмурилась еще сильнее, стараясь уловить правильный ответ, — ... вам, Норман. Он говорит, что вы — та неопределенность, а он — просто старый дурак.

— Вот это поворот, — Генри озадаченно посмотрел на Морриса, — И что нам делать теперь?

— Не имею ни малейшего понятия, — пожал плечами Норман, — но, учитывая, что по задумке человек-неопределенность мог исправить сложившуюся плачевную ситуацию, а я определенно не знаю, как это сделать, то вывод напрашивается сам собой.

— Мы в жопе, — подвел итог Генри.

Тем временем с телом Риты начало происходить что-то странное. Она почувствовала обволакивающую, успокаивающую теплоту и одновременно с этим всепоглощающий, холодящий душу страх. Эти два противоречащих друг другу чувства слились в одно, неопределимо мощное и совершенно ей непонятное нечто. Оно, словно рассеянный луч света, постепенно сгушалось, уплотняясь и концентрируясь в одном месте, под правым виском

Бритни, под правым виском Чипа, под ее правым виском.

* * *

— Смотри, вроде в себя приходит.

Рита медленно открыла глаза и обнаружила, что Генри несет ее на руках.

— Ты как, — спросил он, — живая? Ты нас немного перепугала. Особенно Нормана, он подумал, что налажал с закорючками и нечаянно замочил тебя.

— Не стоит так драматизировать, — возразил Моррис. — Но, признаюсь, на секунду подобная мысль меня посетила. Что с вами произошло, мисс Босси?

— Не знаю, — Рита попыталась пошевелиться, но тут же отбросила эту идею. Все тело было налито свинцом, будто она только что пробежала марафон, — Где мы?

— Как где? — улыбнулся Генри. — Ищем твой телефон, мы ж обещали. Ну, ты, конечно, дала. Прямо вся задержалась, пень пустила... жуть.

Босси огляделась по сторонам и с трудом узнала в руинах помещения, через которое ее несли, приемную на первом этаже. От интерьера мало что осталось, складывалось ощущение, что в здании что-то взорвалось. От стен то там, то тут откололись массивные куски штукатурки и бетона, а та часть холла, в которой велась работа с посетителями, была попросту уничтожена.

— Куда дальше? — Генри перехватил девушку поудобнее.

Рита собрала последние силы и указала пальцем на серую деревянную дверь с надписью: «Только для персонала».

Любая рутинная смена в Бриджуотере начиналась с этой двери. Раздевалка была тем местом, где младший персонал лечебницы, надевая свою форму, превращался из обычного человека в безжалостный инструмент, с помощью которого врачи контролировали пациентов.

Подойдя поближе, Генри кивнул головой Норману, и тот, почему-то поклонившись, как обычно это делают слуги, толкнул дверь. Она с легким скрипом открылась.

— Сай? — только и успела сказать Рита прежде чем почувствовала, как крепкие руки Букера отпускают ее в свободное падение.

Раздевалка для персонала представляла собой длинный, узкий коридор без окон, с несколькими группками шкафчиков, расположенных вдоль стен. Когда Норман учтиво толкнул дверь, отделявшую служебное помещение от главного холла, он пустил в это тесное и темное место яркий поток дневного света, который тут же очертил человеческую фигуру, до боли знакомую Рите.

Саймон Мэй, санитар, пожертвовавший собой ради спасения любимой женщины, больше не был тем скромным симпатягой, которого она помнила. Два огромных следа от человеческих зубов, один на шее, а второй на щеке, являлись очагами ужасной инфекции, превратившей лицо Саймона в отвратительное месиво из гноя и волдырей.

Увидев врага Генри среагировал мгновенно. Отпустив девушку, он, словно ковбой из вестерна, ловко выхватил пистолет, испещренный странными Моррисовскими символами, направил на Саймона, не успевшего осознать, что происходит, и нажал на спусковой крючок.

Далее произошло то, что по мнению Риты (даже учитывая мутантов, зомби и

путешествие в разум мертвеца), было абсолютно невозможно. Она списала это на недопонимание из-за удара головой об пол, но все же... Пистолет Генри выстрелил, ведь именно в этом и есть его функция, вот только вместо того, чтобы оставить в теле бедолаги Саймона маленькую, аккуратную дырочку, он его взорвал. Тело Мэя раздулось будто огромный мыльный пузырь и лопнуло, при этом сминая гармошкой стоявшие по соседству шкафчики, и окатывая все вокруг отвратительной смесью из ошметков плоти и крови. Затем снова раздался звук выстрела, но только в обратную сторону, словно невидимый звукорежиссер проиграл запись задом наперед, при этом гильза, упавшая рядом с лицом Риты, как по волшебству взвилась в воздух и, сделав невообразимый вираж, вернулась в пистолет.

— Да! — довольно выкрикнул Генри. — С одного выстрела! Ты видел?

— Сейчас не время для вашей неуместной бравады, мистер Букер, — Норман нагнулся над Ритой. — Мисс Босси, вы сможете встать?

— Я попробую, — ответила она, но напрягшись, тут же поняла, что из этого ничего не выйдет. Тело категорически отказывалось слушаться.

— Понятно. Тогда скажите, где находится ваш телефон, и я с радостью его принесу.

— Тот, слева, — Рита кивнула в сторону смятых взорвавшимся Саймоном, шкафчиков.

— Хорошо. Мистер Букер, будьте добры, следите за дверью. Нас могли услышать.

— Понял, принял, — Генри перехватил пистолет поудобнее, затащил медсестру в раздевалку и, прижавшись к дверному косяку, занял боевую позицию.

Тем временем Моррис, не обращая никакого внимания на беспорядок, прошлепал по багровой луже, оставшейся от Мэя и, подойдя к искореженным шкафчикам, нашел тот, на котором была наклеена бумажка с надписью: «Р. Босси». Он дернул за ручку, металлическая дверца, истошно скрипнув, слегка приоткрылась, но не более того. Норман озадаченно хмыкнул и дернул еще раз, но его действия не возымели нужного эффекта. Рама шкафчика была настолько сильно деформирована, что не давала возможности дверце открыться до конца, оставляя лишь узкий просвет, через который можно было разглядеть заветный мобильник, лежавший в глубине верхнего отделения.

— Норми, давай быстрее, — Букер нервно махнул ему пистолетом. — Скоро здесь соберется толпа фанатов моей стрельбы.

Моррис еще несколько раз безуспешно дернул дверцу, а затем, не придумав ничего лучше, просунул в щель руку. Сперва пролазили только пальцы и их длины явно не хватало, чтобы достать до телефона, но поднапрягшись, он умудрился пропихнуть всю ладонь целиком. Дотянувшись до мобильного и крепко сжав его в руке, Норман решил одну проблему и столкнулся с двумя новыми. Во-первых, словно обезьяна, пытающаяся вытащить банан из банки, он никак не мог извлечь руку из коварного шкафчикового капкана, не отпустив при этом телефон, и во-вторых, его предположение о том, что выстрел был услышан неприятелем, подтвердилось в самой очевидной форме. По пустым, полуразрушенным коридорам Бриджуотера прокатилась волна низкого, гортанного рыка, которая могла означать лишь одно — существо, некогда бывшее заключенным по фамилии Пирс, снова вышло на охоту.

— Ты слышал? — от веселого и самоуверенного Букера не осталось и следа.

— Слышал, слышал, — Норман сцепил зубы и со всей силы потянул свободной рукой согнувшийся угол дверцы на себя, в надежде хоть немного расширить проем, но у него ничего не получилось.

— Чего ты там так долго возишься?

Моррис не ответил, он продолжал дергать погнутую дверцу в отчаянной попытке высвободить руку.

Еще один раскатистый рык содрогнул тесное помещение раздевалки и на этот раз его источник оказался гораздо ближе, чем в прошлый. Букер аккуратно выглянул в холл, но тут же зашел обратно и, стараясь издавать как можно меньше звуков, прикрыл входную дверь, погружая раздевалку в темноту.

— Рита, дорогуша, — шепотом обратился он к лежавшей на полу медсестре, — здесь есть запасной выход?

Она на секунду задумалась, пытаясь вспомнить расположение служебных коридоров, но ее сильно отвлекала багровая лужа, растекавшаяся по полу от того места где Мэй, ее недавний спаситель, превратился в кашу. Кровь с каждой секундой подбиралась все ближе и ближе, и Рита никак не могла перестать думать об этом.

— Да, — наконец еле слышно ответила она, — там дальше есть служебный коридор с кладовками и пожарным выходом.

— Отлично, тогда... — не успел он договорить, как за его спиной послышались гулкие шаги. Букер замолчал и прижался плечом к тонкой деревянной преграде, отделявшей его от незримого противника. Приставив свой служебный «Глок» к двери примерно на уровне глаз, он замер в ожидании подходящего для выстрела момента.

Норман молча наблюдал за происходящим, когда в его голову пришла идея, настолько простая и очевидная, что он поначалу не мог поверить в то, что не подумал об этом в первую очередь. Слегка провернув заблокированное запястье, он пальцами вытолкнул телефон через щель, и, подхватив свободной рукой, быстро сунул в карман безразмерной полицейской куртки.

К этому времени невидимый противник медленно протопал вдоль холла и остановился перед дверью с надписью: «Только для персонала».

Подходящий момент наступил.

— Бегите! — выкрикнул Генри и его изрисованный «Глок» снова выстрелил. Пуля легко прошла фанерную вставку, попала в левую ключицу существа, ранее звавшегося Пирсом, и взорвалась. Щепки фонтаном брызнули во все стороны. Дверь, подхваченная взрывной волной, слетела с петель и вместе с Букером рухнула в полуметре от ошарашенной Риты.

Монстр, ранее звавшийся Пирсом, дико взвыл и отшатнулся назад. Его серая костлявая конечность упала на пол, рефлекторно хватая воздух крючковатыми пальцами, а на том месте, где она была всего секунду назад, красовалась огромная рваная рана.

Во второй раз чудовище предстало перед испуганной Ритой во всей своей ужасающей красе. Полупрозрачная кожа, внутренности, не имеющие ничего общего с человеческими и глаза, бешено вращающиеся в поисках жертвы. Босси зажмурилась, как и вчера ночью, зная, что если продолжит смотреть на это неопишное нечто, то окончательно сойдет с ума, и тут же почувствовала, как Норман схватил ее за воротник уже совсем не синего медсестринского халата.

Лужа растекшегося по полу Саймона Мэя сильно уменьшала трение, заставляя ботинки Морриса время от времени проскальзывать, в то время как он сам тащил нечленораздельно мычащую Риту к выходу в служебный коридор. Букер же, быстро придя в себя, выполз из-под деревянных обломков и снова прицелился в чудовище, но на этот раз выстрел оказался

совсем неудачным. Пирс, схватив Генри за ногу, резко потянул на себя и пуля, пролетев на добрый метр выше цели, попала в потолок. Взрыв обрушил на их головы лавину бетонной крошки с пылью, полностью скрывая их из виду.

* * *

Спина просто убивала Нормана. Каждый раз, когда он делал усилие, чтобы протянуть Риту еще на два шага вперед, электрический разряд боли пронизывал все его тело от пяток и до макушки. Единственной положительной стороной было то, что Босси, кажется, потихоньку приходила в себя после неудачного слияния разумов, потому как иногда помогала, неловко подталкивая себя ногами.

Буквально вывалившись через пожарный выход на улицу, Норман про себя поблагодарил Генри за его предусмотрительность. Подъезжая к Бриджуотеру, они долго спорили о том, где лучше оставить автомобиль. По мнению Морриса, это необходимо было сделать возле парадного входа, но Букер категорически настаивал на парковке за зданием. Возможно, он предчувствовал, что им придется отступить именно этим путем, или же такое расположение автомобиля было продиктовано его тренировками в полицейской академии. Так или иначе, потрепанный и кое-где помятый «Форд» стоял всего в полутора десятках метров от пожарного выхода.

Практически теряя сознание от боли Норман из последних сил дотянул Риту до машины, открыл заднюю дверь и впихнул медсестру в отделение для арестантов. Все это время за его спиной тишину вымершего Бриджуотера нарушали короткие хлопки выстрелов и незамедлительно следовавшие за ними гулкие взрывы. Моррис не обращал на них внимания, погрузив девушку, он стиснул зубы и, упершись ладонями в поясицу, резко разогнулся. Щелчок! Боль медленно начала стихать, меняя оттенок с резких нестерпимых уколов на плавное вытягивание нервов.

Проковыляв вокруг автомобиля, Норман сел на водительское сидение, нащупал ключ, который Букер предусмотрительно оставил в замке зажигания, и повернул его. Двигатель «Форда», пару раз устало чихнув, заурчал.

— Мы что, оставим его? — контроль над телом постепенно возвращался к Рите, но ее голос все еще неуверенно подрагивал.

— Мы уже сделали это, мисс Босси. Вы не понимаете, с чем мы столкнулись. Один на один с Номо Mutata... у него нет никаких шансов.

Говоря это, Норман неотрывно смотрел на дверь пожарного выхода. Логика и опыт подсказывали ему, что нужно как можно быстрее уехать, вдавить педаль в пол и не оглядываться, но маленький уголек надежды, тлевший где-то глубоко внутри, не давал этого сделать.

— Тогда мы должны вернуться и помочь! — не унималась Рита. — Я уже могу идти сама, честно. Вы сделаете какой-нибудь фокус с фломастером, а я приложу руку куда скажете, только давайте вернемся.

Она просто не могла смириться с тем, что за последние сутки уже второй человек жертвовал своей жизнью ради ее спасения. Такой груз на душе был ей не по плечу.

— Нет. Это было бы крайне глупо с нашей стороны. Мистер Букер согласился на путешествие сюда ведомый лишь слепой жаждой подвига, — Моррис замолчал,

вслушиваясь. Выстрелы стихли, — и он ее утолил.

Несмотря на все протесты Босси, помятый «Форд» сдвинулся с места. Жалобно скрипнув, он перевалился через небольшой бордюр, проехал по газону, и, обогнув здание лечебницы, оказался на дороге у главного входа.

— Это бессердечно, мы не можем вот так просто взять и уехать, — Рита приподнялась на локтях и возмущенно сверлила взглядом плешивый затылок Нормана. — Вы бессердечный!

— Знаю, но у нас просто нет выбора, — он тяжело вздохнул и хотел было уже надавить на газ, но вовремя остановился. Его внимание привлекло еле заметное движение в зеркале заднего вида. Моррис резко повернулся всем телом, будто по какой-то неведомой причине собирался поехать не вперед, а назад, и от удивления открыл рот.

Генри Букер, слегка прихрамывая, трусцой выбежал из зияющей черноты парадного входа, осмотрелся вокруг, и, заметив автомобиль, широко улыбнулся. Его рубашка и голова были покрыты плотным слоем пыли, а правый рукав почернел от насквозь пропитавшей его крови.

На мгновение растерявшись, Норман быстро пришел в себя, включил заднюю передачу и подъехал поближе, на ходу открывая пассажирскую дверь.

— Кажется, я его немного разозлил! — Генри впрыгнул в салон. — Жми! — «Форд», тут же взвизгнув шинами, выпустил клуб белого дыма и начал стремительно набирать скорость. — Фух! Думал, не успею. Вы в порядке?

— Мы? — Моррис заливисто рассмеялся, — Генри, ты подрался с Номо Mutata один на один, остался в живых, и еще спрашиваешь нас, в порядке ли мы?

— Мне больше нравится название «светоед», и да, нужно же узнать не зря ли я там жопу надрывал. Кстати, ты только что назвал меня Генри? Неужели великий и загадочный Норман Моррис наконец признал меня как равного?

— Я подумал, что после такого...

— Он хотел тебя оставить, — усаживаясь поудобнее, вмешалась в разговор Рита. — Он собирался уехать без тебя.

— Это ничего, — Букер равнодушно пожал плечами, — Ожидаемый маневр. Я и сам до сих пор не верю, что одним куском сейчас сижу. Только рубашку жалко, в лужу упал, вся пропиталась, теперь не отстирается... Ты телефон забрал?

— Ах, да! Мисс Босси, совсем забыл, вы же очень хотели позвонить. Вот, — Норман достал из кармана куртки мобильный и просунул через решетку. — Мы вам очень признательны за оказанную нам помощь. Не каждый пойдет на подобный смелый шаг.

— Если бы я знала, что меня парализует, то хрен бы согласилась, — огрызнулась Рита.

— И, тем не менее, вы сказали «да». Хоть это и не дало нам нужных ответов, но сильно помогло, спасибо.

* * *

Небольшой козырек над главным входом в психиатрическую лечебницу Бриджуотер отбрасывал на тротуарную плитку скромную полукруглую тень. Некогда бывший пациентом этой лечебницы, а ныне являющийся ее единственным владельцем, силой взявшим себе это место, Джеральд Пирс неподвижно стоял в тени и наблюдал за тем, как автомобиль

незванных гостей, с неопишуемой наглостью ворвавшихся в его обитель, быстро удалялся. Феромоны его безмозглых подданных наполняли осенний воздух тревогой, ведь владыка был ранен подлым человеком, но Пирса абсолютно не волновало мнение жалких трутней, его исковерканный разум был полностью поглощен жаждой мести.

Сделав шаг вперед, хозяин Бриджуотера поднял свое ужасное лицо к небу, его глаза тут же превратились в два черных бездонных колодца и начали жадно поглощать свет слабеющего октябрьского солнца. Края огромной раны, оставленной странным оружием чужака, зашипели и вспенились. Процесс регенерации начался. Совсем скоро новая, сильная конечность займет свое законное место, и именно ею он втопчет жалкого человечешку в грязь.

* * *

— И что мы будем делать теперь? — задумчиво протянул Букер глядя на плотные ряды голых деревьев, проплывающие мимо. Это был скорее риторический вопрос, и он совсем не ожидал ответа на него, он даже не заметил, что спросил вслух.

— Полагаю, мы должны подвезти мисс Босси, — ответил Норман.

— Да я в общем спрашиваю, — обычно Генри раздражала странная манера Нормана воспринимать все в лоб, но после того как он впервые назвал его по имени, злиться по таким пустякам уже было глупо. — Единственный план, который у нас был, как-то быстро развалился, а нового нет. Вот я и подумал, может пора его составить?

Рита на заднем сидении нервно нажала на кнопку включения телефона (уже в четвертый раз), и, сощурившись, потеряла правый висок.

— Не знаю, Генри. В голову приходит только самое простое — набрать продуктов и забаррикадироваться где-нибудь подальше от людей.

— Ну, допустим мы так и сделаем, а потом что? Это у нас есть твои чудо-рисунки, а все остальные будут для светоедов просто пылью под ногами. И превращение всех людей на земле в прыщавых зомби еще не самый худший вариант. Гораздо веселее будет, когда какой-то бешеный генерал с доступом к красной кнопке поймет, что всему конец и решит напоследок устроить фейерверк. И я готов поставить на кон свою задницу, что такой генерал обязательно найдется. Это всего лишь вопрос времени.

— Черт, батарея села, — Рита с силой бросила телефон на сидение, зажмурилась и снова потеряла висок.

— С вами все в порядке, мисс Босси? — Норман заметил странное поведение медсестры в зеркале заднего вида.

— Нет, мистер Моррис, — она специально выделила фамилию, чтобы отчетливо подчеркнуть свое раздражение, — не все. Мои руки меня еле слушаются, я не могу позвонить родителям, а теперь еще эта чертовщина с головой. Все из-за ваших дурацких разговоров с трупом.

— Действительно, Норман, а ее так и должно было заклинить? Судороги, пена, и все такое...

— Это было довольно странно, никаких негативных последствий не подразумевалось. Я не имею ни малейшего понятия, что пошло не так, и приношу свои искренние извинения за весь причиненный дискомфорт.

— Дискомфорт? — она поежилась от боли. — Да я с ума схожу. Пока мы убегали от этого вашего светоеда, или как его там, было еще терпимо, но сейчас... Думать просто невозможно, грохот сплошной в голове. Еще этот дом...

— Дом? — переспросил Букер.

— Что? — Рита удивленно подняла глаза. Ее мысли путались в этом оглушительном шуме, волнами расходящимся из-под правой височной кости.

— Ты что-то сказала про дом.

— Ах, да. Когда я пыталась поговорить с Бритни, или Чипом... я уже совсем запуталась. В самый последний момент что-то случилось, его мысли будто взорвались. Сложно вспомнить что-то конкретное. Это как сон, сначала он был яркий и детальный, но, когда просыпаешься, все начинает быстро забываться. Единственное, что я запомнила хорошо, это образ, как будто фотография или картинка. Маленький мальчик, он держит странную игрушку, солдатику вроде, и показывает рукой на большой заброшенный дом за своей спиной. Теперь этот дом не дает мне покоя, он как навязчивая идея, все лезет и лезет.

— Не уверен, что вам станет от этого легче, мисс Босси, но я знаю о каком доме вы говорите. Мой отец рассказывал, как в детстве проводил много времени в заброшенном доме неподалеку от того места, где жил. Он называл его Храмом Фантазий.

— Да, мистер Моррис, вы правы, легче от этого не стало.

Желчи в голосе Риты было настолько много, что Генри решил во избежание зарождающегося конфликта перевести разговор в более нейтральное русло, но тут его осенило.

— Слушай, а что, если это послание от твоего отца?

Моррис на секунду отвлекся от дороги и вопросительно посмотрел на Букера.

— Ну, может он оставил в голове Риты этот образ специально? Он как бы говорит нам: «Эй, парни, вам бы стоило обратить внимание на этот клевый дом. В нем может быть что-то интересное» Послание с того света!

— Сомневаюсь. Больше походит на одно из сентиментальных воспоминаний старика о собственном детстве, перекочевавшего при коллапсе сознания в мозг мисс Босси.

— Да какая к черту разница? Я к тому, что нам все равно заняться нечем. Может, смотаемся да посмотрим? А вдруг твой старик спрятал там что-то очень важное?

— Игрушечного солдатика? — Моррис невинно улыбнулся. — В целом, я не против такого путешествия, но есть один очень важный, и я бы сказал решающий, фактор: я не имею ни малейшего понятия, где находится это место.

«Я знаю» — чуть не сорвалось у Риты, но она усилием воли вовремя себя остановила, хоть это усилие и вызвало новый приступ головной боли. Ей совсем не хотелось ввязываться в очередную переделку, особенно с этими двумя. Больше всего на свете ей сейчас хотелось попасть домой (почему-то она была абсолютно уверена, что апокалипсис, о котором говорил Генри, никак не затронул ее городок) и забыть весь тот кошмар, который происходил с ней последние сутки. Образ дома, пульсировавший в ее мозгу был явно против. Чем сильнее она подавляла его, тем больше он сопротивлялся и, набирая силу, затмевал все другие мысли, постоянно выходя на передний план.

— Ну, где папашка жил то ты в курсе? — продолжал Генри, — Вот и поколесим по округе. Вряд-ли там найдется много заброшенных домов.

— Генри, пока мы доберемся до Чикаго, там все дома станут заброшенными.

— Ой, да и хрен с ними. Намародерим себе по пути каких-нибудь вкусностей, бухла и

весело проведем последние дни в поисках неизвестно чего. Как по мне, так лучше умереть пытаясь, чем лечь кверху брюхом и ждать пока очередной светоед не сожрет тебя вместе с твоим апатичным гов...

— Ладно, ладно! — вдруг закричала Рита, обеими руками схватившись за голову, — я скажу им.

Она больше не могла терпеть шум и боль, вызываемые образом дома. Он, казалось, всеми силами хотел вырваться наружу, при этом был готов проломить тонкую стенку черепной коробки, преграждающую путь.

— Я знаю, где находится ваш дурацкий дом, — как только она сказала это, ей на удивление сразу стало намного легче. — Я не знаю адрес, но почти уверена, что смогу показать дорогу.

— Во! — радостно воскликнул Генри. — Слышал? Говорю тебе, это точно папашкин знак.

— А я все еще уверен, что простое воспоминание, — возразил Норман.

— Заткнитесь оба, — Рита ударила ногой по решетке, отделявшей ее от передних сидений, но из-за слабости удар получился больше похожим на легкое поглаживание. — Ни хрена я вам не скажу, пока мы не заедем ко мне домой и не заберем моих родителей. Если вся эта хрень про конец света правда, то я не собираюсь бросать их одних.

— Само собой, мисс Босси. Мы бы ни за что не...

— Здесь на лево, — прервала она Морриса, командирским тоном, которым обычно говорила с непослушными пациентами, — и как попадем на восьмидесятую, минут десять пути.

Норман, прислушался к своему инстинкту самосохранения, кричавшему, что лучше не спорить с этой женщиной, и тут же заткнулся. Послушно выполняя все указания угрюмой медсестры, он развернул полицейский «Форд», выехал на развязку восьмидесятой автострады и повернул на запад.

Неловкое молчание сохранялось в автомобиле не более пяти минут, пока Букер наконец не сдался и не ляпнул: «Так ты чего, с родителями живешь?»

— Нет, это они со мной живут, — огрызнулась Босси, — и вообще, не твое собачье дело, кто с кем и чего. Устроили тут свои апокалипсисы...

— Полегче, дорогуша, я просто спросил. Тем более, лично мы ничего не устраивали. Если ты не заметила, мы пытаемся все исправить, так что будь добра...

Он не договорил, потому, что не знал, как закончить. У этой перепуганной девчушки были все основания злиться и Генри прекрасно это понимал. Он тоже поначалу был зол на Нормана. В полицейском участке он даже пару раз незаметно его пнул в отместку за то, что тот так бесцеремонно разрушил рутинную и предсказуемую жизнь, к которой Генри уже успел привыкнуть. Всем страшно выходить из зоны комфорта, а уж если тебя из нее выдергивают силой, да еще и отбирают всякую возможность вернуться обратно, тут уж не до спокойствия.

Пока Букер размышлял о философской подоплеке конца света, «Форд» пронесся под большим дорожным знаком с надписью: «Исторический округ Бруквиль»

Во второй половине дня небо затянуло плотной стеной почти черных, полных влаги туч. В глубине этой бесформенной массы то там, то тут вспыхивали огни молний, предвещая сильную грозу. И когда первые крупные капли дождя, наконец, обрушились на землю, Букеру это совсем не понравилось.

— Мне это совсем не нравится, — пробурчал он, съезжившись на пассажирском сидении и крепче перехватив зонтик, который постоянно норовил вырваться на волю, подхваченный потоками встречного воздуха.

Казалось бы, ехать в автомобиле с зонтиком в руках — очень странное занятие, но только не тогда, когда из крыши этого самого автомобиля вырван довольно крупный кусок, а снаружи льет как из ведра.

— Ты можешь пересесть назад, — ответил Норман.

— Нет, — отрезала Рита, — он наказан и остается сидеть там, где сидит.

Все снова замолчали. Капли дождя барабанили по остаткам крыши и, ведомые потоками воздуха, собирались в тонкие струйки. Затекая через дыру в салон, они капали на зонтик, к счастью Букера оставленный его ныне покойным напарником в бардачке, и, скользя по водостойкой ткани, стекали под ноги. Время от времени, Генри на ходу открывал свою дверь и неловко вычерпывал собирающуюся под ногами воду. К слову, пассажирская дверь тоже была не в лучшем состоянии, как и весь «Форд» в целом. После короткого визита в родной город Риты, Бруквиль, на нем добавилось еще несколько крупных вмятин и две дыры, одна в крыше, а вторая в переднем крыле, со стороны водителя. Иногда, когда автомобиль подпрыгивал на очередном ухабе, изогнутый край остатков крыла начинал тереться о шину и та в ответ жалобно скрипела.

— А я все равно не согласен, — возразил Букер, перегоняя ботинком воду через порожек на улицу, — Тебя предупреждали, что так будет. Норман тебе еще в больнице сказал, что шансов очень мало. Но нет, не хочу слушать умных людей, хочу лезть в самое пекло. Сколько население твоей деревни, две тысячи, три? И все против нас. Что мне оставалось делать?

— Можешь даже не пытаться. Убил моих родителей — сидишь мокрый.

На удивление, Рита умудрялась сохранять хорошее расположение духа, несмотря на то, что каких-то полчаса назад она собственными глазами видела, как Генри превратил ее пожилых отца и мать в кровавое месиво, при этом продырявив крышу «Форда». А еще она видела, что люди, которые растили ее, воспитывали, меняли подгузники, провожали в школу, и были ей дороже всего на свете, вместе с остальным малочисленным населением Бруквиля превратились в безмозглых, покрытых волдырями, зомби.

— И вообще, уж кого здесь и надо жалеть, так это меня, — Генри с раздражением топнул ногой по лужице и захлопнул дверь.

— Это почему еще?

— Да потому, что у тебя хотя бы были родители. Вон, даже у Нормана они были. Правда, папаша его оказался сумасшедшим путешественником во времени, а мамашу он заживо в собственной квартире замуровал, но все-таки они были. А я вот, например, детдомовский и как конец света, так мне спасать некого. Приходится всех подряд...

— Ой, ой, ой, — Рита изобразила поддельный плач и кулаками потерла глаза, будто вытирает слезы, — Развел тут мелодраму. Родителей у него не было... Зато тебе нечего терять, некого оплакивать.

— Будьте так любезны, — Норман отвлекся от дороги, которую за сплошным потоком

разбушевавшегося дождя было уже практически не разобрать, и бросил строгий взгляд сначала на Букера, а затем на Босси, — прекратите ссориться. Ведете себя как малые неразумные дети. Мисс Босси сказала верно, Генри не может понять горечь ее утраты, потому, что не имел того, что было у нее. Но в свою очередь она сама должна понять, что он стрелял не в людей. Судя по состоянию их тел, болезнь одержала над ними верх, и это она причина утраты. А теперь, попросите друг у друга прощения и не мешайте мне вести автомобиль. Дорогу плохо видно, коэффициент полезного действия нашего единственного дворника крайнем мал.

Пристыженные Моррисом, спорщики замолчали, выжидая, кто же первым сделает такой сложный шаг. Им оказался Генри.

— Ладно, — промямлил он, не выдержав томительной тишины, — прости, что застрелил твоих родителей.

Рита немного поколебалась, а затем просунула в решетку, отделявшую заднее сидение, мизинец.

— Хрен с тобой, Букер. На следующей заправке можешь пересечь ко мне. Но не раньше.

— Спасибо, — он кивнул и пожал своим мизинцем ее, так как обычно это делают дети.

— Мне любопытно, Генри, — видя, что конфликт сошел на нет, вмешался в сакральный акт примирения Моррис, — почему ты скрывал что рос без семьи?

— Почему скрывал? — удивился Букер, — Ты не спрашивал, а мне как-то было не до этого. Или ты думал, что я с наскока заору: «Норман Моррис, вы арестованы! Кстати, я детдомовец»?

— Когда ты рассматриваешь ситуацию под таким углом, я вынужден сказать — нет.

— Да не парься, это же у тебя спасение мира — дела семейные и все вокруг тебя и твоего шизанутого папашки вертится, а я так, под шумок, кусочек славы урвать хочу, вот и все.

— Может вы и меня посвятите в эту историю со спасением мира? — раздался уже привычный раздраженный голос Риты. — Если мне придется встретить конец света в вашей компании, а выбора у меня, судя по всему нет, то хотелось бы, наконец, узнать кто вы, черт вас дерит такие, и почему все так непонятно?

— О, дорогуша, — Генри повернулся к ней и хищно улыбнулся, — это просто улетная история. Норми, можно я расскажу, а?

— Раз ты настаиваешь... Но, зная твою любовь к приукрашиванию, мне предстоит постоянно корректировать версию событий.

— Да и хрен с тобой. Короче, вся эта катавасия началась с пришельцев...

* * *

Капли дождя молотили по серой, полупрозрачной коже Пирса, но он не обращал на них никакого внимания. Ему не было холодно, это чувство было атавизмом и отмерло вместе с личностью первого владельца этого тела. В новом Пирсе не осталось ничего от того мужчины, который в приступе бреда задушил собственную дочь. Новый Пирс даже не знал, что такое «дочь», это понятие тоже отмерло за ненадобностью, ведь половое размножение не входило в список функций его выносливого и сильного тела. Единственным чувством,

хоть как-то связывавшим его с человечеством, была жажда мести. Она полностью заполнила его, в каком-то смысле примитивное, сознание.

Помогая себе свежей, еще не до конца сформировавшейся конечностью, новый Пирс, со скоростью бегущего за антилопой гепарда, преодолевал одно фермерское поле за другим. Он выслеживал добычу. Даже через плотную стену воды Пирс отчетливо слышал этот отвратительно резкий и настырный запах чужака, лишившего его руки, эту вонь, заставлявшую его забыть обо всем на свете и идти только вперед. Он шел по кричащему следу и знал, что рано или поздно нагонит человека, а когда это произойдет — отомстит.

Часть девятая

Ужин

— Привет, мистер, — Стэн дружелюбно протянул вперед руку, при этом второй крепко держась за лямку рюкзака. Глухая подворотня, да еще и вечером пятницы — не самое приятное место, в котором хотелось бы оказаться, поэтому нужно было держать ухо в остро. — Как ваши дела?

Бездомный, казалось, не расслышал приветствия, он, перегнувшись через край большого мусорного бака, рылся в груде пищевых отходов в поисках пропитания.

— Эй, мистер, — Стэн, настороженно озираясь по сторонам, подошел еще на пару шагов ближе, — можно с вами поговорить?

Бездомный снова проигнорировал незнакомца и продолжил активно выкидывать на асфальт один за другим объемные черные пакеты. Некоторые из них в полете рвались, рассыпая вокруг свои мусорные внутренности.

Видя, что доброжелательность не оказывает нужного эффекта, Стэн решил попробовать другой, более прямой подход.

— Есть хотите? — спросил он и это подействовало.

Услышав, что разговор зашел о еде, бездомный тут же вынырнул из бака.

— Хочу!

* * *

— Говорю тебе, Синди, он — то что нам нужно, — Стэн протянул сестре мобильный, на экране которого была открыта фотография бездомного, сидящего на тротуаре возле какого-то забора.

— Ты уверен? — она мельком взглянула на фото, — Как по мне — обычный бомж.

— Можешь назвать меня сумасшедшим, но я больше чем на сто процентов уверен, что это оно, просто сердцем чую.

— Ты так и в прошлый раз говорил, а просмотры все продолжают падать. Я бы лучше вернулась к старому формату. Блог он и в Африке блог, привычный, понятный, а главное, приносящий стабильные деньги. Согласна, что маловато, но иногда лучше маловато и каждый день, чем непонятно сколько и неизвестно, когда.

— Дай мне последний шанс, вот увидишь, люди станут смотреть. Не могу сказать откуда, но я точно знаю, что у него припрятана парочка безумных историй из прошлого. Людям они понравятся, гарантирую.

Синди еще раз взглянула на фотографию, чтобы понять, что же так зацепило ее брата. Качество было не ахти, да и расстояние далековато, так что никаких подробностей разглядеть не удавалось, но в общих чертах бездомный был вполне среднестатистическим, ничего выдающегося.

Синди очень хотелось верить, что у Стэна есть этот редкий талант — видеть в людях потенциал, ей хотелось верить, что у ее непутевого брата есть хоть какой-то талант, и, несмотря на то, что он уже не в первый раз своими выходками подставлял ее, она все же согласилась.

— Ладно, но это твой последний эксперимент. Если не зайдет, будем снимать по моему.

— Договорились! — Стэн чуть не подпрыгнул на месте.

Синди была расчетливой частью их дуэта и обычно неохотно соглашалась на авантюры. С тех пор как у него возникла идея брать интервью у Нью-Йоркских бездомных, она всячески тормозила эту затею, объясняя тем, что если бы людям было дело до бомжей, то те бы не были бомжами. Но Стэн не оставлял попыток.

— И какой на этот раз план засел в твой странной башке? — спросила Синди, возвращая брату мобильный.

— Мы поведем его в ресторан! — самодовольно продекламировал Стэн.

На секунду Синди потеряла дар речи, а затем разразилась таким потоком брани, какому мог бы позавидовать любой портовый грузчик.

— Повтори-ка еще разок, — немного успокоившись, решила уточнить она, — ты хочешь ЧТО?

— Синди, расслабься, я все продумал. Мы возьмем с собой камеру с диктофоном, договоримся с администратором, чтобы нас посадили куда-нибудь в угол, подальше от основной массы посетителей, чтобы никому не мешать, и пусть ест.

— Ест? Ест?!! С какого хрена я должна кормить непонятно кого, да еще и в ресторане? Мы с тобой что, миллионеры?

— Да пойми же ты, — Стэн нервно потер переносицу, — испокон веков все важные разговоры начинались с еды. Когда люди едят вместе, они подсознательно начинают доверять друг другу и плюс к этому, сытый человек — спокойный человек. В таких тепличных условиях он расскажет все, что захочешь, любую грязь, которую только сможет вспомнить. Главное — не выключать камеры.

* * *

— Это какой-то прикол? — бездомный с подозрением смотрел на протянутый ему чехол из плотного полупрозрачного пластика.

— Нет, все вполне серьезно. Возьмите, — Стэн подошел еще ближе и буквально вложил чехол в руки бродяги. — Он мог слегка помяться, я нес его в рюкзаке, но думаю, что это не страшно.

Бездомный недоуменно провел пальцами по шероховатой поверхности, будто пытаясь понять, что же скрывается за мутным слоем пленки, затем медленно расстегнул молнию и извлек на свет (если полумрак вечерней подворотни можно назвать светом) содержимое чехла. Это был костюм, черного цвета в тонкую белую полоску.

— Мне его родители подарили, когда я школу заканчивал, а я ненавижу пиджаки. Но ради них один раз все-таки надел, на выпускной бал в нем пошел, было дико неудобно. Не понимаю, как только люди в таких ходят?

— Спасибо, — только и смог ответить бездомный, прикладывая одежду к себе и проверяя подходящий ли размер.

— Я знаю, что скоро зима, — продолжал Стэн, — и обычный пиджак не особо поможет, но, откровенно говоря, в вашей нынешней одежде вас в ресторан вряд ли пустят.

— Ресторан? — переспросил бездомный.

— Ну да, — Стэн показал пальцем на стену здания, у которой стояли мусорные баки, — «Чарльтон», так он называется. В нем вкусно готовят, по крайней мере, я так слышал, но это, знаете ли, приличное заведение и вы своим видом, простите за прямоту, будете смущать посетителей.

— Это какая-то ошибка, — бездомный протянул костюм обратно, — не знаю, что вам про меня наговорили, но я такими вещами не занимаюсь. Хотите острых ощущений, идите к докам, там много желающих отсосать за еду.

— Отсо... что? Нет, господи, о чем вы? — Стэн заливисто рассмеялся, — Ничего подобного и в мыслях не было. Вы меня не так поняли. Как вас зовут?

— Бритни, — настороженно буркнул бездомный.

— Как? Бритни? Это не женское имя? Ладно, не важно. Бритни, меня зовут Стэн Филлипс, я видеоблогер, зарабатываю на жизнь, снимая видео. Я дарю вам этот костюм, можете забрать его вне зависимости от продолжения нашего разговора, он ваш. Считайте это актом доброй воли. А теперь к делу. Я предлагаю вам сейчас бесплатный ужин в ресторане, все что захотите, в рамках разумного. Я человек не богатый, так что не расходитесь. В обмен хочу, чтобы вы разрешили снять про вас видео.

— Про меня?

— Да, историю вашей жизни, так сказать. Моя сестра уже договаривается с администратором ресторана и проблем быть не должно, но решать вам придется прямо сейчас.

— Согласен, — тут же закивал Бритни. Улицы научили его одному нехитрому правилу: «Дают — бери, бьют — беги», и пока работала первая половина — стоило пользоваться.

— Вот и отличненько.

Стэн скинул свой рюкзак с плеча и извлек из него небольшую видеокамеру. Развернув экранчик так, чтобы ему было видно кадр, он направил объектив на себя и начал.

— Привет Нью-Йорк, меня по-прежнему зовут Стэн и это пилотный выпуск моего нового проекта: «Истории Большого Яблока». Часто жители нашего славного города, и я в том числе, сталкиваются с людьми, вынесенными на обочину жизни. Некоторые называют их бездомными, другие — бродягами, а особо грубые личности — бомжами. Мы каждый день невольно становимся свидетелями того, как эти брошенные обществом бедолаги ведут непрекращающуюся борьбу за жизнь в дебрях суровых бетонных джунглей. Но задавались ли вы когда-нибудь вопросом, как так вышло? Каким образом человек может лишиться всего и оказаться без крыши над головой? Если нет, то стоило бы, ведь это может произойти с каждым, как говорится «от сумы и от тюрьмы», — Стэн на секунду замолчал, обдумывая свои следующие реплики, — «Истории Большого Яблока» ставит своей целью окунуться в этот безжалостный мир холода голода и отчаяния. Я собираюсь узнать, какие жизненные повороты и вывихи судьбы привели наших гостей к самому дну. И позвольте познакомить вас, дорогие зрители, с нашим первым рассказчиком, — он навел объектив на Бритни, — Представься, пожалуйста.

— Чип, — бездомный неловко помахал свободной рукой, — Чип Дуглас.

Стэн опустил камеру.

— Стоп, вы же сказали, что вас зовут Бритни?

— Это агентурная кличка. Длинная история, не обращай внимания.

— Нет, нет, длинные истории — это как раз то, что мне нужно. Приберегите ее на потом.

Как только Синди зашла в помещение ресторана, она тут же наткнулась на приветливое и хищно улыбающееся лицо хостес. Девчушка была одета в красную форменную жилетку с черными вставками по бокам, а слева на груди у нее висела небольшая отполированная табличка с именем Нэнси.

— Добрый вечер, — бархатным голосом почти прошептала она, — вы заказывали столик?

От неожиданности Синди слегка растерялась. Они с братом были детьми далеко не самой богатой семьи Нью-Йорка и раньше ей не доводилось бывать в такого рода заведениях. Ее уровнем были скорее забегаловки в стиле КФС или Сабвея, но это место — совсем другое дело. Высокие потолки с пышными витиеватыми люстрами, приглушенный теплый свет, который явно был призван успокаивать клиентов и настраивать их на прием пищи, витринные окна, наполовину прикрытые массивными темными шторами, чтобы унылая серость улицы не могла нарушить местную идиллию. Просторный длинный зал буквально шептал на ухо: «Здесь безопасно, тихо и уютно. Присядь, отдохни и выбери в бесконечном меню все, что тебе заблагорассудится».

— Мэм, могу я вам чем-нибудь помочь? — полусшепот хостес вывел Синди из ступора.

— А? Да, можете. У вас есть свободное место на троих, желательно где-нибудь потише и подальше?

— Вы знаете, вам повезло, обычно у нас все занято и людям приходится заказывать столик заранее, — в голосе Нэнси отчетливо читались нотки самодовольства, будто популярность ресторана, это лично ее заслуга, — но сегодня большая компания в последний момент отменила свою бронь. Прощу за мной.

Девушка ловко извлекла из тумбы у входа меню и юркнула вглубь зала. Синди слегка замешкалась, а затем, тихо чертыхнувшись, засеменила следом.

Аккуратные круглые столики стояли довольно плотно, но это явное стремление администрации к эффективному использованию помещения никак не отражалось на общем тоне и настроении. Декоратор, а он точно приложил руку к этому месту, мог не беспокоиться о том, что зря получает свою зарплату.

Не поспевая за юрко снующей между столами хостес, Синди то и дело спотыкалась о чей-нибудь стул или задевала кого-то сумкой, при этом постоянно извиняясь. Эта странная погоня выводила ее из себя, но больше всего ее и без того хмурое настроение портило навязанное чувство собственной неполноценности. Ей казалось, что все эти люди в дорогих костюмах и платьях, перед которыми она просила прощения за свою неловкость, смотрят на нее снисходительно, будто она не посетитель, а прислуга, по глупости забывшая свою красно-черную униформу дома. А еще, с каждым новым шагом, с каждым новым метром, отдалявшим ее от выхода из этого, сочащегося напыщенностью места, она все больше осознавала, сколько денег придется оставить за местную переоцененную еду.

— Прощу, — Нэнси положила толстое меню на хорошо накрахмаленную бежевую скатерть. — Надеюсь, достаточно тихо и далеко?

— Да, спасибо, меня устроит.

— Тогда, присаживайтесь, сейчас официант к вам подойдет.

— Погодите, — Синди остановила уже собиравшуюся уходить хостес, — Скоро должны

подойти мой брат с... — она запнулась, пытаясь на ходу придумать правдоподобную историю, — с одним человеком. Этот человек довольно известен в очень узких кругах, и мы бы хотели взять у него интервью.

— Интервью? — переспросила хостес.

— Да, у нас будет небольшая видеокамера, надеюсь, никому мы не помешаем.

— Странно, обычно о таких вещах договариваются заранее.

— Извините, — начала оправдываться Синди, — но мы не рассчитывали, что его график так сильно сместится. Пришлось выкручиваться.

— Понимаю. Ну, хорошо, только, пожалуйста, не снимайте наших посетителей. Люди приходят сюда, чтобы поесть и отдохнуть, так что не стоит причинять им лишнее беспокойство.

— И еще одно, этот человек весьма экстравагантен и может выглядеть немного странно.

— Спасибо, что предупредили, — хостес улыбнулась своей дежурной улыбкой, и с привычной ловкостью юркнула между столиками к выходу.

* * *

— Ну как? — спросил Стэн, стоя спиной к мусорному баку, за которым переодевался бездомный.

— Штаны коротковаты, — ответил тот, выходя под тусклый свет уличного фонаря.

Брюки были действительно коротки, они не дотягивались до изодранных и повидавших виды кроссовок на добрых десять сантиметров, выставляя напоказ носки и лодыжки. Зато пиджак пришелся как раз впору, будто специально был подогнан опытным портным.

Стэн повернулся и окинул оценивающим взглядом Бритни. Не то, чтобы он остался недоволен, по сравнению с тем, как бездомный выглядел пять минут назад разница была разительной, но персонал ресторана все равно мог придраться.

— Мда, думаю, сойдет. Будем надеяться, что нас пропустят без проблем. Последний штрих, — он достал из рюкзака пузырек с духами, которые Синди купила себе на прошлый день рождения, и обильно опрыскал Бритни, затем снова навел на себя камеру. — Ну что же, дорогие зрители, вот и настал час Ч. Наш рассказчик переоделся и теперь мы попробуем провести его в ресторан. Надеюсь, сестрица придумала хорошую отмазку, и нас не развернут на входе.

Стэн добродушно подмигнул бездомному, и они вместе вышли навстречу улицам Нью-Йорка.

* * *

— Добрый вечер, — хостес Ненси улыбнулась своей натренированной хищной улыбкой. — Вы заказывали столик?

— Нет, — замотал головой Стэн и через ее плечо заглянул в глубину зала, — но моя сестра уже должна быть где-то здесь.

— Ах да, меня предупредили, что вы придете, — она перевела взгляд на Бритни и улыбнулась еще шире. — Полагаю, это ваш гость? Мы рады приветствовать вас в

«Чарльтоне», добро пожаловать, и, надеюсь, вам у нас понравится. Прошу, идите за мной.

Стэн удивленно пожал плечами и, подталкивая замешкавшегося бездомного в спину, повел его по следам юркнувшей между столиков хостес. Увидев издалека свою сестру, он в одобрительном жесте показал ей большой палец. Место было выбрано просто идеально. Освещения достаточно для того, чтобы камера не смазывала картинку, и в то же время гул постоянно переговаривающихся посетителей остался за углом барной стойки.

— Прошу, присаживайтесь. Приятного отдыха, — Ненси еще раз блеснула отбеленными зубами и исчезла.

— Ну, наконец-то. Почему так долго? — Синди хотела было начать ругать брата за медлительность, но унюхала исходивший от бездомного запах. — Это что, мои духи? Ты облил его моими духами?

— Конечно. Он только что из помойки и даже твоя жи-хрен-его-пойми-ванши с трудом забивает вонь. — Стэн показал Бритни на стул. — Извините за прямоту, садитесь.

— Да ничего страшного. Я привык.

— Кто тебе вообще разрешал их брать? Мне их мама на день рождения прислала!

— На войне все средства хороши. После обсудим.

— Уж будь уверен, — злобно прошипела Синди.

Пока Стэн подбирал хороший ракурс для съемки, к ним подошел официант.

— Добрый вечер, меня зовут Карл, и сегодня я буду вас обслуживать. Вы уже готовы что-то заказать или желаете посмотреть меню?

— Мы только пришли, так что пока...

— Карл, — уверенно перебил Стэна Бритни, — принеси-ка нам всем по порции вашей замечательной лазаньи. Слышал, у вашего повара она выходит просто пальчики оближешь.

— Это действительно так, — с показной гордостью кивнул официант. — Замечательный выбор. Не желаете ли чего-нибудь выпить, пока ожидаете блюда?

Бритни на секунду замер, всматриваясь в закрытую дверь кухни, а затем, словно выйдя из глубокой дремы кивнул.

— Да. Один бокал темного моему другу, — он показал пальцем на Стэна, — дама предпочитает виски с колой и двумя кубиками льда, ну а я, пожалуй, хлебну минеральной воды без газа.

— Сию секунду, — судя по тону, официанту понравилась решительность гостя, — Меню оставить?

— Нет, можете унести, но далеко не прячьте, оно скоро нам понадобится.

Карл быстро собрал небольшие книжечки в шикарном кожаном переплете в стопку и удалился, оставив близнецов Филлипс молча переглядываться в недоумении.

— Вы что, бывали здесь раньше? — наконец выдавил из себя Стэн.

— Конечно, — наивно улыбнулся Бритни, — каждую среду в их помойке подъедаю.

— А откуда вы знаете, что я люблю виски с колой, и уж тем более с двумя кубиками льда? — Синди определенно что-то не нравилось в этом бездомном. Непонятно почему, но он казался не тем, за кого себя выдает и это очень сильно ее раздражало.

— Мне кажется, — Бритни вальяжно откинулся на спинку стула, — что интервью уже началось, а ваша камера все еще выключена. Так и должно быть?

— Ах да, — Стэн мысленно пнул себя за нерасторопность, и достав из рюкзака раскладной штатив, установил его по правую руку от сестры. Затем он закрепил на нем камеру так, чтобы в кадр попадали только лицо бездомного и часть стены позади. — Почти

готово, — он извлек из кармана джинсов диктофон и, включив, положил в центре стола. — Все, теперь можно приступать.

— И что я должен вам рассказать?

— Да в принципе все, что посчитаете интересным. Время от времени я буду задавать наводящие вопросы, но в остальном вы — хозяин истории. Есть только одно правило — не врать.

— Об этом, Стэнли, можешь не волноваться, я никогда не вру.

— Ага, — вклинилась в разговор Синди, — все вруны так говорят.

— Нет, серьезно. Я никогда не вру, физически не способен.

— Это как? — переспросил Стэн, пододвигаясь поближе.

— Ну, каждый раз, когда я хочу сказать неправду, второй берет верх и не дает мне этого сделать.

— А второй это?.. — вопросительно протянула Синди.

— Ох, — Бритни тяжело вздохнул, предвидя долгие и утомительные объяснения, но так как он сам согласился на эту беседу, то пришлось смириться. — Видите ли, так уж вышло, что по меркам психиатрии этого времени я — сумасшедший. Вот у вас в голове живете только вы, а у меня есть сосед, или напарник, если хотите. Правда, раньше он мог говорить, но после Вудстока замолчал. Теперь только картинками общается, а их иногда бывает так трудно понять...

— Вы были в Вудстоке? — это был один из обещанных наводящих вопросов Стэна.

— Да, был. Мне тогда было шестнадцать. Не самое лучшее время в жизни, так вам скажу. Я был замкнут, напуган, весь мир тогда казался мне одним большим охотничьим угощем, а все вокруг — охотниками. Но потом я познакомился с ней... — глаза Бритни заволокла пелена приятных воспоминаний. — Ее звали Ева, Ева Моррис. Она была просто прекрасна. Высокая, стройная как пруттик, с пышными, угольно черными волосами и личиком как у сказочной принцессы.

Все эти хиппи в своих грязных потрепанных халатах, собравшиеся на концерте, только и делали, что слушали музыку и обдалбывались всем, что только могли найти, а найти там можно было практически все. Они называли себя детьми цветов, но, в сущности, были их удобрением. Но не она. Ева была поистине чудным созданием, и родство с цветами ей куда более подходило, чем всем остальным.

— Как вы познакомились? — вставил палку в, уже начавшее раскручиваться, колесо повествования Стэн, он очень не хотел этого делать, потому как боялся упустить какой-нибудь сочный момент, но времени у них было в обрез и необходимо было сократить всю ненужную болтовню до минимума. Оправданный риск.

— Хм, — Бритни задумчиво потер подбородок, — Сложно вспомнить точные детали, я тогда отходил от солидной дозы успокоительного. Помню только, что потерялся в толпе, и мне было жутко страшно. Я бродил между людьми, не понимая где нахожусь, и тут, вдруг, почувствовал, как меня обнимают. На фоне всего того, что со мной тогда происходило, это был просто глоток свежего воздуха. Видимо, Ева заметила меня и поняла, что мне нужно.

— Вы удивительно складно говорите, как для сумасшедшего бездомного, — Синди следила за каждым движением этого странного типа, пытаясь найти хоть малейшую зацепку. Она знала, что он их дурит, но как, и зачем, пока еще понять не могла.

— Простите ее бестактность, — принялся извиняться за сестру Стэн, но Бритни его опять перебил.

— Ничего страшного, я целиком согласен с ее претензией. Верите или нет, но до встречи с Евой я говорил очень плохо. Настолько плохо, что школьный психолог диагностировал у меня аутизм.

— И куда же он делся? — продолжала наседавать Синди.

— Кто, психолог? — Бритни хихикнул. — Сейчас нам подадут напитки, и все узнаете.

— Прощу, — раздался возле уха Синди вкрадчивый голос официанта, и она от неожиданности чуть не вскочила со стула, но вовремя подавила в себе этот порыв. — Темное пиво для молодого человека. Минеральная вода вам. И для дамы — виски с колодой.

Карл поставил на стол перед Синди небольшой стакан, наполненный темным коктейлем, в котором плавали два кубика льда и у нее снова побежали мурашки. Ну не мог человек угадать такие подробности, просто не мог.

— Через пять минут будет готова лазанья, — бросил напоследок официант и удалился.

— Так, на чем я там остановился? Ах да, аутизм... На самом деле школьный психолог ошибся и никакого аутизма у меня не было, но что-то с моим котелком определенно было не так. Я тогда сам мало чего понимал, а после того как попал в Вудсток в голове совсем все перемешалось. Знаете, как оно бывает? В молодости жизнь кажется плотной, стянутой в точку. События, люди, переживания, все такое быстрое и яркое. А потом, с возрастом начинаешь потихоньку попадать в ритм и разбираться в себе прошлом, смотреть на себя в ретроспективе и удивляться, как много всего упущено, не замечено... Эх, что-то я в дебри залез. Короче говоря, меня накормили галлюциногенными грибами.

— Грибами? — переспросил Стэн.

— Да, — кивнул Бритни, — псилоцибиновые грибы, маленькие такие, черненькие. После странного, но приятного знакомства с Евой, я сразу почувствовал, что она мой родной человек. По правде сказать, это первый раз, когда я испытал такие чувства. Мой отец был не самым хорошим парнем и все детство я провел один, в заброшенном доме, играясь в куклы, так что... Ох видели бы вы эти куклы, — он снова хихикнул, — Ну да, о чем это я? Короче говоря, я уже тогда знал, что у меня с этой девушкой есть будущее и оно будет светлым. Она тоже чувствовала что-то подобное, ну или просто была под кайфом, но так или иначе, вечером она пригласила меня в свою палатку. Естественно, я согласился. А дальше все было просто. Сначала она сказала, что ее волнует моя аура, что мне нужно побороть внутренний конфликт, иначе я скоро заболею и умру, а потом, вдруг, предложила мне чашку чая. Будь я тогда в трезвом уме и чуть постарше, то, скорее всего, отказался бы, но все происходило так быстро... Короче, чай был грибной. Не знаю, сколько она туда накидала, но вставило меня тогда не по-детски. Не сказать, что для меня видения были чем-то неизвестным, но это был явно новый уровень. Все стало таким разноцветным и объемным, контуры предметов все время шевелились, и мир стал похож на картины авангардистов.

Бритни на секунду замолчал, вслушиваясь в монотонный гомон других посетителей «Чарльтона» и вдруг из-за дверей кухни раздался еле слышный звук бьющейся керамики. Он был настолько тихий, что расслышать его удалось лишь бездомному и близнецам, бравшим у него интервью.

— К удаче, — по привычке сказал Стэн.

— К ней самой, — хитро улыбнулся Бритни и продолжил рассказ, — Я был не в себе почти восемь часов. Ева потом долго извинялась передо мной, она не могла представить, что я окажусь таким чувствительным к наркотику. А мне тогда было плевать, у меня действительно был внутренний конфликт. В трипе я улетел в астрал, ну или мне так

казалось, и сразился со своим вторым я, с тем парнем, что все это время сидел в моей голове и мешал мне думать, говорить, жить. Саму драку я плохо помню, да и такие подробности, наверное, неважны, ведь это всего лишь грибы с их шуточками, но вот, что важно, на утро я проснулся совсем другим человеком, обновленным и усовершенствованным. Я пришел к согласию со своим соседом по черепной коробке, договорился с ним, и мы распределили сферы влияния, чтобы не мешать друг другу. Вот так, Синди, я и научился складно говорить.

— И все же, аутизм или раздвоение личности? — Синди, ослепленная жаждой вывести шарлатана Бритни на чистую воду, совсем не обратила внимания на то, что он назвал ее по имени, хоть она и не представлялась.

— В сущности, ни то, ни другое, — самодовольная улыбка не сходила с лица бездомного. — Как я уже сказал, диагноз аутизм был простой ошибкой молодого и неопытного специалиста, а вот с соседом в голове все гораздо сложнее. Что бы лишний раз не путать вас терминологией, давайте сойдемся на том, что я просто чокнутый бомж.

Синди хотела было отпустить колкость по поводу того, что она вовсе не против такого прозвища, и про себя уже давно нарекла им своего собеседника, но тут к столику подошел официант.

— Ваша лазанья, — каким-то потерянным голосом продекламировал он и принялся сервировать стол.

— Что-то случилось, Карл? — озабоченно спросил Бритни, но в его глазах все еще отчетливо читалась хитрая ухмылка. — Мы слышали шум на кухне.

— Что? — официант вздрогнул, но быстро опомнился и продолжил сервировку. — Ах это. Все в порядке, вам не о чем волноваться. Прошу, — разложив все по своим местам, как того требовали правила этикета, он выпрямился и перехватил поудобнее круглый поднос, — Приятного аппетита.

В действительности, дела на кухне находились в состоянии, которое было довольно далеко от слова порядок.

Один из посетителей, парень, занимавший столик ближе к центру зала, и подозрительно похожий на одного довольно известного кулинарного критика, пожелал насладиться запеченной в горшочке картошкой, и это, со стороны кажущееся безобидным, желание запустило сложную цепочку событий.

Карл, которому по случайному стечению обстоятельств достался столик с ненастоящим критиком, принял заказ и, стараясь сохранять самообладание, отправился на кухню. Там, передавая заказ шеф-повару, он уточнил, что гость особый и требует особого подхода. Шеф отнесся к поставленной задаче с полной серьезностью, словно это был вызов на дуэль, и приказал своей помощнице Кэррол, той, на которую возлагал большие надежды и кому доверял больше всего, принести из кладовой все горшочки, которые имелись у них в наличии. Он собирался выбрать идеальный, чтобы внешний вид блюда не портил его внутреннюю красоту. Взволнованная Кэррол пулей метнулась в кладовую и, собрав в охапку все десять горшочков, побежала обратно. Сказать, что это была плохая идея — не сказать ничего, но Кэррол всегда сильно волновалась, когда получала указания от самого шефа, и это волнение совсем не помогало ей думать.

Не видя, куда бежит, бедняжка Кэррол зацепилась бедром за приоткрытую дверцу духовки и рухнула на пол. Мириады осколков, под грохочущий аккомпанемент бьющейся керамики, брызнули во все стороны. Один, самый крупный, под давлением пышных грудей, впился ей в запястье, прорезая кожу, как горячий нож прорезает масло. Кровь алой струей

потекла по белоснежной напольной плитке, отвлекая на себя внимание персонала «Чарльтона». Другой же осколок, гораздо меньше того, что отправил бедняжку Кэррол в больницу, отскочив от стены, упал прямым в одну из трех порций уже приготовленной к тому времени лазаньи.

Так, благодаря общему замешательству и подходящему цвету, маленький, но острый кусочек горшочка оказался в блюде, которое теперь стояло на столе перед, сжимавшей в руке вилку, Синди Филлипс.

— Выглядит очень даже, — Стэн с любопытством разглядывал тарелку.

— Ты лучше попробуй, — пробубнил с набитым ртом Бритни. Он, не дожидаясь своих собеседников, уже успел проглотить почти половину порции, — просто объеденье.

— Блин, и правда, очень вкусно, — прожевав первый кусок заключил Стэн. — Синди, ты должна это попробовать. Наша мама бы так в жизни не смогла...

Синди, поочередно смотрела то на своего брата, аккуратно и с нескрываемым удовольствием, отъедавшего от своей порции по маленькому кусочку, то на бездомного, который уже облизывал тарелку, словно какой-то первобытный человек. Затем она перевела взгляд на стоявшее перед ней блюдо. Выглядело оно действительно неплохо, но ее больше интересовал вкус, ведь за такую цену он должен быть абсолютно неземным.

— Чего вы ждете? — голос Бритни вывел ее из ступора. — Ешьте, пока не остыло, вам понравится.

Бездомный снова откинулся на спинку стула и с хитрой ухмылкой неотрывно смотрел на Синди. Ей этот взгляд очень не нравился. Она знала, что этот человек что-то задумал. Знала, но не могла понять, что именно. Может быть, что-то не так с едой? Может он в нее что-то подсыпал? Нет, этого не могло быть, она все время была в поле зрения, у него не было возможности. Если только он не в сговоре с официантом...

Синди, следя за реакцией бездомного, набрала на вилку увесистый кусок лазаньи и отправила его в рот.

— Пережевывайте аккуратно, — только и успел сказать Бритни, как девушка вдруг вскрикнула и прижала ладонь к губам.

Выплюнув на тарелку полупережеванную еду, Синди засунула пальцы себе в рот и, сощурившись от боли, вытащила из кровоточащего неба осколок керамического горшочка.

— Что за черт? — Стэн испуганно посмотрел на осколок и отодвинул свою тарелку подальше.

— Кажется, ваша сестра порезалась, — лицо Бритни тут же приобрело серьезное выражение, — сейчас мы во всем разберемся, — он жестом подозвал официанта.

— Карл, — начал он угрюмо, когда тот подошел к столику, — зайдя в ваше заведение, я надеялся, что это приличное место.

— Что-то случилось? — поинтересовался официант.

— Вы еще спрашиваете? — в голосе и глазах бездомного уже не было той хитрецы, только уверенность и властность. — Посмотрите сами и скажите, что же по-вашему здесь произошло?

Паренек обошел столик и как только в его поле зрения попали окровавленные пальцы Синди, в которых она все еще сжимала осколок горшочка, он тут же занял стратегически верную позицию, загораживая это нелицеприятное зрелище от ненастоящего кулинарного критика. Реакция профессионала.

— Ох, мне так жаль, — начал извиняться он. — Мне очень и очень жаль.

— И что же мы будем со всем этим делать, Карл? — немного понизив тон, спросил Бритни. — Эта ошибка может сильно навредить репутации ресторана, не говоря уж о судебном разбирательстве.

— Судебном? — повторил официант предательски дрогнувшим голосом.

— Конечно, — кивнул Бритни, — Юная мисс Филлипс могла умереть. Она бы проглотила эту дрянь и умерла. Вы не подумали об этом? Или может быть вы хотели ее убить? А?

Суд, смерть, убийство, эти ужасные слова, отражались эхом в опустевшей от волнения голове Карла. Он знал, что нужно было уладить конфликт тихо, без лишней пыли, иначе увольнение было бы самым безобидным из того, что он мог себе представить.

— Но, — продолжил Бритни, — мы могли бы простить вас.

— Могли бы? — обрадовавшись, переспросил официант.

— Могли бы? — удивленно повторил за ним Стэн.

— Да, могли бы. И отсутствие счета в конце этого испорченного вечера очень сильно бы нам в этом помогло. Вы понимаете, о чем я?

Карл все прекрасно понимал, взрослые мальчики должны платить за свои оплошности, и сегодня он лишится большей части своего недельного жалования. В любой другой вечер он бы позвал менеджера, начался бы спор, шум и гам, но не сегодня. Мнение критика могло с легкостью потопить этот ресторан, а этого допустить было нельзя.

— Вот и славненько, — лицо Бритни снова озарилось хитрой улыбкой. — А теперь будьте так любезны, уберите это безобразие и принесите нам меню.

— Сию секунду, — перепуганный официант схватил в охапку тарелки и исчез за дверью кухни.

— Синди, ты как, в порядке? — пришедший в себя Стэн, участливо пододвинулся поближе к сестре.

— Вы все знали! — прошипела она, не обратив внимания на вопрос брата. — Вы с самого начала знали, что он там будет!

Ей надоел весь этот спектакль, и она собиралась узнать всю правду, здесь и сейчас.

— Почему вы не предупредили меня, что в еде лежит эта дрянь?

— Иначе вы бы никогда не поверили в то, что я вам сейчас скажу, — Бритни протянул ей стакан с минералкой из которого, к слову, не отпил ни глотка. — Вот, прополощите рот.

— Что-то я не совсем понимаю, что здесь происходит? — Стэн поставил камеру и диктофон на паузу. — Как вы могли быть в курсе, что в еде будет эта штука?

— Он в сговоре с официантом, — снова прошипела Синди, — они хотят нас развести.

Услышав такое заявление Бритни не выдержал и заливисто рассмеялся, привлекая к себе внимание той части зала, которая могла его рассмотреть из-за барной стойки.

— Ох, — наконец смог выдавить из себя он сквозь проступившие слезы, — Синди, воистину отличная догадка. Но нет, этого парня я вижу впервые, и спешу заверить вас, что мы с ним совсем не знакомы. И к тому же, зачем мне вас, как вы изволили выразиться, разводить? Не похоже, чтобы вы были сказочно богаты, или что-то в этом духе.

Синди хотела было возразить, но осознала, что этот странный бездомный прав и от бессилия закусила губу.

— И все же, — вмешался Стэн, — вы знали о том, что в ее порции будет лежать осколок?

— Да, — с еле уловимой тоской в голосе ответил Бритни, — но в свое оправдание хочу

сказать, что так же знал и о том, что с вашей сестрой ничего плохого не случится. Ну, кроме небольшого пореза, который, как мне кажется, уже перестал кровоточить.

Синди сполоснула пальцы в предложенном ей стакане и проверила небо. Бездомный был прав, кровь остановилась, да и ранка оказалась не такой страшной, как ей показалось вначале.

— Но если вы тут ни при чем, то откуда вы могли про него знать? — не унимался Стэн.

— Видите-ли, — Бритни прищурился, пытаясь мысленно сформулировать ответ на вопрос в такой форме, которую Филлипсы смогли бы переварить, не подавившись, — неспособность врать — это только одна из немногих моих отличительных черт. Временами я очень хорошо угадываю, и вы даже представить себе не можете, насколько хорошо. Не могу сказать, как это работает потому, что сам не совсем понимаю, но иногда, как например сейчас, меня просто осеняет и я что-то узнаю.

— Ну допустим, — продолжая щупать небо прошепелявила Синди, — я поверю в эту чушь, — она высунула изо рта руку и хлебнула прохладного коктейля, чтобы немного успокоить боль. — Это никак не отменяет того факта, что вы не предупредили меня.

— Каюсь, и прошу прощения, но это было необходимо. Маленькое зло во благо. Благодаря моему молчанию мы теперь сможем абсолютно бесплатно отужинать в этом замечательном месте, а еще у меня появился крошечный шанс убедить вас в том, что все дальнейшие мои слова — чистая правда.

— Вы пока еще ни в чем меня не убедили, — фыркнула Синди.

— И меня, — решил поддержать сестру Стэн, но в глубине души он все же верил бездомному. Его склонная к романтике натура всегда норовила зацепиться за что-то необычное, выпадающее за рамки повседневности. И этот вечер определенно за них выпадал.

Бритни увидел этот еле заметный огонек веры в глазах парня и решил добить его эффектным финалом.

— Хорошо, тогда давайте сыграем с вами с вами в игру, — он достал из держателя одну салфетку и протянул ее Стэну, — возьмите. У вас есть ручка?

Парень кивнул.

— Напишите или нарисуйте что-нибудь так, чтобы я не видел.

Стэн достал из рюкзака свой блокнот и из пружинки, скреплявшей страницы, вытянул ручку. Затем, прикрыв ладонью салфетку, начал что-то оживленно на ней карябать.

Бритни, для пущего эффекта закрыл глаза и отвернулся в сторону. Синди неотрывно следила за бездомным, иногда отпивая из своего стакана, и всей душой хотела понять, как он обводит их вокруг пальца. Она была из тех людей, что предпочитали не следить за отвлекающими пассажами фокусника, чтобы хоть краем глаза разглядеть, как происходит сам фокус.

Спустя несколько мгновений Стэн отложил ручку и сказал: «Готово». Бритни, не открывая глаз, медленно повернул голову и замер.

— В детстве ты со своей сестрой жил в двухэтажном, ярко синем доме, в пригороде, — Бритни старался говорить таким тоном, каким обычно говорили цыганки в метро, когда на показ гадали очередной жертве по руке. Этот тон ему совсем не нравился, но отрицать того, что он придавал всему процессу веса, было нельзя, — и с вами вместе жил кот. Большой и рыжий кот, которого сбила ваша соседка, миссис Брэбэри, когда он по глупости погнался за белкой и выбежал на проезжую часть. У этого кота было довольно необычное имя Конь,

потому, что на боку у него было пятно в форме подковы. Подними руку, Стэн.

Парень, словно загипнотизированный, послушно убрал ладонь. На салфетке довольно плохо был нарисован кот с подковой на боку.

— Афигеть, — замороженно выдохнул Стэн.

— Херня, — одновременно с ним фыркнула Синди, — дешевый трюк, не более. Я видала и по круче.

Она не могла даже приблизительно объяснить, откуда этот, смердящий ее любимым «Дживанши», проходимец знал такие вещи. Да ей и не хотелось объяснять. Этот тип ей категорически не нравился и никакие фокусы уже не могли исправить этого.

Бритни пропустил ее мнение мимо ушей, его внимание теперь полностью было направлено на второго близнеца. Парень поверил, а это именно то, чего он добивался.

— Не понимаю, — Стэн никак не мог опомниться от услышанного, — Если вы способны на такое, то почему вы до сих пор на улице? Как можно быть нищим с таким даром?

— Ну, дар не настолько хорош, как вам могло показаться. Во-первых, его контролирую не я, а мой сосед по голове и такие подробности разглядеть удается крайне редко. Это как светить тусклым фонариком в набитую хламом кладовую. Даже если знать, куда смотреть, не каждый раз найдешь, что искал.

Стэн не совсем понял суть сказанного, но все равно задумчиво кивнул.

— А во-вторых, я должен оставаться незаметным. Кстати, именно поэтому я и пользуюсь этим нелепым именем, — увидев приближающегося с меню официанта, Бритни замолчал, а когда тот, еще раз откланявшись, удалился — продолжил, — Сейчас вам стоит продолжить съемку. Вы хотели правдивую историю, и вы ее получите.

* * *

Стэнли Филлипс сидел перед монитором своего компьютера и смотрел на замысловатый интерфейс программы для монтажа видео. В маленьком окошке просмотра готового материала виднелся кадр с небритым овалом лица Бритни.

— Ну что, — Синди зашла в комнату и встала у брата за спиной, — доделал?

— Да, наверное. Сложно сказать. Я еще ни разу над такими вещами не работал.

— А я тебе говорила, что блог он и в Африке блог, — она пододвинула второй стул и села рядом, — Никогда меня не слушаешь... Ладно, показывай, что там у тебя получилось.

Стэн набрал воздуха в грудь, чтобы начать оправдываться, мол это еще черновой вариант и любые правки возможны, но затем, увидев нескрываемое безразличие в глазах сестры, просто нажал на пробел.

Монитор на мгновение потемнел, а затем на нем крупным планом возникло лицо бездомного.

— Привет, — начал он, смотря прямо в камеру, — сейчас ноябрь две тысячи десятого года, меня зовут Чип Дуглас и это мое послание тем, кто живет среди нас.

Картинка замерла, и голос Стэна не заднем плане продекламировал: «Мы нашли этого человека на помойке, за рестораном, куда он приходит каждую среду в поисках пропитания». Движение в кадре возобновилось.

— Осенью две тысячи шестнадцатого этому миру наступит конец. Эпидемия

ужасающих масштабов буквально за два месяца уничтожит почти девяносто процентов населения планеты. Никакие вакцины и известные лекарства будут не в силах противостоять болезни, и последний человек на земле заразится в январе две тысячи семнадцатого. Я обращаюсь к тем, что живут среди нас. Вам пора перестать бежать, оставляя за собой руины и смерть. Еще есть время, чтобы найти решение проблемы.

На секунду картинка на мониторе почернела, а потом место небритого лица бездомного занял Стэн, сидящий в своем кресле, на фоне белой стены.

— Возможно, вы могли подумать, что этот человек — один из тех сумасшедших, что стоят в час пик на углу оживленной улицы с куском картона в руках, на котором черным маркером написано «Покайтесь», и во всю глотку орут о втором пришествии, антихристе и другой подобной ерунде. Могу сказать, что полностью понимаю ваше мнение, а моя сестра его даже разделяет, — Синди, сидевшая сзади и смотревшая видео, невольно улыбнулась, — Но проведя с ним целый вечер, я смог узнать его поближе. Да, он временами бывает странным, и это не удивительно, после всего того, что он пережил. Интервью, которое мне посчастливилось, да, именно посчастливилось записать, в корне изменило мое отношение не только к этому человеку, но и ко всем ему подобным. Правильно ведь говорят: «Не суди по обложке». И теперь я хочу поделиться им с вами. Возможно, вас оно тоже заставит пересмотреть устоявшийся в народе образ уличного безумца, ведь за каждым из них может скрываться подобная история.

Экран опять потемнел, и на нем появился уже знакомый интерьер ресторана «Чарльтон». В кадр попадали лица Бритни и Стэна, и часть стола, на котором уже скопилось порядочно грязных тарелок. Бритни что-то ел.

— Так сколько вы уже живете на улице? — зачитал Стэн заранее подготовленный вопрос из своего блокнота на пружинке.

— Дайте-ка вспомнить... — Бритни задумался, — Значится, сейчас десятый, тогда где-то тридцать лет, или около того.

— Это много.

— Много, да. Но я только последние годы совсем бомжую, а так, были времена, когда просто бродяжничал. Ну, то есть у нас с Евой был дом на колесах, и мы кочевали с места на место.

— Ева — это ваша жена? — задал наводящий вопрос Стэн, потому, что не знал, войдет ли история про Вудсток в окончательную версию ролика. Бритни понял это намерение и подыграл, будто рассказывает все в первый раз.

— Да, но мы... как это правильно называется? В гражданском браке. У меня нет документов, так, что официально мы не расписывались.

— А что случилось с документами?

— Они были утеряны еще во времена моей бурной молодости, — ушел от прямого ответа Бритни.

— И что же, вы не пробовали их восстановить?

— Пробовал, конечно, но в нашей стране так повелось, что госсотрудники на слово не верят, а других людей, способных доказать, что я — это я, нет.

— А родственники? Может быть, они могли бы?

— Нет у меня никаких родственников. Ну, кроме бывшей гражданской жены и сына.

— У вас есть сын?

— Да, есть. Наверное, это прозвучит грубо, но мы его заводить не собирались. Ева

всегда была прожженной хиппи, не могла долго сидеть на месте и оставаться трезвой. Так что, сами понимаете, шанс схватить какую-то врожденную болячку очень большой, а денег на врачей нет. Без документов-то я нормально работать не могу. Вот мы и решили не заводить детей пока не остепенимся и не встанем на ноги. У судьбы были другие планы. Это еще хорошо, что у Евы духу не хватило на аборт, а ведь она ходила в клинику, даже в кабинет зашла, но в последний момент струсила. Потом не пожалела. Пацан вырос что надо. Норманом назвали.

— Вы с ним видите?

— Не, ему в девяносто девятом восемнадцать исполнилось, и с тех пор я ни его, ни Еву не видел. Мы с ним хорошо ладили, он талантливый, умный, а главное — здоровый. По правде говоря, я все время думал, что он не наш, ну уж очень далеко яблочко от яблоньки укатилось.

— А почему сейчас не видите?

— Мы с женой ссорились в последнее время много. Знаете, как бывает, остываешь к человеку, и он уже не кажется тебе таким хорошим, как раньше. Вот она, наверное, ко мне и остыла. Пока я был на подработке, она завела трейлер и свалила вместе с сыном и всеми нашими накоплениями. Не знаю, что она ему наговорила про меня, но с тех пор он даже не пытался со мной связаться.

— Надеюсь, он посмотрит это видео, — Стэн повернулся к камере, — Норман, если ты это смотришь, то я оставлю в описании мою электронную почту. Напиши мне, и я помогу вам встретиться.

— Это было бы здорово, — Бритни широко улыбнулся и помахал в камеру, — привет, Норм.

— Ну, хорошо, — Стэн, сбившись с ритма беседы, сверился со своим блокнотом и продолжил, — Значит с девяносто девятого вы живете на улице?

— Да.

— А государство вам помогает?

— Нет. Ну, оно бы помогло, если бы у меня было жилье. Нужен адрес, чтобы получать чеки, а без документов моей зарплаты не хватает даже на еду. Вот. Я сейчас коплю деньги, хочу квартиру снять, на помойках ем, чтобы лишний раз не тратиться, но это очень медленно.

— Попрошайничаешь?

— Да, иногда приходится, когда работы нет. Я тут не далеко, в двух кварталах отсюда сию на перекрестке частенько.

— И что, много дают?

— Нет. Все хорошие места в городе уже кем-то заняты. Со стороны, может, и не скажешь, но у бездомных конкуренция за жирные точки похлеще чем на Уолл-стрит. Там такие страсти кипят, что я обычно не связываюсь. Дольше проживу.

— Даже так?

— Ну, всякое случается. Так скажу, люди бывают разные, и хороших меньше чем хотелось бы.

— Понимаю, — Стэн посмотрел в сторону, где сидела его сестра. Она показала на часы, намекая, что время уже позднее и пора сворачиваться, — Ну хорошо. Спасибо за интервью...

— Нет, это вам спасибо, — перебил его Бритни уже привычно хитро улыбаясь, — очень вкусная еда и хороший пиджак. Благодарю вас.

— Да что вы, не за что. Может быть, вы хотите что-нибудь сказать нашим зрителям напоследок?

— О, да, сейчас, — Бездомный подвинулся так, чтобы его лицо занимало большую часть кадра, — Привет, сейчас ноябрь две тысячи десятого года, меня зовут Чип Дуглас и это мое послание тем, кто живет среди нас...

Видео замерло, затем картинка медленно потемнела и на экране снова появился Стэн, сидящий на своем кресле, на фоне белой стены.

— Как видите, — начал он свою заключительную речь, — одержимость концом света — лишь вершина айсберга. Под водой же скрыта целая громада печальной судьбы человека, вынесенного на обочину жизни. Этот человек перенес множество испытаний, подкинутых ему жизнью, но он по-прежнему весел и не теряет надежды. Даже находясь на самой нижней ступени социальной лестницы и временами теряя контроль над собственным разумом, он все еще верит, и идет вперед, не опуская головы. Возможно, нам есть чему у него поучиться. Это был пилотный выпуск историй большого яблока и я, Стэнли Филлипс. При любых обстоятельствах оставайтесь людьми, и всего вам доброго.

* * *

— Ну как? — Стэн вопросительно посмотрел на сестру.

— Ты из него прям какого-то мученика сделал. Может, стоило немного поскромнее? А то выходит, что этот тип чуть ли не святой какой.

— У меня по-другому вставить ту часть про две тысячи шестнадцатый не получалось, — объяснил Стэн.

— Ну, так и не вставлял бы.

— Нет, я так не могу. Я ему обещал, что это в ролик попадет, значит попадет.

— Ой, да ладно тебе, — возмутилась Синди, — думаешь, он его посмотрит?

— Какая разница? Главное, что его посмотрят те, к кому он хотел обратиться.

— Ха! То есть ты веришь в то, что он тебе наплел? Серьезно? У-у-у, — она пошевелила пальцами, как обычно это делают дети у костра, рассказывающие друг другу страшилки, — серые человечки живут среди нас, Стэнли. Они следят за всем, что происходит и смотрят ролики про бомжей...

— Отвали, — отмахнулся Стэн, — Я обещал ему и сделал обещанное. Моя совесть чиста, а ты и дальше можешь кривляться. Тем более что этот кусок вполне себе вписывается в общий контекст.

— Как знаешь. Хоть мы и отделались только твоим старым школьным костюмом, но я все равно не верю ни единому слову этого проходимца. И проект твой никому не интересен. А когда ты приползешь на коленях обратно, чтобы мы продолжали делать блог, я сделаю у тебя татуировку на лбу: «Сестра меня предупреждала» и хорошенько посмеюсь.

— Спасибо за поддержку, — недовольно буркнул Стэн.

— Да не за что, — она поднялась со стула и вышла из комнаты, оставляя брата наедине с его творением.

Стэн еще раз пробежался по ролику, в поисках пропущенных ошибок, и, убедившись, что видео готово подвел мышку к кнопке загрузки, но нажать ее не успел. Его отвлек дверной звонок.

— Открой, — донесся из ванной приглушенный голос сестры, — я в душе.

Стэн еще раз посмотрел на кнопку загрузки, но решил, что после того, как спровадит незваных гостей, все же вернется и уберет ту часть с концом света. Уж в чем в чем, а в таких вещах Синди понимала чуть больше чем он.

Дверной звонок снова зазвенел, на этот раз настойчиво, а когда звон утих, в дверь громко постучали.

— Да иду я, иду, — заорал Стэн, нехотя идя по коридору, — что, уже минуту подождать никак?

Подойдя к двери, он повернул ручку замка. На лестничной площадке стояло трое высоких мужчин в одинаковых бежевых пальто до колен. В тусклом свете кожа на их лицах выглядела болезненно серой, как у курильщиков с огромным стажем.

— Стэнли Филлипс? — спросил с каким-то странным, еле уловимым акцентом, тот, что был ближе всех к двери.

— Это я, — удивленно кивнул Стэн.

Получив подтверждение, все трое синхронно сдвинулись с места, и буквально подняв на руки парня, зашли в квартиру.

— Стойте, — начал возмущаться Стэн, пытаясь вырваться из удивительно крепкой хватки незнакомца, — Кто вы такие? Что вам нужно?

— Прошу вас, — начал говорить все тот же тип со странным акцентом, — не сопротивляйтесь. Мы не причиним вреда.

Пока он держал Стэна, двое других зашли в комнату с компьютером. Один вставил странного вида флешку в системный блок и начал копировать все, что было хоть как-то связано с проектом «Истории большого яблока», а второй принялся выворачивать рюкзаки и рыться в шкафах, собирая все камеры и карты памяти.

— Что тут за шум? — из ванны, замотанная в полотенце, выглянула Синди, и увидев происходящее резко повысила голос, — Эй! Вы кто такие? Я сейчас вызову полицию!

Незнакомец, державший Стэна, при слове полиция, резко оттолкнул его с такой силой, что парень, пытаясь удержать равновесие, пробежал по коридору несколько шагов, врезавшись в ничего не понимающую сестру, сбил ее с ног, и они вместе рухнули на пол.

— Я же просил, не сопротивляйтесь, — он достал из внутреннего кармана своего пальто небольшой металлический шарик и бросил его близнецам. На подлете тот лопнул надвое и, как показалось Стэну, заполнил всю квартиру, а может быть даже и вселенную свистом невероятной громкости. Звук был настолько интенсивным, что близнецы Филлипс потеряли сознание практически мгновенно, а когда очнулись, квартира была пуста.

— Что это было? — свалив с себя брата, промямлила Синди. Придерживая полотенце, она с трудом встала на ноги и, неуверенно пошатнувшись, схватилась рукой за стену.

— Что-то мне подсказывает, — Стэн вставать не спешил, у него все еще свистело в ушах, а картинка вращалась перед глазами, — что послание Бритни нашло адресата.

Позже, немного придя в себя и пройдясь по квартире, Филлипсы не смогли найти ни одной записи или даже косвенного упоминания вчерашнего интервью с бездомным. Все карты памяти были вычищены, страницы с пометками вырваны из блокнота, а жесткий диск рабочего компьютера — отформатирован.

Полицейские, которых все же вызвала Синди, не нашли на месте преступления никаких следов взлома и отпечатков пальцев.

Часть десятая

Уроки рисования

Дождь лил, не переставая, уже почти сутки, а переживший множество передраг «Форд», не смотря на все полученные увечья, продолжал медленно и уверенно продвигаться на запад. Путь от полностью уничтоженного заразой Бруквиля до Храма Фантазий был не близкий, а учитывая полный хаос, творившийся на федеральных автострадах, еще и не быстрый.

Норман вел автомобиль по объездным и проселочным дорогам, стараясь сильно не разгоняться. Брезент, которым они закрыли дыру в крыше трепало встречными потоками воздуха, а покореженное крыло на ухабах терлось о шину, и та издавала жалобный писк. Рано или поздно покрывка не выдержит и тогда им придется искать замену, то ли колесу, то ли «Форду». О таких вещах Норману думать совсем не хотелось, ему вообще ни о чем думать не хотелось. Все его силы уходили на поддержание концентрации, чтобы не слететь со скользкой от воды дороги прямо в кювет. Серая монотонность неба, приглушенный плотным слоем облаков свет, и белый шум тарабанивших по стеклу капель наводили тоску и утяжеляли веки.

Тем временем, Генри и Рита спали сзади, в отделении для арестантов. Привычных кресел там не было, вместо них были установлены жесткие металлические сидения, ведь преступникам комфорт ни к чему. Скрючившись калачиками бывший полицейский, и медсестра мирно посапывали, казалось, совершенно забыв о том, что за окнами, там, где перепаханые на зиму поля упираются в город, идет полномасштабная война. Война с инфекцией, настолько агрессивной и заразной, что по сравнению с ней Эбола или холера казались обычным насморком.

Риту разбудила тишина. Монотонные и убаюкивающие покачивания «Форда» прекратились, двигатель больше не работал, а из всего разнообразия дорожных звуков осталась лишь барабанная дробь дождя.

С минуту девушка не решалась открыть глаза. Она продолжала делать вид, что спит, а сама напряженно вслушивалась, но кроме настойчивого стука капель за темнотой век не было ничего. Салон автомобиля был пуст.

Рита выпрямилась и потеряла задубевшие мышцы шеи. Для нее до сих пор оставалось загадкой, как она смогла уснуть, застряв в неудобной позе, в трубе вентиляции, но после такого приключения ночь, проведенная на жестком металлическом сидении, была вполне приемлемым вариантом.

— Генри? — позвала Рита, — Норман?

Ей в голову пришла дурацкая мысль, что они прячутся от нее где-то за передними сидениями, хоть точно объяснить, как они это делают, она не могла даже себе. Просто ей очень не хотелось думать о том, что они бросили ее, этого она боялась больше всего, остаться одной, посреди чертового апокалипсиса. Ее страхам воплотиться в жизнь было не суждено.

«Форд» был припаркован у какого-то старого, покосившегося амбара и Генри с Норманом стояли неподалеку, возле обочины, смотря куда-то в поле.

— Эй, — Рита постучала кулаком в окно, чтобы привлечь их внимание, — вы чего там делаете?

Она бы с радостью сама подошла и посмотрела, но дверных ручек изнутри в отделении

для арестантов не было и останься она по-настоящему одна, ей бы пришлось выбивать стекло, чтобы выбраться.

Стук привлек внимание Генри и он, подойдя к автомобилю, открыл дверцу.

— Ты чего орешь? — спросил он с тонкой, еле уловимой крупницей печали в голосе.

— Как чего? Вдруг я тоже в туалет хочу? Почему меня не спросили?

— Не понял? — Генри приподнял бровь.

— Ну, вы же там стоите... — начала объяснять она, но запнулась на формулировке.

— А, это? — он подал ей руку, — Нет, просто Норман заметил огни на горизонте.

— Огни? — Рита вылезла из автомобиля и пошла вместе с Генри к обочине.

Ручейки воды, разбиваясь о туфли Риты, стекали с пологого края асфальта в кювет, размачивая землю и превращая ее в грязь.

— Да, огни, — он показал пальцем, куда нужно смотреть.

С того места, где был припаркован «Форд» всей картины разглядеть не получалось, сарай загораживал, но теперь Рита видела все.

Массивные грозовые тучи охватывали весь небосвод и на горизонте сливались с взрыленной на зиму фермерами почвой, блокируя солнечный свет и превращая дождливое осеннее утро в вечерние сумерки. Благодаря этому полумраку эффект был еще более зрелищным. В том месте, где грозовой фронт сталкивался с землей, где-то на юго-западе виднелось яркое, желтоватое зарево.

— Что это? — замороженная зрелищем, спросила Рита.

— Индианаполис горит, — ответил Генри.

Из плотной пелены туч, в километре от трех маленьких фигурок, стоящих под проливным дождем на обочине безлюдной дороги, со стрекотом вынырнули несколько военных вертолетов и, ведомые приказами вышестоящего начальства, устремились в сторону зарева.

* * *

«Форд» продолжал путь, везя в своей утробе трех вымокших до нитки, молчаливых путников. Сейчас они все заново осознавали происходящее, проникались моментом. Особенно Рита. Вид горящей столицы штата пробирал ее до самых костей, заставлял снова почувствовать себя маленькой девочкой, потерянной, беспомощной и перепуганной до чертиков. Она смотрела в окно, на удаляющиеся огни апокалипсиса и еле сдерживала слезы. Но это были не слезы скорби по погибшим, нет. Рита жалела себя. События последних дней для обычной медсестры в психиатрической лечебнице разворачивались слишком быстро. Ее организм только успевал вырабатывать адреналин, и для жалости к себе совсем не оставалось времени. Но теперь, когда поток неприятностей прекратился, а точнее сделал перерыв на обед, она могла полностью отдаться этому мерзкому, но в то же время такому приятному процессу.

Что до Букера, то он с интересом разглядывал свой испещренный непонятными знаками, «Глок» и старался не обращать внимания на тихонько похныкивающую Риту. В его душе больше не было места страху. Тот момент в квартире Морриса, когда он стоял, сжимая в потных ладонях пистолет, и неловко молился в страхе перед неизвестностью, выбивающей кирпичи, навсегда изменил его. Идя на службу в полицейский департамент Нью-Йорка, он

не боялся ничего, он был готов с открытыми глазами принять пулю за своего будущего напарника, и совершенно неважно, что им оказался бестолковый жирдяй Дэннис. Главное, что он был уверен в себе, уверен в том, что в ответственный момент не струсит и не опустит руки. Мамаша Нормана показала ему, что это совсем не так. Как бы Генри не храбрился в академии, каким бы не показывал себя окружающим, страх все равно был в нем, он сидел внутри, глубоко, дожидаясь подходящего момента. И теперь, когда Генри познал его, в той грязной, вонючей квартирке в Чайнатауне, когда он столкнулся с ним лицом к лицу и победил, он преодолел себя и остался, закрывая своей грудью не только напарника, но и все человечество. Стоя там он поклялся себе, что пока его верный «Глок» может стрелять, пока есть патроны в обойме — он будет жить и бороться, а если кто против, пускай подходят по одному, если осмелятся.

— Слушай, Норми, — начал Генри, чтобы хоть как-то отвлечься от уже откровенно распутившей нюни Риты, — я так и не пойму, как это работает?

Норман на мгновение отвлекся от дороги и вопросительно посмотрел на Букера в зеркало заднего вида.

— Ну, пистолет, — он поднял его повыше, чтобы Норману было видно, — Я проверил, в обойме все тот же один патрон, а стрелял я в последнее время много.

— Хм, — Моррис поморщился, он знал, что рано или поздно ему бы пришлось объяснять, — Генри, я не думаю, что смогу. Ты уверен, что тебе хочется узнать?

— Ну как тебе сказать? Если от твоих писуллек зависит моя задница, то да.

Норман мог бы попытаться придумать какую-нибудь отговорку, например, что он волшебник, заколдовывающий чернила, но не стал этого делать. Он подумал, что Генри, будучи блюстителем закона, часто сталкивался с враньем и лукавством, и уже давно приобрел навык их различать.

— Ладно, что ты знаешь об Эйнштейне?

— Кудрявый, седой и с высунутым языком, — не подумав выпалил Букер.

— Нет, я имею в виду его работу. Что, по-твоему, он открыл?

— Ой, нет, Норм, у меня с физикой всегда проблемы были. Ты мне как идиоту объясни, чтобы я хоть примерно понял.

Моррис тяжело выдохнул. Ему предстоял разговор о свойствах материального с человеком, знания которого ограничивались курсами полицейской академии. Уроки экстремального вождения, основы баллистики, и правила заполнения различных документов отчетности, ну может быть немного юриспруденции. На этом образованность Букера заканчивалась.

— Тогда для тебя, Генри, станет большим откровением то, что я сейчас скажу. Этот, как ты изволил выразиться, кудрявый, седой и с высунутым языком, открыл одну особенность вселенной. Все, что тебя окружает, эти сидения, автомобиль, — он похлопал ладонью по рулевому колесу, — брезент, это все энергия. Даже ты сам — энергия.

— Чего?

— Не заикливайся пока на этом, просто прими как данность, ибо дальше будет хуже. Твой пистолет работает благодаря временнСму парадоксу, который запускается аннигиляцией свинца в пуле.

— Ты прав, стало хуже — скривился Букер, уже начиная жалеть о том, что спросил.

— Мой рисунок на корпусе пистолета воздействует на свинец и тот, при проникновении в жертву лишается материальной оболочки, высвобождая всю энергию,

заклученную в своих атомах. Это как мыльный пузырь с дымом, как только он лопнет, дым тут же разлетится. Далее, полученная энергия тратится на искажение пространственно-временного континуума, обращая течение времени вспять до начала возгорания пороха в гильзе, возвращая всю систему в первоначальное состояние. Иными словами, дым из мыльного пузыря попадает в глаза диск-жокею и тот начинает крутить песню задом наперед. Парадокс заключается в том, что объект воздействия, или же, если говорить проще, человек в прицеле не входит в область временного коллапса и его повреждения остаются нетронутыми. По сути, энергия на повреждение цели берется из ниоткуда, ведь если смотреть на весь процесс в целом, то в каком-то смысле выстрел даже не происходил, а отверстие от него появилось.

— Да, сложновато. Давай еще проще.

— Если еще проще, то патроны у тебя бесконечные, и начинены они маленькими бомбами, — все естество Нормана бунтовало против такой варварской интерпретации тончайших манипуляций вселенскими механизмами, но читать лекции по физике у него не было совершенно никакого желания.

— Но как рисунок может сделать такое? — спросила Рита, вытирая грязным рукавом больничной формы заплаканные глаза и стирая с них остатки потекшей туши. Ей уже порядком поднадоело реветь и жалеть себя, но начав этот нехитрый процесс, остановить его становится довольно сложно, а разговор на отвлеченные темы вполне мог помочь, — Я имею в виду, что если бы каракули могли взрывать свинец и крутить время, как им вздумается, то кто-нибудь да заметил бы такое. В детстве я все обои в доме разрисовала и ничего.

— Увы, мисс Босси, этого я не знаю. Предпочитаю думать об этом в контексте одаренности или таланта, если позволите. К примеру, у многих людей в мире есть предрасположенность к рисованию и многие из них, при должном количестве практики, способны нарисовать добротный натюрморт или портрет. Но лишь единицы делают это так тонко и искусно, что обычные масляные краски на куске ткани заставляют смотрящего на них испытывать эмоции, задуманные автором.

— Так ты что-то типа вундеркинда?

— Не уверен в правильности термина, — Моррис на секунду замолчал, — Хотя, если принять во внимание тот факт, что с немецкого вундеркинд переводится как чудесное дитя, а моя способность непосвященным в ее суть людям кажется чудом, то да, он вполне подходящий.

— Боже, Норман, ну как ты умудряешься быть таким удивительным и таким нудным одновременно? — не выдержала Рита. Она не была уверена в рисовальных талантах Морриса, но дар с рекордной скоростью выводил из себя собеседника манерой речи у него явно был.

Букер вдруг подскочил на месте так, словно его осенило, и громко хлопнул в ладоши.

— Слушай, Норм, а меня сможешь научить?

— Научить? — переспросил Моррис.

— Да. Ну, у великих художников же бывают ученики? Покажешь мне что-нибудь простенькое, а я повторю. Вдруг получится? Было бы круто.

— Не думаю, что это сработает. Мне кажется, дело не в самом рисовании, а в голове. Отец помогал мне развивать навыки годами и получалось у него это сугубо потому, что он сам был не так прост и понимал, что происходит в моем сознании. В твоем же, Генри, черт

ногу сломит.

— Да ладно, тебе что, трудно? Все равно нам больше нечем заняться, а так, найдем где-нибудь бумаги и попробуем. А Рита пока поведет. Скоро ее смена и дорогу она знает. А?

Моррис снова посмотрел на Букера через зеркало заднего вида. Щенячий взгляд и выражение лица как у нетерпеливого ребенка никак не подходили к измазанной в засохшей крови рубашке и четырехдневной щетине, но все же сделали свое дело.

— Ладно, попробуем... — сдался Моррис.

— Да! — Генри снова хлопнул в ладоши, но на этот раз хлопок получился настолько громкий, что Рита прищурилась и закрыла пальцем ухо.

* * *

Автомобильные магистрали — это артерии современного общества, и пока в них течет кровь, любые болезни рано или поздно отступят под натиском человеческого упрямства и выносливости. Очищающий огонь двигателей внутреннего сгорания из года в год, от поколения к поколению сжирал невероятные объемы невозполнимых полезных ископаемых, только лишь для того, чтобы грузы и пассажиры могли попасть в пункт назначения быстро и в необходимом количестве. Это ли не яркий пример работы кровеносной системы? Это ли не пример того, что наша планета — один большой, живой организм, греющийся в лучах своего несменного светила? А раз так, то у этого организма большие проблемы. Многочисленные раковые опухоли в лице изменившегося Джеральда Пирса и ему подобных Номо Mutata (коими их нарек Моррис), по необъяснимым причинам возникали по всей поверхности голубого шарика, сея вокруг себя боль, разрушения и хаос. И не подготовленная к такому жару иммунная система оказалась совершенно беззащитной, сдалась практически без боя. Вселенский врач вынес свой смертельный приговор «неоперабельно» и оставил пациента наедине с самим собой и гнетущими мыслями о неотвратимой смерти.

И если автомобильные магистрали — это кровеносные сосуды планеты, то заправочные станции — определенно ее лимфоузлы. Любой онколог вам скажет, что с опухолью можно и даже нужно бороться, резать ее, заливать химикатами, убивающими на своем пути все живое, но только пока она не пустила свои корни в лимфоузлах. Как только это произошло, твое тело тут же начинает работать против тебя, разнося заразу повсюду и лишая шансов на выздоровление.

Одним из таких зараженных лимфоузлов оказалась небольшая заправка, скромно уютившаяся около двадцать четвертого хайвэя, между городками со странными названиями Мексико и Перу (такой вот географический каламбур). Жизнь в этом месте даже не шла, а ползла, будто у всех вокруг в одночасье случилась хандра, и только изредка заходившие перекусить дальнобойщики слегка баламутили это болото своими дорожными байками. Персонал заправки и прилегающей к ней забегаловки с незамысловатым названием «Обед» состоял всего из четырех человек. Престарелый мексиканец Луи Гаррида, несмотря на свой возраст и белые как снег волосы проворно мелькал на кухне, готовя блюдо дня очередному посетителю, пока толстушка-хохотушка Дарси, она же — официантка, развлекала его своей пустой болтовней и подливала кофе. На заправке у бензоколонки, на предусмотрительно принесенном с собой из дому раскладном стульчике дремал паренек Томми. Раньше он

учился в колледже, по спортивной стипендии. Он хорошо играл в футбол и подавал много надежд, пока на одной из тренировок не сломал колено. На этом его спортивная карьера закончилась вместе со стипендией, и ему пришлось вернуться обратно в Перу (все еще забавно) к родителям. И последним в этом списке, но первым на вылет, был мистер Яков Каплински. Он скрупулезно пересчитывал газировку в холодильнике и недовольный что-то ворчал себе под нос. Мистер Каплински был кассиром и по совместительству владельцем этой заправки. Именно поэтому над входом в помещение висела большая синяя надпись с его фамилией. Это, конечно не было большой сетью, на подобие Шелл или Шеврон, никаких филиалов по всей стране, лишь единственный в своем роде экземпляр неподалеку от двадцать четвертого хайвэя, но Яков все равно гордился им. Он пол жизни положил на то, чтобы поднять этот бизнес и имел полное право недовольно бурчать себе под нос, тем более, что на то были все основания.

— Эй, Томас! — крикнул он, водя пальцем по полкам холодильника и в третий раз пересчитывая бутылки с водой, — А ну, поди сюда!

Томас не слышал, он, сидел на маленьком раскладном стульчике, который после операции на колене таскал за собой везде, и, облокотившись спиной о колонну, поддерживающую навес над бензоколонками, спал.

— Чертов лодырь, — пробухтел Каплински и решительной походкой человека, задумавшего ссору, направился к выходу, — вечно дрыхнет на работе. Я ему что, за сон плачу?

Подойдя к парню, Яков пнул носком ботинка прямо через ткань сиденья его прямо по заднице. От неожиданности Том всхрюкнул и, подскочив на ноги, тут же схватился за больное колено. Слишком мало времени прошло, и оно все еще стреляло при резких движениях.

— Во-первых, — начал Каплински, — я тебе плачу не за сон.

— Но мистер... — начал оправдываться Томми.

— Никаких но! — громкость его голоса поднялась на пол тона, — В следующий раз замечу, что ты спишь, не посмотрю на то, что мы с твоими родителями друзья и вышвырну тебя к чертовой матери. Буду пинать тебя до самого дома, а потом, в присутствии твоей матери, дай бог ей здоровья растить такого олуха, выскажу все что думаю. Ты понял?

— Понял, сэр, — кивнул Томми, а затем добавил так быстро, чтобы старик не успел его снова перебить, — Посетителей все равно нет.

За что тут же получил увесистую оплеуху.

— Если их нет, это не значит, что ты должен бить баклуши, — извечная упертость паренька выводила Каплински из себя сильнее всего, и от напряжения у него на виске вздулась огромная синяя вена, — Запомни раз и навсегда, ты мой помощник и в твои обязанности входит не только заправка автомобилей, но и поддержание здесь порядка. И видит бог, ты не справляешься ни с тем, ни с другим. Сколько я просил тебя быть внимательным во время инвентаризации? В этот раз не хватает двух бутылок газировки в третьем холодильнике. Кто, по-твоему, за них заплатит, я?

— Мне просто хотелось пить, вот я и взял... — Томми заметил, как раскрасневшееся от злости лицо мистера Каплински вдруг приобрело нездоровый зеленоватый оттенок, будто его вот-вот стошнит прямо здесь, — С вами все в порядке? Вы странно выглядите.

— Не съезжай с темы, Томас, — Яков сам прекрасно знал, что выглядит нездоровым, он и чувствовал себя не очень, но остановить раскрутившийся маховик конфликта уже не

мог, — я вычту их из твоего жалования. В последний раз я терплю твои... — он запнулся, потому, что у него в глазах потемнело. С ним иногда такое случалось, когда он резко вставал со стула, возраст уже давал понемногу о себе знать, но, чтобы вот так, ни с того ни с сего да на ровном месте?

— С вами точно все в порядке? — переспросил Томми, увидев пустой и блуждающий взгляд начальника, словно тот был в стельку пьян, — Может, присядете?

Он показал на свой раскладной стульчик, но Яков только небрежно отмахнулся.

— Даю тебе последний шанс, Томас. Не думал, что когда-нибудь скажу это, но, ты остаешься за главного. Я пока пойду в подсобку, прилягу, переведу дух, а ты следи за кассой, как за своей треклятой табуреткой и не хами посетителям, понял меня?

— Понял, мистер Каплински, — затараторил Томми, — не волнуйтесь, все будет в лучшем виде.

Он не любил эту работу настолько, насколько только можно было ее не любить, но терять ее ему было категорически нельзя. Только получая какой-никакой заработок, он мог оставаться жить в подвале родительского дома, и если Каплински вздумает его попереть на улицу, то мать, возможно, еще сжалится, а вот отец — точно прибьет. Сначала прибьет, а потом еще из дому выпрет.

— И пересчитай уже, наконец, эту чертову воду как следует, — выдал напоследок Каплински и, прижав ладонь ко лбу в попытке понять повышенная ли у него температура, неуверенной походкой побрел к минимаркету.

Пройдя между рядами с закусками, Яков снова испытал то, давно забытое ощущение из далекой, бурной молодости. Ощущение, которое часто настигало его, когда он шел спать после очередной бурной пьянки. Зажав рукой рот, он резко свернул с намеченного пути и вместо подсобки на полном ходу ввалился в уборную. Его рвало. В тот момент он думал, что это обычное отравление, и для таких мыслей были все основания. Озноб, слабость, тошнота. Что еще, как не отравление? Да, скорее всего так и есть. Наверняка что-то было не так с завтраком, который он съел в «Обеде». Он даже собирался предупредить старика Луи, чтобы тот проверил бекон на свежесть, но обстоятельства не позволили, ведь недуг его был гораздо серьезнее, чем могло показаться на первый взгляд.

После того, как взбунтовавшийся желудок немного успокоился, Яков, скомкав немного туалетной бумаги, как смог, прибрал беспорядок, который сам же и развел, и, обессиленный потащился в подсобку. Там он свернул свою ветровку в подобие небольшой подушки и, подложив ее под голову, улегся на расставленные в углу паки с газировкой. Пластиковые крышечки неприятно давили в ребра и позвоночник, но, даже не смотря на такое неудобство, он очень быстро уснул.

На памяти Томми это был один из самых скучных дней. Привыкший к сумбурной и насыщенной событиями жизни он до сих пор не мог принять тот факт, что эта самая насыщенная жизнь шла дальше, но уже без него. Красавицы девчонки из группы поддержки, друзья по команде, студенческое братство, все это осталось в прошлом. В настоящем же его ждал раскладной стул и три набитых под завязку холодильника с водой, которую нужно было пересчитать. А потом, когда он закончит ненавистную инвентаризацию, ему нужно будет бессмысленно сидеть за кассой и ждать неизвестно чего, ведь посетителей он точно не дождет. И вообще, мистеру Каплински следовало бы трижды подумать, перед тем как открывать заправку в этой богом забытой глуши. Но Томми никогда не выскажет старику эту претензию. Родительский подвал всяко лучше картонной коробки под мостом.

Пока всеми силами старающийся оправдать оказанное ему доверие Томас боролся со сном сидя за кассой и подперев рукой щеку, в темной подсобке, подхвативший доселе неизвестную человечеству болезнь, Яков постанывал и ворочался на твердых бутылках. Он и спал, и не спал одновременно. Его иммунитет все еще держался, пытаясь изолировать инфекцию, но быстро сдавал свои позиции, и состояние стремительно ухудшалось. Неизвестно, сколько бы еще продлилась эта борьба, если бы не вмешавшийся в нее ребенок, который пустил в подсобку свет.

Из полудремы Томми вывел гул мотора, едва слышный, но явно приближающийся.

— Первый посетитель за сегодня, а сейчас всего три часа. Ну и суматошный выдался денек, — парень улыбнулся собственной шутке и нехотя поковылял на улицу.

С подъездной дороги на небольшую парковку возле бензоколонок выруливал желтый школьный автобус с целой ватагой галдящей детворы внутри. Как только он остановился, его дверь тут же распахнулась, выплевывая наружу взъерошенную женщину лет тридцати пяти. Ее прическа потеряла форму и вырвавшиеся из строгого узелка на макушке пряди, подхваченные осенним ветром, извивались словно живые.

— Добрый день, — обратилась она к вышедшему ей навстречу Томми.

— Добрый, — кивнул он в ответ, — Видок у вас не очень, что-то случилось?

Сперва она не поняла к чему этот вопрос, но потом смущенно улыбнулась и принялась поправлять испорченную прическу.

— Извините, дети иногда бывают очень... — она аккуратно подобрала слово, — активными. Мы на экскурсию в Индианаполис едем, и наш водитель слегка заблудился. Вы не против, если они, — она показала пальцем на галдящую малышня в автобусе, — сходят у вас в туалет.

— Ну, только если вы не разнесете здесь все, — Томми улыбнулся уголком рта, надеясь в ответ тоже увидеть улыбку, но женщина восприняла эту шутку всерьез.

— О, нет, обещаю, я за ними прослежу. Может нам что-то нужно купить или заправиться?

— Да нет, все хорошо. Пользуйтесь на здоровье.

Мысленно Томми хлопнул себя по лбу. Детская экскурсия — это же отличный способ легко впарить пачку другую чипсов и еще несколько упаковок леденцов, а если старик Каплински прознает, что он этот шанс упустил, то вони будет о-го-го. Но поезд ушел, и сдавать назад было крайне неудобно. Ну не было в бывшем футболисте коммерческой жилки, хоть ты тресни.

Женщина выдохнула с облегчением и засеменила к автобусу сообщать детям хорошую новость. Томми же вернулся за кассу, откуда было удобнее всего наблюдать за торговым залом, чтобы малышня не сперла ненароком шоколадку или еще какую мелочь, которая впоследствии могла лишить его работы и крыши над головой.

Спустя всего пару минут к минимаркету «Каплински» выстроилась колышущаяся вереница детей. Воспитательница или учительница, Томми так и не узнал от какой организации эта экскурсия, ловко манипулируя детской жадностью к сладостям полностью контролировала процесс, и любой нарушитель порядка по всей строгости экскурсионных законов карался лишением права на покупку вкусняшки. Дети запускались в помещение по одному и, следуя указанию доброго дяди продавца (от такой формулировки Томми чувствовал себя старым хрычом, и его хромота только дополняла картину), шли сперва в туалет, а после — возвращались в автобус доставать своими криками водителя, чьи глаза

выражали вселенскую усталость и полное безразличие к происходящему.

И все бы кончилось хорошо, по крайней мере, на сегодня, если бы не один любопытный парнишка в колючем шерстяном свитере, всученном ему чересчур заботливой мамочкой. Неистово расчесывая себе шею и проклиная того, кто придумал вязать свитера из колючей проволоки, он, по пути в туалет остановился возле двери в подсобку. Его внимание привлек странный звук, толи стук, толи клацанье. Главное, что он был ритмичным и достаточно необычным, чтобы усыпить в мальчугане инстинкт самосохранения.

Поколебавшись немного, не настолько долго, чтобы передумать, мальчик повернул ручку, и дверь со зловещим скрипом отворилась. Услышав такой скрип любой здравомыслящий человек, хоть раз в своей жизни смотревший фильмы ужасов, сразу смекнул бы, что к чему и дал деру, пока еще была такая возможность, но только не этот чесоточный ребенок. Он продолжал стоять на пороге и с любопытством вглядывался в темноту подсобки, вслушиваясь в странное клацанье, в попытке понять, что может издавать такие звуки.

— Эй, пацан, — крикнул Томми, — ты че встал? Туалет прямо по коридору.

Мальчик посмотрел сначала на дядю продавца, затем снова на черный провал подсобки, наивно, совсем по-детски, пожал плечами, в духе «не очень-то и хотелось» и, небрежно шаркая кроссовками, побрел дальше.

Странные клацающие звуки издавали зубы Якова, когда он широко открывал рот, а потом с силой его закрывал, будто кусая воздух. К тому моменту от сознания мистера Каплински уже не осталось практически ничего. В первую очередь болезнь уничтожила хозяина тела, чтобы потом, спокойно и без лишней суматохи перестраивать свое новое жилище под собственные нужды.

Мальчуган справлял нужду долго. Настолько долго, что Томми уже начал волноваться. У него в голове, забитой страхом налажать и снова получить нагоняй от начальника, суматошно возникали мысли самой различной степени странности, но все они как одна были тревожными. *А что, если пацан там в обморок упал? А что, если сбегал через небольшое окошко в туалете?* Ну и тому подобное.

Тем временем мальчик в колючем свитере, вытирая руки о задние карманы штанов, все же вышел из туалета и снова остановился возле распахнутой двери в подсобку. Клацающего звука больше не было, но теперь, в темноте что-то тускло поблескивало. Любопытство мальчугана было сильно, но не настолько, чтобы заставить его переступить порог, а потому, он просто стоял там как вкопанный, наблюдая за тем как блестящее нечто медленно приближалось. И когда, наконец, в небольшом кругу света, пробивавшегося в подсобку с улицы, показалось изуродованное гримасой ненависти ко всему живому, лицо Каплински, мальчуган понял, что двумя блестящими точками были его влажные и полностью почерневшие глаза. От неожиданности он хотел было вскрикнуть, позвать на помощь взрослых, но успел только открыть рот, прежде чем произошло самое странное событие в его короткой жизни.

Каплински плюнул.

Слюна двумя небольшими капельками, стянутыми между собой ниточкой, мгновенно преодолела метр, разделявший ребенка и большого владельца заправки, и, попав в рот мальчику, была рефлекторно проглочена.

Каплински напоследок хищно улыбнулся и снова скрылся в темноте, а дверь подсобки со скрипом закрылась.

Томми, приподняв бровь, наблюдал за тем, как пацан в пушистом шерстяном свитере, явно купленном на вырост, с диким воплем пронесся мимо, по пути задев стенд с различными картами, буклетами и открытками. Стенд, пошатнувшись, рухнул и никому не нужная макулатура рассыпалась по полу.

— Что случилось? — только и успела спросить у, пулей вылетевшего из дверей мальчугана, воспитательница. Он не ответил, лишь продолжая вопить, забежал в автобус и уселся на свое место, обняв двумя руками рюкзак.

— Что случилось? — снова повторила она вопрос, только теперь он был адресован Томми, вышедшему следом.

— Я не знаю, — ответил он, — пацан просто зашел в туалет, а когда вышел обратно, вдруг заорал и убежал. С ним раньше ничего такого не случалось?

— Нет, — мотнула головой воспитательница, и посмотрела на мальчишку, испуганно выглядывавшего из окна автобуса.

— Странный он... — протянул Томми и помахал мальчику рукой, тот в ответ лишь прижал сильнее к груди рюкзак, — Ладно. Так что, это был последний?

— Да, последний. Теперь мне нужно купить гору сладостей, а не то они меня с потрохами съедят еще на полпути к Индианаполису.

— Это точно, — Томми из вежливости улыбнулся и открыл дверь, пропуская женщину вперед, — На счет беспорядка не волнуйтесь, я все уберу. Вы пока набирайте, что там вам нужно, а я сейчас...

Он оставил воспитательницу (или учителя) в торговом зале, а сам проковылял вдоль рядов и, зайдя в небольшой коридорчик в задней части помещения, постучал в подсобку.

— Мистер Каплински, вам уже лучше?

Его не покидало ощущение, что именно его сварливый босс виноват в истерике мальчика, но доказывать это не собирался. Больно уж надо. А вот выслужиться, изобразив сочувствие — совсем другое дело.

Томми уже было хотел зайти внутрь, но услышал за дверью какую-то возню и подумал, что, возможно, старик опять пересчитывает коробки с запасами, а в такие моменты на глаза ему лучше не попадаться.

Вернувшись в торговый зал, он обнаружил на прилавке внушительных размеров гору из раздутых упаковок с чипсами и кукурузными палочками, а на дне притаились пара шоколадок и пачка сигарет, добравшись до которой, Томми вопросительно взглянул на женщину.

— Это для меня, — смущенно ответила она, — нервы ни к черту, так что...

Томми пожал плечами и добавил сигареты в общий чек. Женщина молча расплатилась, и с обреченным видом взяв объемный пакет, побрела к автобусу, в котором, среди галдящих сверстников притаился испуганный мальчик в колючем свитере. Он все еще держался за свой рюкзак и неподвижно буравил взглядом закрытую дверь подсобки. С улицы ее не было видно, но он знал, что она там, а еще он знал, что таится за ней. Мальчик смотрел сквозь большое витринное окно и несколько полок с товарами, туда, где в темноте сидел его новый ночной кошмар, мужчина с клацающей зубами. Смотрел и, сам того не замечая чесался, но на этот раз причиной чесотки был вовсе не свитер.

Томми проводил взглядом, отъезжавший желтый кирпич автобуса, грустно вздохнул, когда тот исчез из виду, тем самым погружая заправку «Каплински» в такую привычную для нее полудрему, и, не спеша, стал собирать разбросанные по полу дорожные карты с

открытками, при этом, мечтая хоть одним глазком увидеть запечатленные на них виды живую. С такой работой, конечно, ему это не светило, но мечтать не запретишь.

* * *

— Дарси! — гаркнул Луи, выглянув через раздаточное окошко, соединявшее кухню и закуток, огороженный барной стойкой, — Дарси, едрить тебя налево! Ты где запропастилась?

Солнце уже давно село, посетителей в «Обеде» не было, и это могло значить только одно — вечер покера. А для вечера покера необходимо было первым делом перевернуть табличку на входе надписью: «Закррито» наружу, чтобы никто посторонний ненароком не забрел на огонек.

— Дарси! — снова проорал Луи, и посуда в шкафчике за его спиной отозвалась тихим звоном. Переворачивать табличку было святой обязанностью официантки, и если она думала, что в этот раз он справится сам, то хрена с два, — Дарси!

— Да что ж ты так орешь? — она, вразвалочку вышла из туалета, поправляя фартук. Ее массивные бедра подрагивали при каждом шаге, а необъятная грудь тяжело вздымалась.

— Где тебя черти носят? Пора закрываться, скоро Дэн с парнями завалится.

— А орать-то чего? Или ты думаешь, мои кишки от крика быстрее управятся?

— Вот только давай без подробностей, — Луи скривился, его бурное воображение живо обрисовало рыхлую от жира задницу Дарси, обволакивающую со всех сторон бедный унитаз.

Увидев реакцию Гарриды, официантка басовито хохотнула и, подойдя к выходу, перевернула картонную табличку. Дверной замок же запереть она не успела, в нее врезался Томми. Она плохо знала парня, он всего пару раз заходил на обед, но даже абсолютно незнакомый человек мог сейчас с легкостью определить по его бледному лицу, что тот перепуган до смерти.

Томми, оттолкнув Дарси, ввалился в закусточную и начал неистово размахивать руками.

— Там... там... — он пытался что-то сказать, но сбившееся дыхание и паника давали о себе знать.

— Эй, полегче, — Луи еще сильнее вылез в раздаточное окошко, — что случилось?

— Каплински, — еле выдавил из себя Томми, — он... он... с ним что-то не так.

— Ну-ну, тише, — Дарси схватила парня в охапку, буквально пронесла его до ближайшего диванчика, затем насильно усадила и посмотрела на него так, как обычно смотрит матерый детектив на допрашиваемого подозреваемого, — Теперь рассказывай, что там с Яковом?

— Не знаю, — немного отдышавшись, ответил Томми, — Утром ему стало дурно, и он оставил меня за главного, а сам пошел в подсобку, передохнуть. Весь день там просидел, не выходил никуда. Я думал, что он там инвентаризацию проводит, и не мешал. Но уже поздно, мне домой пора. Ну, я пошел с ним поговорить, сказать, что свое отработал, захожу, а он там... он... — кадык в горле паренька так и ходил ходуном, туда-сюда, будто он не хотел продолжать рассказ и пытался проглотить его концовку, пытавшуюся вырваться наружу.

— На вот, выпей, — Луи, окончательно заинтересовавшись происходящим, вышел из своей любимой кухни и заодно вынес стакан воды перепуганному заправщику.

Томми взял стакан в руки, но пить не стал.

— Смотрите, — он задрал рукав своей рабочей формы и показал отчетливый след от укуса на предплечье.

— Ого, — Дарси немного наклонилась, чтобы разглядеть рану поближе, — это он тебя так?

Томми кивнул.

— Он набросился на меня, и все время клацал зубами, как ненормальный. Я не успел среагировать вовремя, там было темно, и он прокусил мне куртку. Разве здоровые люди так себя ведут?

— Нет, сынок, — Гаррида задумчиво посмотрел на светящееся в темноте здание заправки, — не ведут. Дарси, где аптечка знаешь?

Дарси уверенно кивнула.

— Тогда позаботься о парне. А я пока схожу, посмотрю, что там с Яковом стряслось. Может все не так уж и плохо?

Луи вышел, громко хлопнув дверью, и картонная табличка «Закрыто» еще пару секунд по инерции продолжала покачиваться, словно мотылек, колотясь в стекло, а Томми, поджав губы, смотрел, как темнота поглощала Гарриду, постепенно превращая его в черный силуэт на фоне яркой синей надписи: «Каплински».

Дарси пришлось снова вернуться в уборную, но на этот раз не по нужде, а за небольшой белой коробкой с красным крестом на крышке. Содержимое аптечки было скудным, но это же не какой-то там госпиталь, а всего лишь закусочная, так что простительно. Главное, что в ней нашелся почти нетронутый пузырек перекиси водорода и маленький рулончик бинта — все что нужно.

— Может тебе лучше скорую вызвать? — спросила Дарси, занеся над раной открытую перекись.

— Нет, спасибо, — ответил Томми, все еще смотря на улицу, — со мной все в порядке. А вот мистеру Каплински она может пона...

Парень не договорил. Вдруг, он замер, будто кот, увидевший на ветке за окном птицу. На фоне светящейся вывески снова появился низенький силуэт Гарриды. Луи бежал. Он перебирал ногами так часто, как только позволяло его уже давно не молодое тело. И когда он преодолел половину расстояния от минимаркета до закусочной, за его спиной раздался рев невероятной громкости. Все стекла и посуда на кухне «Обеда» задрожали, а вместе с ними вздрогнули и толстуха с бывшим футболистом.

— Звони 911! — выкрикнул с порога Луи, и щелкнул замком на входной двери. Он прекрасно понимал, что никакой замок не в силах удержать то существо, к тому же, дверь и большая часть стены были стеклянными, хуже укрытия придумать было сложно, но все же, иллюзия безопасности — это лучше, чем вообще ничего.

Решив не задавать лишних вопросов, Дарси извлекла из бездонного кармана своего фартука мобильный. Гаррида всегда славился своим хладнокровием, именно поэтому он так любил вечера покера, ведь он постоянно обыгрывал своих дружков. А раз Гаррида потерял самообладание, то дело плохо и лучше молча делать что велено.

Набрав номер, Дарси вдавила телефон в ухо с такой силой, что, казалось, стенка черепа сейчас треснет и диспетчеру на том конце придется разговаривать напрямую с ее мозгом. Но никакого диспетчера на том конце не было, никаких вам «911, что у вас случилось?», ни даже гудков. Дарси озадаченно посмотрела на телефон, а затем на Луи.

— Связи нет.

Томми достал свою дешевую раскладушку (на модный смартфон денег у него не было) и подтвердил, — У меня тоже.

— Это плохо, — Гаррида посмотрел сперва на Дарси, а потом и на Томми, — Это очень плохо.

— И что нам теперь делать? — Дарси сунула бесполезный телефон обратно в фартук.

— Ждать, — Гаррида повернулся к окну, — Ждать и надеяться, что Яков... что эта тварь не захочет зайти к нам.

— А если захочет? — Томми почесал ранку на руке.

— Тогда вечер покера придется отложить. О Боже, вечер покера... — Луи оперся на подоконник, — Скоро должны прийти Дэн с парнями.

Ситуация складывалась скверная, и старый мексиканец прекрасно это понимал. Дела были даже похуже чем тогда, давно, во времена, когда он был еще молод, глуп и наивен. Он переходил границу, не зная, что вместо американской мечты получит полную порцию Вьетнама. В далеком 1970-м, продираясь через душные джунгли и отстреливая гуков, он никак не мог предположить, что умрет вовсе не от пули. Кто бы мог тогда подумать, что его сожрет (а судя по укусу на руке Томми именно сожрет) бешеный владелец заправки?

И когда от осознания скверности ситуации настроение старика Гарриды оказалось в опасной близости к панике, она (ситуация) стала еще хуже. Погас свет.

* * *

— Да нет, же, — Моррис устало выдохнул, — Не думай о том, что ты рисуешь. Рисунок — это просто символ. Думай о том, зачем ты рисуешь, вкладывай в процесс свою волю, и рука сама подскажет нужные линии.

Рассадка пассажиров в «Форде» изменилась. Теперь за рулем, сидела Рита, совмещая должности капитана и штурмана. Генри и Норман расположились в отделении для арестантов. Они откопали в бардачке маленький блокнот, в нем Дэннис, напарник Букера, записывал всякую ерунду, которую не хотел, или не мог запомнить сам, и теперь пытались разобраться в том, как работают фокусы Нормана.

— Ты должен вникнуть в суть процесса, понять весь механизм, от начала до конца, и изменить нужную тебе часть. Помни, бытие формирует сознание с такой же силой, как и сознание формирует бытие.

Моррис аккуратно вывел в уголке скомканной страницы блокнота небольшую закорючку и передал бумажку Генри.

— Ого! — он попробовал сжать листок в кулаке, но у него ничего не вышло, — Твердый, как сталь. Таким и убить можно.

— Теперь ты, — Моррис протянул фломастер, — Верни все, как было.

Генри взял фломастер, занес его над затвердевшей бумагой и замер. Он пытался сконцентрироваться, как учил его Норман, собрать свою волю в одной точке, там, где чернила соприкасаются с бумагой, но не мог. Возможно, причиной тому было то, что он не до конца понимал, что от него требуется, или же способность изменять свойства предметов по своему хотению была уникальнейшим даром, которым обладал лишь один человек на земле — Норман Моррис? Ответа на этот вопрос Генри не знал, так же, как и не знал, каким образом можно вернуть бумаге прежнюю гибкость.

— Это что-то типа молитвы? — наконец спросил Букер, разочарованно опустив фломастер.

— Молитвы? — удивился Норман, — Нет, молитва — это просьба, а ты должен приказывать. Коротко, ясно и, по существу.

Он отобрал фломастер и крест-накрест перечеркнул свой рисунок в уголке листа. Бумага, тут же обмякла и слегка прогнулась по краям.

— Так просто? — в голосе Генри отчетливо читалось разочарование. Он не мог поверить, что ответ был настолько очевидным и незамысловатым.

— Конечно. Вселенная сама по себе проста. Усложнять ее устройство — человеческая особенность, образовавшаяся в связи с дефицитом информации. Я бы на твоём месте не расстраивался, ведь у меня было много лет тренировок и очень хороший учитель.

Рита вела автомобиль так аккуратно, как только могла. Проливной дождь превратил дорогу в некое подобие серого льда, с которого «Форд» то и дело норовил соскользнуть в кювет, а жалобно скрипящее левое колесо только усугубляло положение. Вдобавок ко всему болтовня на задних сиденьях сильно отвлекала. Уж лучше бы они играли в слова или города, как раньше. В них хотя бы Рита выигрывала. Правда иногда она называла такие, о существовании которых раньше и не догадывалась. Что-то, поселившееся под правым виском подсказывало ей ответ, и он срывался с языка раньше, чем она могла его обдумать. То самое «что-то», что подсказывало ей дорогу к заброшенному дому. И сейчас это «что-то» рисовало большую синюю надпись: «Каплински».

Сперва Рита не могла понять, что от нее нужно, почему именно «Каплински» и как избавиться от нового, назойливого образа. Ясности в происходящее внес датчик топлива, стрелка которого вяло клонила к отметке пусто. Рита уже собиралась оповестить своих вынужденных попутчиков об этом, но синий «Каплински», едва различимым шепотом обходя фильтр сознания, заставил ее руки повернуть руль и направить «Форд» к заправочной станции.

Норман и Генри настолько увлеклись экспериментами с фломастером и бумагой, что не замечали изменения маршрута, пока автомобиль не остановился.

— Где это мы? — будто только проснувшись, осматривался по сторонам Букер.

В нескольких десятках метров дальше по дороге виднелся небольшой навес и бензоколонки, скромно ютившиеся под ним. А за колоннами навеса просматривались минимаркет со странным названием и закусочная «Обед».

— Нам нужно заправиться, — ответила Рита.

— Мисс Босси, не хочу показаться излишне дотошным, — виновато начал Норман, — но мне кажется, вы переоцениваете длину заправочных шлангов. Даже если здесь осталось нетронутым энергоснабжение и насосы все еще работают, нам все равно определенно необходимо подъехать поближе.

— Знаю, — огрызнулась Рита, но автомобиль не сдвинулся с места, — здесь что-то не так.

Генри и Норман настороженно переглянулись.

— И насколько сильно нам нужен бензин? — после непродолжительной паузы спросил Букер.

— Позарез.

— Ладно, — Генри устало потянулся за пистолетом, — тогда схожу, проверю. Ждите здесь.

После стычки в Бриджуотере он теперь особо не волновался на счет того, что может столкнуться со светоедом. Первый, с которым ему довелось иметь дело — миссис Моррис, был не до конца сформировавшимся и, по словам самого Нормана довольно слабым экземпляром. Второй — его напарник Дэннис, совсем другое дело. Им с Норманом тогда пришлось обрушить на него все три этажа хирургии, и то, судя по звукам, доносившимся из-под завалов, твари удалось выжить. Третьего он даже умудрился искалечить, а сам при этом почти не пострадал, так, пара ушибов да ссадин. Главное, что благодаря дьявольскому везению и парадоксальной пушке Нормана он трижды столкнулся лицом к лицу с самим Дьяволом и остался в живых, а это что-то да значит. Может у вселенной на него есть планы? Тогда лучше ей не мешать.

Рита помогла Генри выбраться из отделения для арестантов (они все еще не могли придумать способ открывать дверь изнутри), и он, съезжившись под натиском ливня, побрел в сторону навеса, пряча за пазухой разрисованный «Глок». После того как Норман отменил действие своей закорючки, всего лишь перечеркнув ее, перспектива размытия рисунка дождем превратилась в реальную угрозу.

Заправочная станция выглядела заброшенной. Витринные окна выбиты, полки с продуктами лежат друг на друге, будто упавшее домино. Сперва Генри решил, что здесь побывали мародеры, но после, изменил свое мнение. Стекла лежали на асфальте снаружи, а значит тот, кто их разбил, делал это изнутри. Несмотря на перевернутые полки, еда была нетронута, кассовый аппарат тоже, а значит тот, кто устроил весь этот бардак не был заинтересован в грабеже.

Взяв пистолет наизготовку, Генри переступил через пустую раму стеклопакета. Стараясь не издавать звуков, он прошел вдоль всего помещения, заглядывая в щели между полом и опрокинутыми стеллажами, пока, наконец, не уперся в небольшой коридорчик. Противоположенный конец коридора заканчивался уборной с остатками двери, болтавшимися на верхней петле.

«Кому-то не терпелось» — подумал Генри и еле заметно ухмыльнулся.

По левую сторону от туалета обнаружилась незапертая кладовая или подсобка. В ней, по замыслу хозяина должны были храниться запасы товаров. Сейчас же эта комнатка больше походила на помойку. Подробности Генри разглядеть не мог из-за полного отсутствия освещения, но проверить каморку все-таки было необходимо. «Ты же не хочешь, чтобы бешеный наркоман пырнул тебя отверткой в спину, сынок? — мелькнул в его голове почти отеческий совет инструктора из полицейской академии, — Тогда вбей в свою бошку, как дважды два, что ни одно, даже самое невероятное место, не должно быть пропущено. Не стоит недооценивать изворотливость и хитрость преступника».

Пол был залит смесью различных соков, газировок и энергетических напитков, которые сочились из растерзанных пластиковых упаковок и Генри тут же вступил в эту, пахнущую апельсинами, яблоками и еще бог знает чем, жижу. Прохудившийся в последней заварушке правый ботинок стал быстро заполняться неприятной субстанцией.

— Вот говно! — выругался Генри вслух и вздрогнул, осознав, что только что сам себя выдал. Если бы где-нибудь в одном из этих темных углов скрывался светоед, чудом не заметивший его приближение, то сейчас, скорее всего он бы уже выдергивал кишки из незадачливого копа. Но никакого светоеда в подсобке не было. Только темнота, тишина и едкий запах пищевой химии.

Тем временем, Норман, не выдержав томительного ожидания, приказал Рите держать

руку на ключе зажигания, а сам пошел посмотреть, не нужна ли Букеру помощь. Не то чтобы он много чего мог сделать без предварительной подготовки, не смотря на все кажущееся многообразие его талантов, список реально действенных возможностей был весьма ограничен. Любой, даже самый простенький рисунок требовал тщательного обдумывания и учета всех возможных негативных последствий. Как ни как, изменение законов природы, даже незначительное и в малых масштабах — все равно дело серьезное. Но как показала практика, иногда, особенно в экстренных ситуациях, он неплохо импровизировал. Например, идея парадоксального пистолета прошла к нему не в уютной обстановке, а во время схватки с его же собственной матерью.

Приближаясь к зданию заправки, Норман заметил выходящего из него Генри и вопросительно кивнул головой. Тот в ответ пожал плечами и показал дулом пистолета на закусную «Обед». Немного изменив траекторию, Моррис нагнал Букера.

— Ну что?

— Ничего, — Генри снова прикрыл «Глок» курткой, пряча его от дождя, — Вроде как есть следы борьбы, но было это минимум несколько часов назад, а то и вообще вчера. Мне кажется, наша Рита просто паникер и здесь давно никого нет.

— Возможно, но тогда чья это машина? — Норман указал на часть багажника, видневшуюся за стеной закусной. По всей видимости, кто-то припарковался возле служебного входа.

На этот вопрос у Гери ответа не было, зато он был у существа, ранее звавшегося Джеральдом Пирсом, наблюдавшего за происходящим, притаившись на соседнем холме. Оно не знало, что владельца автомобиля зовут Дэн, и что он всегда парковал свою тачку за углом, чтобы не подставлять Луи, ведь Каплински ругался, когда они устраивали вечера покера. Зато оно прекрасно знало, что там, в коробке из камня было гнездовье другого. Судя по следу феромонов, не такого сильного, всего пять трутней. Было бы семь, но двое были сильно повреждены и не пережили процесса трансформации.

Пирс видел, что человек подбирается к гнездовью. Все его естество кипело, приказывая ринуться в бой, не дать чужаку вторгнуться в святая святых, но жажда мести советовала не показывать себя раньше времени. Человек со странным оружием силен и опасен. Потеря одного гнездовья — это трагедия, но победа над таким противником гораздо важнее. Проследив со стороны за тем, как человек сражается, можно будет понять его сильные стороны и, самое главное — увидеть дыры в защите. А если враг выживет, он будет обессилен, тогда наступит время выйти из тени.

Часть одиннадцатая

Выход из тени

— Фу, что за чертовщина? — Букер еле сдерживал кашель.

— Не знаю, — ответил Моррис, прикрывая лицо рукой.

Они оба сидели на корточках возле закусочной «Обед». Одно из больших витринных окон было выбито, и из этой дыры на улицу вырывался удушающий смрад. С таким запахом ни Генри, ни Норману сталкиваться еще не доводилось. Он, минуя защитную пелену дождя, буквально врывался в несчастные носы и сводил нервные окончания с ума. Но запах был лишь малой частью всей омерзительной картины, при виде которой желудок Букера, уже трети сутки не получавший нормальной пищи, скручивало в спазме.

Дальний угол закусочной, небольшой закуток, отгороженный от общего зала барной стойкой, превратился в мешанину из человеческих тел. Толстуха Дарси, а вернее то, что от нее осталось, служила основанием для этой тошнотворной конструкции. Ее массивное тело расплылось по столешнице и стульям, будто пластилин, долго простоявший на солнце. Волосы то там, то тут вращались в покрытую сотнями желтых прыщей кожу, а глаза бездумно вращались в орбитах потерявшего форму черепа.

Сверху, на фун-Дарси-даменте держались еще двое бедолаг, беловолосый Луи и его покерный друг Дэн. Они, плотно скрутившись спиралью, образовывали своеобразный ствол, тянувшийся вдоль угла к потолку, цепляясь наростами и остатками конечностей за любой предмет и выступ, обвивая их словно лоза.

Завершал постройку сотрудник Дэна, который, к слову, меньше всех хотел ехать посреди ночи невесть куда и играть там в покер с непонятно кем. По всей видимости, его задачей было крепление всей этой конструкции к потолку, но он с ней явно не справлялся. Его тело, в отличие от остальных, находилось в весьма неплохой форме (то есть в узнаваемой) и Генри понял почему, когда из-за барной стойки, как чертик из табакерки, вынырнул светоед Каплински. Он ловко вскарабкался по колышущемуся от любого движения фун-Дарси-даменту на ствол и, держась одной рукой за безразличное, оплывшее лицо Луи, другой принялся соскабливать со своей серой, полупрозрачной кожи какую-то слизь. Каплински втирал выделения в несчастного, просто оказавшегося не в том месте и не в то время, они моментально впитывались, и его тело постепенно начинало опадать, превращаясь в удобный для существа строительный материал. К слову, несмотря на ужасающие метаморфозы, глаза жертвы выражали полное равнодушие к происходящему. Казалось, он даже не замечал того, что с ним делают, и думал о чем-то отрешенном или не думал вовсе.

— Норм, что происходит? — шепотом спросил Генри, наблюдая за тем, как светоед размазывает свежий човекоцемент по потолку.

— Не знаю, — ответил Моррис, — отец о таком мне не рассказывал. Нам лучше уйти отсюда, и поскорее. Предполагаю, что этот сильный запах вызван выделениями и неизвестно как он на нас повлияет.

— Что, вот так просто возьмем и свалим?

— Да. Мы приехали сюда за бензином, а не дракой.

— Э, нет, Норм. Так не пойдет. Когда я тебя встретил, ты голышом оседлал одну из этих тварей, только чтобы дать мне и моему напарнику время спастись. Это был самый, черт тебя

дери, храбрый поступок на моей памяти. А теперь ты в первых рядах отступления? Я просто отказываюсь в это верить. Посмотри туда, — Букер силой повернул голову Морриса в сторону продолжавшейся нечеловеческой стройки, — ты видишь? Однажды мы с тобой окажемся там, обмазанные соплями и слипшиеся, будто сраные макароны без масла. Не знаю, как тебе, но мне все это дерьмо совсем не нравится. Я хоть и не такой умный, как ты, но, тем не менее, реалист и знаю, что всех их мне не перебить, какой бы крутой ты не сделал пистолет. Но здесь и сейчас эта серая жопа издевается не только над ними, а над всем человечеством в целом, и я собираюсь покончить с этим.

Не давая Норману шанса возразить, Генри выпрямился во весь рост, прицелился, как следует, и выстрелил трудившемуся под самым потолком Каплински прямо в костлявую спину. А затем еще раз, и еще, и еще, превращая невероятную конструкцию из человеческих тел, существо, ее возводившее, а также часть стены и добрую половину кухни в кашу из дикой смеси пыли, нержавеющей стали и человеческих останков.

Хлопки взрывающегося свинца гремели один за другим, разносясь по округе слабым, съедаемым ливнем эхом. Генри нажимал на спусковой крючок до тех пор, пока не удостоверился, что от Каплински и его «шедевра» не осталось и следа.

Джеральд Пирс с трепетом наблюдал за тем, как чужак уничтожает гнездовье. Действуя исподтишка, подло и резко, он получил преимущество и одержал победу, не оставив хозяину даже шанса на сопротивление. Этот хитрый ход одновременно заслуживал уважения и настораживал. Еще одно проявление несвойственной такому недоразвитому виду силы.

— Генри! — воскликнул Норман, медленно выпрямляясь, — В последнее время ты ведешь себя крайне импульсивно. Своими необдуманными действиями ты ставишь под угрозу все наше дело.

— Наше дело? — Букер удивленно посмотрел ему прямо в глаза, — А какое у нас дело, Норм? Наше с тобой дело закончилось ровно в тот самый момент, когда твой сумасшедший папашка нырнул в петлю. Уговор был, что я помогу тебе найти человека, способного изменить все, — его тон быстро скатывался в саркастический, — и потом этот мистический, загадочный человек-аномалия, белое пятно на карте времени — должен все исправить, должен победить инопланетную чуму и спасти человечество от вымирания. Ну и? Вот он, ты, тот самый, мать его, спаситель, мессия. Чего ж ты не спасешь всех, а?

— Генри, прекрати...

— А я скажу, почему. Потому, что все эти истории про великого спасителя всея земли — полная хрень. Мы уже все мертвы, просто еще не поняли этого. Ты, я, Рита. Все! Мы просто по инерции барахтаемся в этом чане с дерьмом, а берегов то уже не видно. И у каждого из нас всего два пути. Либо сложить лапки и пойти ко дну, либо барахтаться до последнего, пока совсем не останется сил и тоже пойти ко дну, но с осознанием того, что хотя бы попытался.

Джеральд Пирс насторожился. Его враги, кажется, вступили в конфликт и это было как нельзя кстати, ведь в воздухе все еще слышался запах феромонов. Одному из трутней удалось пережить атаку чужаков и теперь он, потеряв своего владыку, свой компас, не мог сориентироваться в происходящем. Пирс решил воспользоваться этой овечкой без пастуха как отвлекающей мишенью и подал сигнал к атаке, а сам ринулся к припаркованному вдалеке полицейскому «Форду». Если действовать быстро, не давая врагу опомниться, то шансы на победу значительно возрастут.

— Генри, прошу, успокойся. Я никогда не утверждал, что нам стоит сдать или, как ты

изволил выразиться, опустить лапки. Просто я не сторонник твоей тактики. Мне более привычно обдумывать действия наперед. И, насколько я помню, даже после полного провала основного плана, у нас появился новый — найти дом из воспоминаний отца. И его предложил ты, если не ошибаюсь. Так почему же теперь ты отказываешься от него в пользу сиюминутного порыва?

Букер замолчал и отвел взгляд. Струйки дождевой воды стекали по его лицу, но даже сквозь эту пелену Моррис мог отчетливо различить слезы.

— Извини, Норм, — наконец выдал он из себя, — Я думал, Индианаполис смогу перетерпеть, но вот это... Слишком тяжело...

— Всем тяжело, но это не повод разбрасываться своей жизнью. Нам еще много чего предстоит сделать, перед тем как пойти ко дну. Может нам вообще не придется идти ко дну. Вселенная — саморегулирующаяся система, основанная на случайностях и некоторой неопределенности, а значит, процент шанса на успех всегда отличен от нуля. Предпочитаю концентрироваться на этой мысли и тебе советую. Стабилизирует работу нервной системы.

Букер, уже свыкшийся с витиеватыми формулировками, понял, что это своеобразный акт дружеской поддержки, обычно, совсем не свойственный Норману, и собирался поблагодарить его за это, но не успел. Через разбитую витрину на него выпрыгнул (если можно так выразиться) бывший футболист Томми и повалил на землю. Вообще задумывался хищный скачок, но в самый ответственный момент колени отказались разгибаться, и парень просто неуклюже рухнул через бортик прямо на полицейского.

В это же время у ждущей в автомобиле Риты в голове будто колокол взорвался. Это был сигнал бедствия, поданный чем-то непонятным, поселившимся за правой височной костью. К счастью, девушка смогла правильно его распознать и выпрыгнула из «Форда» за долю секунды до того, как его крыша смялась под весом приземлившегося на нее Пирса.

Существо, не заметив ловко скрывшуюся под автомобилем жертву, с диким гортанным рыком вцепилось в изогнутые края отверстия, прикрытого от дождя брезентом, и одним резким движением вскрыло автомобиль как консервную банку. Обнаружив, что салон пуст, Пирс взревел еще громче и, опустившись на четвереньки, бросился в сторону закуской «Обед», где все еще живой трутень Томми покорно выполнял свою отвлекающую функцию.

— Сними его с меня, — прокряхтел Букер, борясь с вдавившим его в мокрый асфальт, увальнем. Томас, несмотря на операции и восстановительную диету сумел сохранить большую часть того, что его футбольный тренер называл Томми-таран, а именно — полезный вес и крепкие, цепкие руки. У Томаса был талант, в защите ему не было равных, и Букер чувствовал это каждой ноющей косточкой своего тела.

Моррис, вцепившись в ремень на джинсах (а из одежды на парне были только они), попытался оттащить неприятеля, но тот оказался чересчур тяжелым, а больная спина — слишком слабой.

— Стреляй, Генри! Стреляй! — закричал Норман, все еще держась за ремень.

— Не могу, — Букер быстро терял силы, — слишком тесно. Нас обоих размажет!

Недолго думая, Моррис смекнул, что от него требовалось, отбежал на несколько шагов, а затем, как следует разогнавшись, ударил носком ботинка парня прямо по ребрам. Томми резко выдохнул и, ослабив хватку, перекатился на бок.

Воспользовавшись моментом, Генри вскочил на ноги, отшагнул назад и, прикрыв лицо рукой, выстрелил. Их с Моррисом тут же обдало жаром взрывной волны, а вся одежда окрасилась в бордовый.

— Это было близко, — выдохнул Букер, и его настроение немного улучшилось. Адреналин постепенно отодвигал хандру в дальний угол, занимая ее место. Но сладкое чувство победы быстро сменилось беспокойством.

— Эм, Норм?

— Да? — Моррис отлепил от своего истерзанного непогодой и приключениями больничного халата небольшой кусочек кожи и с нескрываемым отвращением бросил его на землю.

По мере того, как Пирс, стремительно приближаясь, преображался из плохо различимого силуэта в знакомый отталкивающий образ, зрачки Букера расширялись.

— Там это... — промямлил он, не отводя взгляда от несущегося на всех парах светоеда, — подкрепление.

Моррис обернулся и успел разглядеть только тянущиеся к нему крючковатые руки и широко раскрытый в предвкушении свежего мяса, рот чудовища, как вдруг почувствовал сильный толчок в спину и, потеряв равновесие, распластался на асфальте. Генри, не придумав ничего лучше, словно самая настоящая восходящая звезда реслинга, подпрыгнул на месте и, упершись ногами в большую спину Нормана, со всей силы распрямил их, выталкивая и себя, и друга подальше от траектории, по которой двигался светоед.

Пирс, не в силах совладать с собственной инерцией, пролетел еще добрых три метра, после чего снес своим сторбленным туловищем остатки металлической рамы, к которой некогда крепились витринные стекла, неловко взмахнул всеми конечностями и скрылся в гряде мусора, оставшегося после обрушения части стены закуской.

Едва придя в себя после неудачного падения, Генри почувствовал сильную боль в затылке и застонал. В ответ метрах в двух послышалось кряхтение Нормана, а намного дальше справа — приглушенный стрекот светоеда.

Генри открыл глаза и понял, что сделал это зря. Картинка шаталась и плыла, как после бутылки крепкого пойла. Сам он никогда не напивался, но судя по рассказам друзей и знакомых, все выглядело именно так. Ощупав затылок, он обнаружил набухающую шишку и пришел к выводу, что, спасая Нормана, сам себе устроил сотрясение мозга. Герой дня, чего уж тут.

Тем временем Моррис уже поднялся на ноги и улыбался во весь рот. По всей видимости, во время стычки в своей квартире светоед, не до конца сформировавшийся из его матери, ударом об потолок немного сместил ему один позвоночных дисков, а неожиданный толчок Букера — вернул его на место. Назойливая, не дававшая все эти дни спать, боль наконец отступила, и теперь, даже несмотря на свезенную о шершавый асфальт щеку, Норман чувствовал себя значительно лучше. Но радоваться ему довелось не долго, ровно до того момента, пока из-под небольшого холмика из бетона и гипсокартона не показалась серая, скрюченная рука Пирса.

Видя, что Букер совершенно не в состоянии вести бой, Моррис подобрал парадоксальный «Глок» и... и не попал. В отличие от Генри, у него за плечами не было стрелковых курсов и ежесуботного похода в тир, а потому пуля, взорвавшись, не только не повредила светоеда, но и аннигилировала часть небольшого завала, под которым извивался в припадке ярости Пирс. Тогда Моррис решил подойти к проблеме с другой стороны, с той, для которой особой меткости не требовалось. Он быстро сделал несколько выстрелов, каждый из которых съедал солидную часть тыльной несущей стены закуской. Наконец, после пятого хлопка, все здание пошатнулось и рухнуло, окончательно погребая под собой

Пирса.

— Ты в порядке? — спросил Норман, помогая Букеру встать, — Теперь у нас есть немного времени, чтобы обдумать дальнейшие действия.

— Ага, — Генри зажмурился и потер шишку на затылке, — все как ты любишь. Чего тут думать? Валить надо! Ты там случайно тачку не разнес?

— Автомобиль? — озадаченно переспросил Моррис.

— Да, автомобиль. Ты чего уже забыл? За домом был припаркован.

И правда, во всей этой суматохе Моррис совершенно забыл про старый бежевый седан Дэна, по-прежнему верно дожидавшийся своего хозяина у служебного входа. Ни Дэна, ни служебного входа уже не существовало, но автомобиль все еще стоял на месте, и на удивление был абсолютно цел, ну, разве что немного грязноват. Но на этом его удивительность не заканчивалась. Вероятно, в городках Мексико и Перу, чье совокупное население не превышало и пятнадцати тысяч человек, преступность была в диковинку, потому что двери автомобиля оказались не заперты, и, что самое важное, ключ наивно болтался в замке зажигания.

— Да это просто праздник какой-то, — довольно протянул Букер, услышав урчание мотора. Моррис пропустил это мимо ушей. Он, резко оглядываясь по сторонам, выгонял автомобиль с его парковочного места, при этом вслушиваясь в тархтение дождя по лобовому стеклу. Последнее, что сейчас ему хотелось услышать — это стрекот светоедских зубов, пробивающийся между ударами капель.

Бежевый седан, взвизгнув колесами, накренился сперва влево, затем вправо, объезжая разбросанные по дороге обломки «Обеда», вырулил на дорогу и резко остановился потому, что Моррис, сидевший за рулем, получил увесистую оплеуху.

— Это еще за что? — возмущенно спросил он у Букера.

— Серьезно? Теперь я понимаю твою нездоровую любовь к бесконечному обдумыванию всего и вся. Норм, в экстренных ситуациях ты реально тупеешь. Риту кто забирать будет?

Босси сиротливо мокла под дождем возле изогнутых останков полицейского «Форда». Она растирала свои плечи ладонями, но это совсем не помогало. Осенний ливень моментально вымывал из ее организма любые, даже самые маленькие и незаметные зачатки тепла.

— Дорогуша, вас подвезти?

Из открытого пассажирского окна высунулась улыбающаяся зеленоватая физиономия Букера. Его голова изрядно кружилась, а тошнило так сильно, что непременно бы вырвало, будь в желудке хоть что-нибудь кроме воздуха.

— Еще раз меня так назовешь, — прошипела Рита, — и я тебе задницу надеру. Где вас черти носили?

Она запрыгнула в салон и тут же принялась выжимать промокшие волосы.

— Ну, сперва мы довольно мило поболтали с местными, отличные ребята, а потом Норм сровнял все с землей. Дурацкая привычка... Кстати, какого хрена случилось с моей тачкой?

— Она сломалась, — Рита через силу улыбнулась, но волосы полностью скрывали ее лицо и этого никто не заметил.

— Это точно нужное место? — настороженно спросил Букер, — Думал будет гораздо загадочнее, что ли.

Здание действительно не создавало впечатления рокового места. Даже более того, оно будто старалось не произвести вообще никакого впечатления. Обшарпанные молочно-серые стены со вспучившейся от времени и непогоды краской. Облицовка кое-где отвалилась, обнажая утеплитель и деревянные перегородки. Черепица на крыше слегка поплыла, а выбитые окна заколочены досками. Одним словом — уныние.

— Точно, — Рита замороженно всматривалась в дом. Слишком долго ее мучал этот образ. Он вился на задворках сознания, то и дело проскальзывал между мыслями на передний план, назойливо напоминая о своем присутствии, не давая отвлечься и забыть себя. И теперь, когда она стояла здесь, напротив покосившегося крыльца, ее не покидало ощущение удачной встречи, свидания с давно забытым старым другом детства, такое теплое и ностальгическое, будто она уже бывала здесь раньше. Ей больше не хотелось ни с кем говорить, ни от кого убежать. Весь мир на мгновение перестал существовать. Светоеды, пожары, смерти и кровь, все это теперь не имело никакого значения. Картинка размылась, а в фокусе остался лишь дом. Он манил ее, приглашал войти и вспомнить все то хорошее, что было между ними. Она не сопротивлялась.

Рита молча преодолела три скрипучие ступеньки и на мгновение замерла перед обшарпанной дверью, часть которой была заколочена листом фанеры, исписанным различными ругательствами и непристойностями. Она не видела этих надписей, ее взор был затуманен и различал только то, что досталось ей по наследству от Бритни, от Чипа Дугласа, запомнившего это место по-своему. Протянув руку, девушка взялась за круглую дверную ручку и повернула ее. Замок щелкнул и открылся с такой легкостью, будто все эти годы его заботливо смазывали и чистили.

Совершенно забыв о своих попугайках, Рита вошла в дом. Генри с Норманом, непонимающе переглянулись и пошли следом.

Большой обеденный зал по-прежнему выглядел изувеченным и одновременно с этим, отталкивающе пустынным. Гигантское граффити на всю стену в своеобразной манере изображающее наименование какой-то бандитской, или претендующей на такое звание, молодежной группировки. Пол усеян мириадами окурков, несколько пустых бутылок из-под пива и слабоалкогольных напитков.

— Это просто удивительно, — стоя на пороге комнаты, Рита с приоткрытым ртом осматривала открывшийся перед ней беспорядок.

— Ну, даже не знаю, — Букер пожал плечами, — обычная помойка.

— Нет, не обычная. Прошло столько лет, а здесь совершенно ничего не изменилось. Это место абсолютно нетронуто.

— Мисс Босси, вы так говорите, будто бывали здесь раньше, — Норман подобрал больничный халат повыше, чтобы случайно не зацепить им одну из бутылок.

— Я — нет, но Чип бывал, и много раз. Он хорошо помнил эту комнату, она, конечно, была пустой, пыльной, но очень ему нравилась, пока вдруг не превратилась в это... в этот беспорядок, — она замолчала, прислушиваясь к себе, а затем продолжила, — Для твоего отца это было сильным ударом. Тогда он считал, что потерял не просто место для игр, а

настоящего друга. Поэтому эти бычки, граффити, все сильно отпечатались в его памяти.

Рита присела, словно художник, проверяющий перспективу, вытянула вперед руку с оттопыренным большим пальцем и посмотрела через него на пивные бутылки, прищурился при этом правый глаз.

— Нет, здесь точно что-то не так. Все находится абсолютно на тех же местах, что и тогда. Такого просто не может быть. Ведь так?

— Статистически это возможно, — в своей обычной манере начал Норман, — Здание заброшено и вероятность того, что сюда никто не заходил весьма велика.

— Ага, а ту свежую кучу дерьма кто-то через окно забросил, — возразил Генри.

* * *

Пирс больше не злился на чужаков со странным оружием. Grimасу ярости на его лице сменило другое выражение — холод и решимость. Теперь он знал, что сильные эмоции, оставшиеся в этом теле после перевоплощения, ему только мешали и он избавился от них. Жажда мести, тщеславие, злость, все осталось в прошлом, а сейчас лишь холодный, точный расчет и стратегия. Какой смысл сражаться с чужаком один на один? Какой смысл жертвовать гнездовьем и своим братом, только лишь ради самоудовлетворения победой? Гораздо проще позвать подмогу и без лишних потерь покончить с этими нелепыми попытками сопротивления.

Пирс больше не хотел мести, единственным его желанием была победа, и ради нее он пробивался через бетонные завалы, и ради нее он продолжал идти по следу чужака, и ради нее он собирал армию.

Десятки светоедов по всему Чикаго и его пригородам бросили все, и последовали зову. Они, ведомые своим временным, но верным генералом Пирсом собирались в небольшие группы и занимали нужные позиции. Вокруг Храма Фантазий замкнулось кольцо окружения и начало медленно сжиматься.

* * *

— Мне кажется, Генри прав. Это не просто предсмертная вспышка ностальгии, — не обращая ни к кому, словно разговаривая сама с собой, сказала Рита.

— О как, — Букер слегка напрягся, хотя бы маленький лучик надежды — это все, что ему сейчас было нужно, — А что же тогда?

— Не уверена, сложное ощущение, незнакомое, — она медленно прошла по периметру комнаты, остановилась возле граффити и провела по нему рукой, — Может быть тайна? Или тайник...

— Мисс Босси, я вынужден просить вас думать быстрее, — Норман смотрел на улицу через небольшую щель между фанерными листами, закрывавшими окно.

— Что там? — еще сильнее напрягся Букер.

— Номо Mutata. Три экземпляра. Крупные и полностью сформировавшиеся.

— Сколько?!

Букер протиснулся к окну, чтобы лично убедиться, что дела действительно настолько

плохи. Норман не ошибся, светоедов было трое. Они держались на расстоянии друг от друга, пригнувшись и напоминали поисковый отряд.

— Это плохо, — Генри выбежал из гостиной, в два больших шага преодолел короткий коридор и, оказавшись на кухне, через единственное не заколоченное окно увидел еще четыре твари, приближавшиеся с противоположенной стороны, — Это очень и очень плохо! Отступать некуда. Норм, готовься, будем держать оборону.

— И каким образом ты собираешься ее держать? — поинтересовался Моррис у вернувшегося в гостиную Букера.

— Забаррикадируем двери, ты укрепишь знаками стены, как у себя в квартире, а дальше видно будет.

— Боюсь тебя разочаровать, но укрепить здесь ничего не получится, материал изначально слишком непрочный и разнородный. Тем более, как ты мог заметить даже слабый Номо Mutata смог разрушить знак. Пустая трата чернил.

— Тогда напрягай башку и думай. Ты же у нас спец по части думания?

— Я и так думаю, Генри, с самого начала думаю, но обстоятельства гораздо сильнее, чем я предполагал. Не хочу нагнетать напряжение, но, вероятнее всего, наступил тот момент, когда мы пойдем ко дну.

— Эй, неженки, хватит сопли жевать и быстро за мной! — гаркнула откуда-то сзади Рита.

Генри уже было набрал в грудь воздуха, готовясь выдать, начинающуюся с неперемного «дорогуша» тираду, призванную поставить эту грубиянку на место, но в гостиной кроме него и Морриса больше никого не было.

— Не понял? — Букер удивленно огляделся.

Вдруг, в дальнем углу, там, где лежала куча человеческих экскрементов, воздух слегка дрогнул, колыхнулся, будто марево над раскаленной летней жарой дорогой, и в самом центре этого искажения появилась голова Риты. Казалось, что она, ничем не поддерживаемая, просто парила над землей и эта иллюзия выглядела довольно эффектно.

— Алло, чего стоим? — спросила голова и тут же снова растворилась в мареве.

— О, — тонкие губы Морриса растянулись в ухмылке, — это довольно любопытно.

Он подобрал подол своего больничного халата еще выше, подошел к куче и, переступив через нее, тоже исчез.

— Чего любопытного-то? — выкрикнул Букер, но ему никто не ответил, — Чего любопытного? Мы что, Хогвардс нашли?

Подождав пару секунд, Генри понял, что ответа не будет и впрыгнул в то место, где исчезли его друзья. На короткое мгновение все вокруг потемнело, а после, в глаза ударил непривычно резкий свет.

Генри обнаружил себя в широком то ли коридоре, то ли тоннеле. Его стены под потолком сходились в пологую арку, а материал, из которого они были сделаны, светился изнутри.

— Все-таки это был тайник, — Рита довольно уперла руки в бока.

Букер, широко раскрыв глаза, суматошно оглядывался по сторонам.

— Мне может кто-нибудь объяснить, где мы и какого хрена здесь творится?

«Только если будете задавать правильные вопросы», — эхом пронеслось по тоннелю.

Букер от неожиданности вздрогнул и крепче сжал пистолет.

— Позвольте поинтересоваться, кто это говорит? — прокричал Норман, сложив из

ладоней своеобразный рупор, и его вопрос затерялся в изгибах светящихся стен.

«Интересуйтесь», — вернулся ответ.

Рита раздраженно цокнула языком и закатила глаза.

— Какая глупость... Вместо того, чтобы стоять здесь и орать, уже б давно сходили и сами посмотрели.

— А может ну его? — Букер еще раз огляделся, эти светящиеся стены своей монолитностью и неестественной равномерностью давили на него, вызвали в нем неприятное чувство похороненности заживо, — Мало ли что там впереди?

— Ой-ей-ей, — Рита приложила ладони к щекам и изобразила умиление, — наша дорогуша испугалась.

— Так! Вот не надо этого. Все нормально, сейчас сходим и посмотрим. Чего началось? — он в поисках поддержки взглянул на Нормана, но тот в ответ только равнодушно пожал плечами, — Дорогушает она видите ли...

Продолжая бурчать себе под нос, Букер двинулся вперед по тоннелю, по пути успокаивая себя мыслями о том, что это единственный оставшийся путь, что выбрать не приходится, что сзади его ждет целая толпа светоедов, готовая глумиться над его останками самыми изощренными способами. Удивительно, но это помогало.

На случай, если тоннель окажется длинным и будет иметь развилки, Норман решил считать шаги. Так он мог составить в голове приблизительную карту и, если что, вывести друзей обратно к началу. Но этого не понадобилось. Спустя всего двадцать три с половиной шага их путешествие закончилось вместе с тоннелем, который привел в большое помещение. Без измерительных приборов размеры зала определить было невозможно, его пол, стены и потолок плавно сливались воедино без видимых швов или стыков. Они были сделаны из такого же люминесцирующего материала и создавали иллюзию уходящей в бесконечность белизны.

Единственным спасением для глаз в этом белом космосе оказался человек. Он сидел на двух чемоданах составленных вместе, и был одет в коричневый плащ, полы которого небрежно распластались по полу. Кожа человека была болезненно серой, одной рукой он подпирал щеку, а другой теребил замок одного из чемоданов.

— Любопытные вы ребята, — меланхолично протянул незнакомец, — вообще, система безопасности не склонна пускать сюда людей.

Он медленно перевел взгляд с чемодана на озадаченную троицу, и его лицо тут же расплылось в улыбке. Такую реакцию обычно можно увидеть за кулисами, когда преданный фанат как бы ненароком сталкивается со своим кумиром возле двери его гримерной.

— О-хо-хо! — воскликнул незнакомец, — Да это же знаменитый Норман Моррис. Вот так встреча.

— Норм, ты чего, знаменитый? — почти шепотом спросил Букер.

— В определенных кругах — да, — ответил вместо Морриса незнакомец, — Они с отцом весь наш исторический отдел на уши подняли. Обычно такие аномальные последствия кровосмешения проявляются крайне слабо и редко, а тут целых два экземпляра, да еще и прямые родственники. Дай вам время, и вы бы такой каши заварили... Тот любвеобильный еврейский плотник на вашем фоне выглядел бы как дешевый ярморочный шарлатан.

— Так, мужик, ты вообще кто такой и что это за место? — Букеру не нравился этот тип. Можете назвать это чутьем патрульного, либо профессиональной деформацией, но почему-то с первого взгляда незнакомец показался ему преступником. Странная одежда, странная

манера держаться и говорить, подозрительные чемоданы, все эти тонкости складывались в его голове в большие, мигающие красные буквы «ОСТОРОЖНО».

— Прошу прощения за мою бестактность. Вежливость всегда давалась мне с трудом, это прерогатива парней из отдела по связям с общественностью. Меня зовут, — вдруг незнакомец издал целый спектр непроизносимых звуков и щелчков, — но для вас я просто Арчибальд. А это место, как бы так покорректнее выразиться, спасательная шлюпка. Вернее, здесь она была, до того, как я опоздал на ее отправление. Вы не поверите, как трудно в последнее время найти компетентного курьера, особенно если груз достаточно ценен.

Арчибальд похлопал по чемоданам.

— Спасательная шлюпка? — Нормана зацепило слово «спасательная».

— Ну да, знаете, как на Титанике. Такое маленькое средство передвижения, внутри большого средства передвижения, предназначенное для того, чтобы в случае больших проблем оказаться как можно дальше от их источника. Шлюпка, — пояснил Арчибальд, но заметив замешательство собеседников, продолжил, — Ой, да ладно, будто вы сами не в курсе. На вашей планетке больше нечего делать. Зачистка идет полным ходом и такими темпами все закончится очень быстро. Кстати, это почти антирекорд. Быстрее вас из разумных только те трехногие из соседнего рукава были, но у них льготы, три ноги — это крайне непрактично, знаете-ли.

— Выходит, если мы сможем добраться до другой спасательной шлюпки, то у нас появится шанс выжить? — впервые за последние сутки в глазах Морриса загорелся огонек заинтересованности.

— Норм, — Букер увидел этот огонек, но все еще не мог сообразить, что к чему, — ну хоть ты мне объясни, при чем здесь Титаник и что еще за шлюпки?

— Корабль, Генри, это ангар для космического корабля.

— Так он что, пришелец? — Рита не особо хотела вступать в это странное обсуждение, но раз уж здесь все хотят расставить точки над «и»...

— Виновен, — Арчибальд широко улыбнулся и продекламировал, — Аз есмь гость из других миров, инопланетянин, пришелец, зеленый человечек и все другие расистские эпитеты, которые вы умудрились понавыдумывать. Между прочим, это крейне оскорби...

— Ах ты ж козел! — вдруг выкрикнул Букер и направил на Арчибальда свой пистолет. Пришелец среагировал быстро, вскочил на ноги и, взмахнув полой плаща, растворился в воздухе.

— Эй! — раздался голос из ниоткуда, — Норман, твой друг всегда такой агрессивный?

— Да, — ответил Букер, — особенно, если имею дело с тем, кто притащил на мою планету свой космический зомби-триппер.

— Что? — Арчибальд на секунду замолчал, а потом расхохотался так громко, что далекий отголосок его смеха был слышен даже в гостиной заброшенного дома, — Космический зомби-триппер... Не дурно, не дурно. Вот за что вы мне нравитесь, так это за ваши шуточки. По большей части они, конечно, так себе, но иногда прям выстреливает. Ну и ну, зомби-триппер... — он тяжело выдохнул, пытаясь успокоиться, — Так, ладно, вы же ребяташки совсем ничего не знаете, как я погляжу, и я бы мог вам немного рассказать.

— Но? — переспросил Моррис.

— Но в моем маскировочном устройстве садится батарея, и как только оно выключится, меня тут же пристрелит ваш вспылчивый друг.

— Да ладно тебе, Букер, — Рита решила взять роль миротворца на себя, — опусти

пистолет. Давай хоть узнаем, что к чему, пока еще есть время. Застрелишь его позже.

Букер сцепил зубы, но все же убрал оружие. Что ни говори, а в словах медсестры было зерно разума. Он действительно мог застрелить засранца позже.

Арчибальд появился на том же месте, где они застали его, сидящим на чемоданах.

— Так, — он, задумавшись, потер подбородок, — с чего бы начать? Стольким заблуждениям предстоит развеяться, хотелось бы растянуть на подольше. Пожалуй, начну с самого важного. Ума не приложу, с чего вы взяли, что все происходящее — последствия эпидемии?

— Мне рассказал отец, — ответил Моррис, — Он сказал, что давным-давно на нашу планету прибыли остатки инопланетной расы, скрывающиеся от болезни, поглощавшей миры.

— А он это сделал до того, как начал жрать грибы, или уже после? Нет, я, конечно, понимаю, что он был очень одаренным мальчиком и многое видел, но интерпретация определенно хромает. Твой отец, как и ты, являетесь яркими примерами того, что более развитым видам не стоит пытаться скрещиваться с братьями своими меньшими, даже если у них есть такая возможность. Да, мы действительно сменили несколько планет, прежде чем остановиться на вашей, и да, мы действительно беженцы. Но! Во-первых, раса была не одна, а целый зоопарк, и во-вторых — нету никакой болезни.

— Тогда, как назвать то, что творится снаружи? — язвительно прошипел Букер.

— Зачистка. Один ваш довольно талантливый ученый как-то раз сказал, что его пугает определенная мысль: «Разница в ДНК человека и его ближайшего родственника, обезьяны — всего один процент. Но именно благодаря этому проценту стали возможны такие чудеса как полет в космос. А теперь представьте существ, отличающихся от нас на такой же один процент. Страшно подумать, за кого они нас будут считать». Так вот я один из тех, что круче на процент, ну там немного больше, но это сейчас не важно. Важно то, что помимо наших с вами рас существует еще множество других. Все они находятся на разных стадиях своего развития и зачастую, находя друг друга на бескрайних просторах космоса, с радостью идут на контакт. Не спорю, бывают и войны, и непреодолимые разногласия, связанные с особенностями культур, но так или иначе, все начинается с общения. Вся глобальная экосистема галактической жизни держится на эффективных коммуникациях. Ну, это мы так думали, пока не столкнулись с Высшими.

— Высшими? — Норман нахмурил брови.

— Да, знаю, звучит слегка претенциозно, но это недостатки перевода. Хотя, в какой-то степени название действительно отражает суть. С точки зрения технологий, которые они используют — это просто высший пилотаж. Вы сейчас находитесь в небольшой, искусственно созданной складке пространства, в ангаре для космического корабля, который никогда не смогут увидеть ваши глаза. Работа его двигателей абсолютно бесшумна и в корне отличается от всего того, до чего могут додуматься все ваши самые талантливые инженеры и механики, а рассказывает это все парень в плаще невидимке. И если такие технологии кажутся вам магией, то Высшие с такой точки зрения будут подобны богам.

Когда мы встретили этих ребят, мы обрадовались, как маленькие дети. Столько всего предстояло спросить, столько всего хотелось узнать. И что в итоге? Большущее ничегошеньки.

Высшие игнорировали все наши попытки выйти на контакт, а когда мы пытались вмешаться в их абсолютно непонятные процессы, чтобы обозначить свое присутствие, они

просто сминали нас. Давили, как сапог давит муравья. Полное игнорирование.

Тогда мы решили двигаться дальше. Не хотите говорить? Ну и пожалуйста, сами разберемся. Вот только дальше кроме Высших не было ничего. Каждая планета хоть каплю пригодная для жизни была заселена ими. Они заняли добрую половину рукава. В то время как самые развитые и плодовитые расы, с которыми мы сталкивались до этого, имели в своем распоряжении планет пять, шесть, не больше, у Высших же счет шел на тысячи.

Но на этом плохие новости не закончились. По пути домой наш разведывательный флот обнаружил, что пара недавно открытых цивилизаций, ютившихся на окраинах владений Высших, бесследно исчезли, а на их планетах кардинально поменялись климатические условия и состав атмосферы. Настолько кардинально, чтобы вызвать подозрения. Наши ученые начали разбираться в чем дело, и выяснили, что такие сильные изменения были вызваны новой формой жизни, обитавшей на поверхности и подозрительно напоминавшей бывших владельцев.

Короче говоря, эти таинственные высокоразвитые засранцы плодятся как ненормальные и подминают под себя любое пригодное для жизни пространство. Самое страшное начинается, когда они натываются на другую цивилизацию. Каким-то непонятным для нас образом, они воздействуют на ее представителей, меняя их генетический код и превращая их вид в живой механизм для терраформирования. Ужасно прагматичный и хладнокровный подход. Экспансия психопатов.

Мы долго пытались разобраться, каким образом, без прямого контакта они способны на такие вещи. Мы двигались вдоль границы их распространения и предупреждали всех, кого могли найти, ютили на своих кораблях беженцев, превращаясь из разведывательного флота в какой-то табор, пока, наконец, не вернулись к нашему родному миру.

К тому времени Высшие набрали невероятную скорость. На вашей планете есть такой вид насекомых, истребляющий посевы...

— Саранча? — не задумываясь подсказала Рита.

— Именно! Они жрали планету за планетой, как какая-то саранча. И что самое страшное — абсолютно безмолвно. Пускай они с другими не хотят говорить, но между собой-то должны? Терафирмирование, колонизация, массовые передвижения, все это не может происходить без какой-либо передачи информации. Но нет, полное молчание, во всех известных нам диапазонах излучения только мертвый шум и последствия работы механизмов. Никаких осознанных сигналов.

— Ваша родная планета, они ее тоже захватили?

— Да, Норман, и не только ее. Земля была последним миром, до которого не добрались Высшие. Вся галактика теперь в их безоговорочной власти.

— Но почему они ждали так долго? Отец сказал, что вы здесь уже давно.

— Вот тут и начинается самое интересное. Когда наш скудный флот беженцев высадился на Землю, ваши предки еще только-только учились пользоваться примитивными орудиями труда. Проще говоря, колошматили друг друга по голове дубинами.

Мы не рассчитывали на длительную миссию, только немного перевести дух и накопить припасов. Всего сотню, ну может полторы сотни лет. Основной идеей и последним шансом на выживание был прыжок в соседнюю галактику. Раньше никто такого не делал, так что спешить никому не хотелось. Как у вас говорится: поспешишь — людей насмешишь.

Отправление пришлось отложить, когда один из наших... какое бы правильное слово подобрать... изобретателей? Да, когда один из наших изобретателей открыл безумную вещь.

Я в этом особо не понимаю, мое дело — история, но, как он сказал, есть такой слой реальности, в котором нет пространства, вообще, все находится в одной точке. Короче, если отправить сигнал в нуль-измерение, то его можно будет принять в любой точке вселенной мгновенно, ведь ему не нужно будет никуда лететь. И Высшие пользовались этим фокусом на полную катушку. Они через это самое нуль-измерение передавали сообщения, сканировали пригодные для колонизации планеты, и, что самое важное — транслировали особый сигнал, способный перепрограммировать организмы живых существ.

Так что, мой не в меру агрессивный человек, любящий стрелять без предупреждения, никакая это не болезнь. Никакой это не зомби-триппер, а самое настоящее вторжение. Только вместо армии Высшие посылают сигнал, который изменяет атакуемых. Схема всегда одна. Сперва, мутировавшие представители цивилизации заражают, либо уничтожают всех, кого могут, а затем используют свои тела как механизм для преобразования планеты. Ну, газы там выделяют, тепло. Тут уже от условий зависит.

— Но это никак не объясняет, — задумчиво начал Норман, — почему Высшие ждали так долго? Вы сказали, что привал планировался на сто пятьдесят лет, и, судя по вашему рассказу, человечество тогда было совсем неразвито.

— Ах, да, точно, — Арчибальд демонстративно похлопал себя по лбу, — борода. Эта история с вашей точки зрения будет выглядеть немного нечеловечной, но мне в принципе все равно, просто предупредил.

Значит так, первым делом, после открытия странного способа коммуникации Высших, появилась абсолютно логичная идея — помешать этим самым коммуникациям. Что оказалось довольно сложно, ведь передающего и получающего сигнал в сущности ничего не разделяет. Для наглядности, представьте себе двух людей, шепчущих друг другу на ухо, в то время как третий стоит в километре от них и своим криком пытается их заглушить. Глупое и бессмысленное занятие.

Как наши ученые не пытались, с какой стороны не подступались, ничего не получалось, и мы уже собирались улетать, но кое-что довольно грязное вышло на свет. Ваши обезьяноподобные предки, обитавшие в определенной близости к лагерю стали проявлять нетипичное поведение. Это было новое поколение, то, которое родилось уже после нашего прилета. Оно было гораздо сообразительнее и находчивее остальных. Довольно резкий скачек в развитии, настолько резкий, чтобы вызвать интерес.

Этот период истории Земли мне как историку особенно интересен, но, кажется, вы не особенно настроены на подробности, так что далее в двух словах.

В общем, кто-то из наших, мы так и не узнали кто, потому что этот извращенец не признался, посчитал местных волосатых самок привлекательными и, тайком уходил из лагеря в секс туры с аборигенами. Как это возможно, спросите вы?

— Нет, не спросим, — отрезала Рита.

— А я вам отвечу, — как ни в чем не бывало, продолжил Арчибальд, — В некоторых случаях у эволюции довольно узкие взгляды на развитие. Разумных, развитых рас с двумя ногами, руками и головой — пруд пруди. Удивительно то, что репродуктивные функции нашего извращенца оказались настолько похожими на ваши, или же быстро адаптировались к новым партнерам, что этого оказалось достаточно для оплодотворения. Эх, матушка природа... чего только не увидишь.

Потом мы, конечно, узнали, что большинство плодов не переживают роды или рождаются с довольно непривлекательными уродствами, зачастую несовместимыми с

жизнью, но те, кто выжил — они были удивительными экземплярами. С таким еще не сталкивался никто. Кроме повышенного интеллекта у многих наблюдались, так скажем, способности различного рода, принцип работы которых мы не постигли и по сей день.

Научный отдел отловил всех, кого только смог найти и, пока экспедиция готовилась к долгому перелету, всесторонне изучала образцы.

— Так, — возмущился Генри, — ты с образцами завязывай. Это были люди как ни как.

— Ну, вообще-то, технически еще нет, — возразил Арчибальд, но покосившись на пистолет, перефразировал, — Ладно, наши бездушные мясники жестоко издевались над обезьянами, отдаленно напоминающими человека, чтобы понять, каким образом некоторые из них способны управлять пространством.

Трудное было дельце, как мне рассказывали. Одни телепортировали себя и небольшие предметы вокруг на короткие расстояния, другие меняли свойства предметов, прямо как наш ненаглядный Норман. Вот только в отличие от него, эти мартышки не могли говорить, а, следовательно — объяснить, как они это делают, а это было крайне важно, ведь, например, в присутствии одного из таких одаренных сбила любая электроника. Он умудрялся окружать себя полем, нарушающим нормальное распространение электромагнитных волн. Кстати, именно тогда начались первые разработки альтернативной технологии невидимости, которой мы благополучно пользуемся по сей день.

Короче, после того как наши ученые разработали простую и эффективную систему общения, и обучили ей ваших предков, в темном деле вездесущего сигнала Высших появился определенный прогресс.

Опытным путем удалось выяснить, что любые проявившиеся в результате кровосмешения способности базировались лишь на одном — сознании. Гибриды силой своей воли влияли на окружающую их действительность. У многих это было спонтанной, неконтролируемой реакцией, сопровождавшей страх, своеобразным защитным механизмом. Другие же могли намеренно вызывать аномальные изменения при помощи, скажем так, фетишей, — Арчибальд показал пальцем на Морриса, — Норман в курсе, о чем я. Да, мистер волшебные чернила?

Моррис невольно потянулся к фломастеру, лежавшему в кармане куртки.

* * *

Армия Пирса обнюхивала один дом за другим, постепенно сужая круг поиска, пока, наконец, все силы не сконцентрировались на подступах к Храму Фантазий. Зброшенное здание просто смердело человеческим страхом, но никто не спешил делать первый шаг.

Пирс сверлил взглядом заколоченные окна. Сквозь фанерные листы он хотел разглядеть, чем занят человек со странным оружием. Другие двое его мало интересовали, хоть по запаху было понятно, что они тоже здесь, но этот... этот был слишком опасен.

Время шло, светоеды переминались с ноги на ногу, они переглядывались друг с другом и стрекотали в нетерпении, но генерал медлил. Чужака недооценивать нельзя, он хитер, силен и удачлив, а самое главное — живуч. С другой стороны, прямо сейчас он может составлять план обороны и придумывать фокусы, к которым просто нельзя быть готовым.

Ждать больше было нельзя, и Пирс дал отмашку своей сколоченной наспех армии наступать.

— То есть ты хочешь сказать, что Норман — далекий потомок обезьян, изнасилованных пришельцем-извращенцем? — Букер скептически приподнял бровь.

— Именно так! В смысле... стой, как-то ты все мрачно-мрачно перевернул.

— И много по земле таких ходит? — спросила Рита.

— А вот этот момент, я полагаю, вы не совсем поняли. Все современные люди, так или иначе, являются продуктом кровосмешения. В основном это никак не проявляется, ну кроме того, что вы теперь мало похожи на мартышек, но иногда аномальные мутации все же выстреливают и получаются всякие загадочные и неоднозначные исторические фигуры, которые известны своими «чудесами» или экстраординарными талантами. Будды, Иисусы, Теслы всякие...

— Будьте так любезны, — Арчибальд постоянно отклонялся от темы, так интересовавшей Нормана и это его начинало раздражать, — не могли бы вы вернуться к рассказу об излучении Высших?

— Что? Ах, да. Ответом на этот самый сложный вопрос оказалась борода.

«Борода?» — хором переспросили все трое.

— Ну, не только она, весь волосяной покров головы в целом, но у бороды был «самый громкий голос» — Арчибальд показал пальцами в воздухе кавычки, — Оказалось, что фетишем подопытного, способного создавать вокруг себя необычное поле помех, была борода. Маленький, сумасшедший сукин сын верил в то, что это не он гнет свет, не он заставляет ток в проводах останавливаться, что все делала его борода, защищая своего хозяина.

И нам ничего не оставалось, как воспользоваться этим. Пришлось сильно попотеть, чтобы направить его дар в нужное русло, а именно в нуль-измерение, при этом не затрагивая все остальные, но оно того стоило. Научный отдел составил для него индивидуальный курс генной терапии, по окончании которого наш человек-помеха практически перестал стареть. Над бородой тоже поколдовали, она теперь росла постоянно, не ограничиваясь коротким шерстяным покровом, правда остальные волосы на теле выпали, но пациент, на сколько я помню, не особо жаловался.

Примерно так мы и превратили позор в подвиг. Выродок межвидового скрещивания стал спасительным живым щитом для целой солнечной системы.

— Что-то не особо-то он и спасительный, — язвительно заметил Букер.

— Между прочим, — начал оправдываться пришелец, — схема работала отлично целых два миллиона лет и смогла бы протянуть еще столько же, если бы не... — он запнулся, и Рите показалось, что даже немного покраснел, хотя в действительности зеленая кровь, текшая по его сосудам, не давала такой возможности.

— Если бы не что? — Норман был настроен решительно.

— Если бы не идиот, ее охранявший, — он показал пальцем на себя, но тут же начал оправдываться, — Но вы бы только знали, насколько это скучная работа. Сотнями лет ничего не происходит. Одна и та же рутинная работа, которая мне абсолютно не интересна. Я всегда хотел быть историком, учился, проводил исследования, а в итоге что? Отправлен в ссылку на Аляску, просиживать зад, наблюдая за тем, как ходячий волосяной комок не делает ровным счетом ничего... Ну, зачитался разок, прозевал. С кем не бывает?

— Что случилось? — продолжал наседать Норман.

— Заявился какой-то тип с гниющей рукой и отрезал бороду. Вообще не понимаю, зачем ему это понадобилось.

— Погоди-ка, — на Букера нахлынула новая волна гнева, и он еле удержался, чтобы не пристрелить пришельца на месте, — значит, за целых два миллиона лет сверх развитая раса пришельцев не додумалась засунуть бородатую обезьяну в какой-нибудь бункер? Вы что, идиоты?

— Вот только не надо орать. Мы и так подарили этой планетке кучу времени, которого она совершенно не заслуживает. И нет, мы не идиоты, раз на то пошло. Психика бородатого была крайне неустойчива, и любое вмешательство со стороны нарушало стабильность работы искажающего поля, а поскольку он такой был в единственном экземпляре, то выбирать не приходилось, приходилось подстраиваться. Ему создали тепличные условия для спокойного и беззаботного существования там, где ваша суетливая порода бывает крайне редко — в лесах Аляски, и следили за его сохранностью абсолютно незаметно.

Вы должны понять, Земля — это планета-заповедник, а участок, на котором жил бородатый — всего лишь маленькая охраняемая его часть. Жалкие огрызки рас, сумевших пережить вторжение Высших, расселились по всей солнечной системе и скрыто наблюдали из своих убежищ за вашим прогрессом, надеясь, что рано или поздно аномальные мутации превратят вас в сверхразвитый вид, способный постоять за себя и дать отпор Высшим. Конечно, пару раз вы нас заставляли немного понервничать своими мировыми воинами, но в целом все шло хорошо. Заметили, как в последнее время ускорился научно-технический прогресс?

— В задницу прогресс, — распаялся Букер, — Сами-то вы чем все это время занимались? Два миллиона лет сидели, сложив лапки?

— Да что ж ты к этим миллионам прицепился? Вы, человеки, слишком мало живете, чтобы понять, что это не такая уж и большая цифра. Среди беженцев, например, есть такие, у которых только половое созревание пол тысячи лет, а потом брачные игры еще столько же. К тому же, есть определенные пределы развития, стеклянный потолок, в который рано или поздно упирается каждая цивилизация. Все карты были поставлены на человечество, и в случае провала эксперимента предстояла быстрая эвакуация, на которую я собственно и не успел.

Вдруг Арчибальд вздрогнул, будто его окатили холодной водой и замер, неотрывно глядя на тоннель, связывавший ангар и гостиную. Через мгновение светящиеся стены и потолок сменили свой цвет с неприятно-белого на не менее неприятный пурпурный.

— Что происходит? — Рита прикрыла глаза рукой.

— Они уже здесь, — ответил пришелец и, медленно укрывшись полой плаща, исчез.

* * *

Пирсова армия штурмовала Храм Фантазий даже не подозревая о том, что врага внутри уже не было. Один за другим светоеды издавали боевой рык, затем вставали на четвереньки и, разогнавшись, пробивали своими телами стены заброшенного здания, словно живые пушечные ядра. Они вваливались внутрь, готовые в любую секунду столкнуться с противником, но не находили его.

Казалось, атака провалилась и опасному человеку снова удалось сбежать, ускользнуть в самый последний момент, но произошло то, чего генерал Пирс предвидеть не мог.

Один из светоедов, следуя примеру остальных, вломился в дом, оставив в стене новую дыру. Влетая в гостиную, он поскользнулся на разбросанных пивных бутылках, потерял равновесие и, сделав пару неловких шагов, исчез, растворился в едва заметном мареве.

Пирс, пристально наблюдавший за ходом штурма, краем глаза заметил это исчезновение и, расталкивая остальных, ринулся к дому. Приблизившись к тому месту, где пропал один из воинов, он замер, пытаясь понять, как это произошло. Что-то необычное было в окружающем запахе, что-то фальшивое. Откуда-то взявшийся в этом затхлом и пыльном углу едва заметный ветерок свежего, кондиционированного воздуха.

Хищно оскалившись, Пирс рыскал в углу, ища нужную точку, тонкое место в ткани пространства, ведущее в искусственную складку. И он его нашел. Протянув вперед руку, он попробовал дотронуться до практически неразличимой вибрации воздуха, но пальцы, не схватив ничего, просто исчезли. Пирс с опаской одернул конечность и тут же понял, что это всего лишь иллюзия, еще одна хитрость опасного человека. За этим прозрачным туманом крылся тайный проход. Путь ли это к отступлению или же самое логово, он не знал, но способ проверить был только один.

Взревев что есть силы, генерал отдал новый приказ, начал новый штурм. Светоеды, столпившись вокруг своего временного лидера, один за другим погружались в мареву, тут же бесследно растворяясь в нем.

* * *

Когда стены стали пурпурными Букер понял, что случилось что-то не очень хорошее. Первой мыслью, которая мелькнула у него в голове, было: «Кто в своем уме вообще согласился на такой цвет?», но, когда пришелец испуганно спрятался за своим плащом невидимкой она тут же сменилась на другую, более приземленную: «Нам пиздец». Замороженный всей этой бестолковой исторической болтовней, в общей сложности ничем не облегчавшей жизнь, он совершенно забыл о том, что снаружи их искала целая толпа светоедов.

Перехватив пистолет поудобнее, Букер жестом показал Рите стать у него за спиной, а сам приготовился и прицелился. Он уже ничего не ждал от этой ситуации, не молился и не надеялся. Все его утро, привыкшее за последние дни к сплошным разочарованиям и неудачам, кричало, что это конец. Единственным выходом из ангара, или чем бы еще это место не являлось, был тоннель и ему, естественно, не дадут им воспользоваться. Да Генри, по большому счету, и не собирался. У него больше не осталось сил бороться, больше не было желания бежать, он просто хотел покончить со всем этим как можно скорее, предварительно нанеся как можно больше ущерба.

Ввалившись в тоннель, светоед растерялся, слишком чистый воздух, слишком мало запахов и явный перебор с яркостью. Шарахаясь то вправо, то влево он бился в мерцающие пурпуром стены, подобно мухе, застрявшей между оконных рам. Не слыша указаний командира, он двигался вперед абсолютно вслепую, не зная, что дальше, и надеясь только на себя. Наспех организованная военная операция превратилась для него в одиночную миссию, финал которой был явно не в его пользу.

Как только Генри увидел мечущегося из стороны в сторону светоеда, он нажал на спусковой крючок. Противник двигался хаотично и удивительно, что пуля вообще достигла цели. Левое колено светоеда в мгновение ока раздулось до размеров головы и с оглушительным хлопком лопнуло. Оторванную конечность отбросило обратно в тоннель, при этом кости во второй ноге и нижней половине туловища взрывная волна превратила в кашу.

Светоед взвыл и рухнул на пол. Он извивался, словно змея, разбрызгивая вокруг темную, почти черную кровь, будто какой-то садовый шланг для полива. Агония продолжалась всего пару секунд, пока «Глок» снова не выстрелил. Теперь целится было гораздо проще, и пуля попала прямо в голову.

— Раз, — еле слышно сказал Букер, а затем гораздо громче добавил, — Выходите по одному, ублюдки! Патрон у меня один, но хватит его на всех!

В этот момент, в момент истины, Генри забыл, что кроме него в комнате был еще кто-то. Он был полностью поглощен ожиданием неизбежного. Его чувства обострились до предела, сфокусировавшись на тоннеле, как яркий луч прожектора, устремленный в ночное небо.

Рита стояла позади Букера и не думала ни о чем. Она наслаждалась тишиной, такой прекрасной и успокаивающей тишиной в ее голове. Больше не было назойливого образа дома, больше не было звона за правым виском, то и дело вклинивавшегося в ход мыслей. Теперь, когда тайник найден, и последняя воля Чипа выполнена, он замолчал, как замолкает сытый младенец в любящих объятиях матери.

В этот момент, в последний момент затишья перед бурей, Генри Букера и Риту Босси объединяло одно — они оба не замечали, чем занят Моррис. Он, оттащив подальше вглубь помещения тяжеленные чемоданы, на которых сидел пришелец, вскрыл их. Затем, усевшись на пол, начал доставать один за другим из чемоданов слитки золота и складывать их перед собой. Он старался, чтобы их грани как можно плотнее касались друг друга, ведь иначе возникал определенный риск того, что цепной реакции не хватит массы для выполнения необходимой задачи.

Несмотря на всю бравату, которой себя пичкал Букер, готовясь к неминуемой смерти, несмотря на все ужасы, которые довелось ему увидеть в последние несколько дней, картина, развернувшаяся перед ним, все же смогла заставить его снова ощутить первобытный, животный страх.

Целая армия светоедов во весь опор неслась по тоннелю. Множество серых, извивающихся конечностей и тел заполняли просвет, контрастируя серостью своей кожи с пурпуром стен и потолка.

— Матерь божья, — только и успел прошептать Генри, как его тут же накрыло живой волной. Служебный «Глок» успел сделать еще один выстрел, прежде чем хватка хозяина ослабла, но это не изменило ровным счетом ничего. Последним, что увидел Букер, перед тем, как отключится, было уродливое лицо Джеральда Пирса и это лицо улыбалось.

Рита, принимая свою судьбу, просто зажмурилась и невольно пискнула, когда один из светоедов повалил ее с ног и впился зубами в шею. Сознание медсестры быстро померкло, а вместе с ним и тень Чипа Дугласа в правом виске.

Норман не смотрел. Он знал, что сейчас его друзей разрывала на куски серая толпа, он знал, что часть ее уже приближается к нему, предвкушая победу, но все равно не смотрел, потому, что все его внимание было приковано к золоту и истрепанному перу фломастера,

которое медленно, не давая ни единого шанса ошибке, выводило на поверхности металла сложный узор. Рука Нормана дрожала от усталости, но это совсем не мешало ритуалу начертания, ведь он уже рисовал похожий узор раньше, на пистолете Генри.

Судорожно обдумывая все возможные и невозможные варианты выхода из сложившейся плачевной ситуации, Моррис какую-то долю секунды колебался перед тем как вскрыть чемоданы пришельца, но обнаружив, что они оба под завязку набиты золотом, ни капли не пожалел о своем решении. При виде желтых слитков способность импровизировать, соображать на лету, которой так сильно ему временами не хватало, наконец, проявила себя, выдавая до безумия рискованный план, и Норман решил пойти ва-банк.

За мгновение до того, как его самого должно было накрыть волной воющих в припадке ярости светоедов, Моррис успел сделать последний штрих и закончить рисунок. Вся энергия, содержащаяся в слитках золота, повинувшись воле Нормана, в одночасье вырвалась наружу. Взрыв ужасающей силы деформировал саму ткань пространства-времени, искажал его, закручивал в петлю, обращая ход событий вспять.

Часть двенадцатая

Кровь с молоком

— Слушай, Пит, — Букер достал из нагрудного кармана рубашки небольшой черный блокнот, в котором обычно делал рабочие заметки, открыл его на чистой странице и начал что-то рисовать, — тебе кошмары снятся?

Деннис, не ожидая подобного вопроса, нахмурился и посмотрел на напарника. Не успела смена начаться и тут на тебе.

— Это ты к чему?

— Так, просто, для поддержания разговора.

— Интересные дела, — он удивленно хмыкнул, — Никогда еще не слышал, чтобы с таких вопросов беседы начинали. Погода там, политика, новости всякие — это я понимаю, но кошмары...

— Так сняться или нет?

— Ну а ты как думаешь? Конечно, снятся. Они всем когда-то да сняться. А что?

— И что в них?

— В смысле, и что в них? — Деннис еще раз посмотрел на Букера, но тот продолжал задумчиво рисовать.

— Что обычно происходит в твоих кошмарах?

— Ох и вопросыки у тебя сегодня... Ну, по-разному бывает. Так-то я не запоминаю обычно. Было пару раз, что падал с высоты. Что за высота и как я на ней очутился, не знаю, оно во сне всегда так, но падать было страшно. И что самое главное, никогда не показывают самый конец, как разбиваешься. Всегда в последнюю секунду просыпаюсь, а ощущение такое, будто внутри все оборвалось, — он недовольно заерзал и пассажирское сиденье «Форда» жалобно скрипнуло под его необъятным задом.

— А ты, когда просыпаешься, кричишь? — Букер на секунду остановился, разглядывая получившуюся каракулю, затем повернул блокнот на девяносто градусов и продолжил рисовать.

— Кричу? — недоумевающе переспросил Дэннис, — Нет, вроде не кричу. Вот дергаюсь, это да, бывает. Месяца два назад приснилось, что играю в бейсбол. Хрен его пойми на кой оно мне, я-то больше по футболу, но не важно. В общем, выхожу я, значит, на поле, с битой, в форме, все как положено. Становлюсь, значит, замахваюсь и жду подачу. Народ на трибунах орет, беснуется, флажками машет, видимо я там звездой какой был. В общем, питчер, здоровый такой мужик, как медведь, бросает мяч, и видно, что прям со всей силы бросает. Эта гадина летит так быстро, что мне аж страшно становиться. Думаю, ну все, если не отобью — точно прибьет. Машу, значит, я битой и даже попадаю по нему, но как-то так плохо попадаю, самым краем. Короче, мяч рикошетит и все с той же скоростью мне прямо в лицо летит. Я, значит ка-а-к дернусь, и Марси рукой прямо в челюсть ка-а-к дам! — вместо смешка из Денниса по обыкновению вырвался тихий хрюк, — Она потом неделю синяк замазывала своими тоналками. Так, а это, ты к чему вообще спрашивал?

— Да ни к чему, не обращай внимания.

— Не, ты это завязывай. Сказал А, говори и Б. Если кричишь во сне — так и скажи. У нас в отделении психолог так себе, но я знаю одного хорошего, могу телефон дать. А то мне как-то с шизиком работать боязно, вдруг покусает?

— Ой все, хорош. Никакой я не шизик, просто... — Генри опустил ручку, — просто сон дурацкий приснился.

— Да они все дурацкие, не обращай внимания.

— Меня там целая толпа каких-то уродов живьем ела, а вокруг все сиреневое, пол, стены, потолок.

— Ого, — только и смог выдавить Дэннис.

— Да, ого. Проснулся от того, что ору во все горло, а сердце колотится как после марафона.

— А что еще там было, ну, во сне твоём?

— Не знаю, — Букер пожал плечами, — больше ничего не помню.

— Тьфу ты, — Дэннис добродушно улыбнулся, — а я уши развесил, думал история будет. Не забивай голову, с каждым случается. Обычный кошмар.

— Да я и не забиваю, просто решил узнать, бывало ли у тебя такое? Ладно, — он вырвал листок с каракулями, скомкал его, и хорошенько прицелившись, бросил в урну, стоящую на тротуаре, — тут недалеко есть кофейня одна, неплохой капучино делают. Ты как?

— Никак. Марси сказала, что мне нужно следить за здоровьем. Теперь по утрам салаты жру и чаем запиваю.

— Чаем так чаем, — ухмыльнулся Букер, — хорошо еще, что не водой.

Он завел двигатель и медленно надавил на педаль газа. «Форд» поехал в сторону недавно открывшейся кофейни, а позади, на дне мусорной урны лежала скомканная страничка из полицейского блокнота, твердая как сталь.

* * *

Саймон в нерешительности остановился перед дверью сестринской. Он отчаянно пытался придумать предлог, под которым мог бы пригласить Риту на свидание. Он частенько так делал, слишком много думал, вместо того, чтобы просто спросить. Саймон останавливался у порога или за углом, в общем коридоре, и начинал продумывать свои действия наперед. Естественно ни к чему хорошему это не приводило. Всегда, вместо того, чтобы просто отдаться течению и доверить все дело случаю, он начинал анализировать, а вместе с этим и сомневаться. К слову, сомнений было гораздо больше чем анализа. Целыми стаями настырные «А что, если?» лезли в голову, давя любые проявления надежды на лучший исход. А что, если она откажет? А что, если он не в ее вкусе? И самое страшное — а что, если у нее есть парень? Каждый раз он сдавался именно на этом ЕСЛИ. Конечно, у нее есть парень, Мэй, не глупи. Как у такой красотки его может не быть? Он какой-нибудь спортсмен на крутой тачке или успешный менеджер, в легкую летящий по карьерной лестнице к финансовым небесам. А ты кто? Всего лишь обычный санитар в дурдоме. Куда тебе?

Этот раз не был исключением. Очередное ЕСЛИ в забитой комплексом неполноценности голове Саймона победило и он, проиграв битву, даже не начав ее, повернулся уходить, как вдруг двери сестринской распахнулись. Рита, впопыхах выскочившая в коридор, не заметила санитаря, врезалась в него и, потеряв равновесие, начала падать. Мэй ловко ее подхватил.

— Ой, — она тут же встала на ноги и принялась поправлять халат, — извини, Сай, я

тебя не увидела.

— Ничего страшного, — ответил он, изо всех сил стараясь не краснеть (не получилось), — бывает.

— Ты что-то хотел?

— Да, в общем-то... я как бы... — при виде прекрасных карих глаз Риты, особенно в такой близости, его нервная система всегда начинала сбоить, а во рту пересыхало, — может быть это, как его...

— Сейчас, подожди, — перебила она его, при этом сощурившись и заткнув пальцем правое ухо, словно в него кто-то громко кричал, — никуда не уходи.

В этот день больные вели себя на удивление прилично. Пирс и Бун, неразлучная парочка, смотрели по телевизору какую-то передачу про пингвинов. В дальнем углу за столиком четверо собирали пазл из тысячи кусочков. Еще двое просто таращились в окна на свободу, которой им явно было не видать. Бритни, как обычно стоял подальше от основной массы, наблюдал за всеми и бурчал себе под нос какую-то белиберду.

Рита, продолжая держать палец в ухе, к слову это ее ничуть не портило, вышла в центр игрового зала. Она медленно осмотрелась по сторонам, будто кого-то искала, затем ткнула свободной рукой в одного из парней за столом и гаркнула своим командным голосом: «Гибсон!»

От неожиданности бедолага даже слегка подпрыгнул на месте.

Рита быстро преодолела расстояние, разделявшее ее и жертву, остановилась возле столика и протянула вперед раскрытую ладонь.

— Давай не будем усложнять друг другу жизнь.

— Что? — непонимающе переспросил обвиняемый.

— Сам знаешь, что, — процедила сквозь зубы медсестра, — Не заставляй меня звать санитаров и просто отдай.

Гибсон в поисках хоть какой-то поддержки посмотрел на своих соседей по паззлу, но они только отстранялись то него еще дальше. Никому не хотелось попасть под раздачу.

— Ладно, — он недовольно скривил лицо и достал из дырочки в балахоне, той в которую продевается веревка, пару пилюль, — вот.

Он протянул их медсестре.

— Так-то! — Рита торжествующе приняла добычу и небрежно бросила пилюли в карман халата, — Ты же понимаешь, что я буду вынуждена доложить об этом? Доктор Грант будет очень недоволен твоим поведением. Возможно, даже переведет тебя в одиночную палату.

— Нет, только не в одиночку, — взмолился Гибсон, — Пожалуйста, только не в одиночку.

— Ладно, будешь должен, — медсестра широко улыбнулась и, демонстративно поглядывая на других пациентов, вернулась в коридор.

После такого представления многие начали шушукаться, а Бун разочарованно толкнул Пирса локтем, оповещая его о том, что очередной хитроумный план побега придется отложить. К слову, Пирс как всегда находился в плену своих галлюцинаций и, естественно, ни о каком плане не знал.

— Так что ты хотел спросить? — поинтересовалась Рита у Саймона.

Он ответил не сразу, собирался с мыслями.

— Ловко ты его. А откуда узнала, что он прячет таблетки?

— По правде говоря, я и не знала. Просто мне показалось, что он что-то скрывает, — она машинально потерла висок, — вот и решила, что стоит его испытать. Повезло, наверное, но в следующий раз придется следить за ним. Мало ли чего?

— Может у тебя дар ясновидения? — решил отшутиться Саймон, чувствуя приближение того самого разговора, — Я в передаче видел, как люди угадывают разное...

— Может быть и так. И все же, что ты хотел спросить?

Санитар открыл было рот, но не смог больше выдать из себя ни единого слова. Они все мигом куда-то сбежали из его головы, забыв выключить перед уходом свет и запереть двери.

— Хорошо, — Рита решила облегчить задачу и по киношному приложила пальцы ко лбу, — Приготовься, сейчас я воспользуюсь своим даром ясновидения, чтобы прочитать твои мысли. Вижу... вижу твой вопрос, — она специально растягивала слова, как обычно это делают гадалки на ярмарках, — и ответ на него — Нет!

«Ну, я и дурак, — подумал Мэй, — она все время знала, что я на нее запал и тайком смеялась надо мной. Смеялась и ждала удачного случая, чтобы поиздеваться».

— Нет, Саймон Мэй, — продолжила Рита, тем самым прерывая разыгравшуюся бурю самоедства в его голове, — у меня никакого парня.

От удивления Саймон замер, не зная, как поступить, а его рот медленно открывался, придавая лицу еще более глупый вид.

— Ну, ты будешь меня приглашать или как?

— А? Да, конечно. Может, сходим куда-нибудь сегодня после смены?

— С удовольствием сходим, Сай, с удовольствием. Только давай все вечером обсудим, а то у меня телефон звонит.

— Договорились, — кивнул санитар, но тут же осекся, — Какой, телефон?

Вдруг, из сестринской раздалось громкое пиликанье.

— Этот, ты что, не слышишь? — не дожидаясь ответа, Рита юркнула в открытую дверь и сняла трубку, — Мужское крыло, — по протоколу начала она и замолчала, слушая собеседника, — К кому?.. Неужели?.. А он договаривался?.. Нет, конечно, сейчас приведу, — она повесила трубку и удивленно посмотрела на Саймона, — Представляешь, к Бритни пришел посетитель.

* * *

Феликс Ходж, задумчиво нахмурившись, читал новости на своем мобильном. Его мать недавно погибла в авиакатастрофе, после чего обыденные перелеты превратились в настоящую пытку. И сейчас, сидя в среднем ряду семьсот сорок седьмого, подальше от иллюминаторов, он всеми силами старался абстрагироваться, отстраниться от происходящего. Телефон ему в этом хорошо помогал, особенно, если уткнуться в него носом, чтобы не видеть самолетный интерьер и забыть про землю, с бешеной скоростью проносящуюся где-то там, далеко-далеко внизу.

Большинство издательств мусолили одну и ту же тему, которая пару дней назад взбудоражила мировую общественность. «Феномен потери времени» — так обозвали газетчики это странное явление. Популярные, и не очень, ток-шоу готовы были поубивать друг друга, лишь бы раньше конкурентов заполучить в свою студию какого-нибудь важного

астронома и выпытать у него ответ, что же все-таки произошло? Астрономы, в свою очередь, только разводили руками и повторяли друг за другом одну и ту же туманную отговорку: «Все звезды сдвинулись, и мы не знаем, что это значит».

Один любитель понаблюдать за ночным небом выложил в сеть видео, где проанализировал увиденное в свой дорожный телескоп и выдвинул теорию о том, что неведомые силы поставили всю солнечную систему на паузу на целых два с половиной месяца, пока галактика продолжала двигаться дальше. Сумасбродная идея, но фанатам различных теорий заговоров, чудилам, верящим в плоскую землю и парням в шапочках из фольги она пришлась по душе. Видео до сих пор держалось в топах.

От чтения Феликса оторвала вышедшая из-за шторки стюардесса.

— Господа пассажиры, — произнесла она в трубку, и ее голос повторили небольшие динамики над креслами, — по непредвиденным обстоятельствам посадка в международном аэропорту Анкориджа в ближайшее время не возможна. Если в течение часа вопрос не решится, мы будем вынуждены изменить маршрут. Наша авиакомпания приносит извинения за причиненные неудобства.

Феликс откинулся на спинку сидения и тяжело выдохнул. Теперь он точно не успеет в Ик до бури и придется переждать ее в Анкоридже. Этому ему хотелось меньше всего, застряв на несколько дней в незнакомом городе, да еще и в непогоду... Но может быть все не так плохо? Может, обойдется? Он снова включил телефон.

В #АэропортАнкориджа бомба!!! Всех вывели наружу. Похоже отпуск отменяется:(

Извини, дорогая, сегодня домой не попаду. #АэропортАнкориджа заминирован.

И еще множество подобных сообщений.

«Не обойдется, — подумал Феликс, перелистывая экран за экраном, — нужно позвонить пилоту и отменить встречу»

* * *

Для первого дня ноября на улице было на удивление тепло. Дожди, лившие без остановки почти неделю, закончились, и дали возможность слабейшему солнцу еще хоть немного погреть перед наступлением зимы.

— В первую встречу никаких телесных контактов и передач, — объяснял правила санитар, недовольно щурясь, — Можете погулять здесь немного, но старайтесь от лавки далеко не уходить. Он у нас не буйный, так что волноваться не о чем, но я все равно буду неподалеку, на всякий случай. Если что — кричите. У вас двадцать минут.

Закончив заученную тираду, он отпустил Бритни и отошел в сторонку.

— Привет, отец, — ухмыльнулся Норман, — Рад, наконец, встретить тебя живым.

Старик Бритни ничего не ответил, он пристально всматривался в стоявшего перед ним тридцатипятилетнего мужчину, одетого в дорогое строгое пальто и костюм тройку. После больничных халатов, униформ и изношенной спортивной одежды такой наряд выглядел весьма эффектно.

— Извините, — наконец сказал старик, — мы с вами знакомы? Просто дедушке дали укольчик, а когда ему дают укольчик, он плохо думает.

— Садись, — словно не заметив вопроса сказал Норман.

Бритни послушно сел на лавку и, не отвлекаясь от разглядывания костюма, протянул, — Вы очень похожи на моего мальчика, Нормана. Он славный паренек, правда, гораздо моложе вас и одевается поскромнее. Он должен был меня навестить. У нас с ним очень важное дело, только тсс, это секрет, — он приложил указательный палец к губам, а затем ехидно захихикал.

— Я исправил положение, отец, — Норман сел рядом, — Я девять раз отматывал все вспять, только чтобы понять, на каком рейсе он летит. Мне пришлось нарушить закон, позвонив в аэропорт, но теперь у меня есть время, у всех есть время...

— Это просто замечательно, мистер, — Бритни пододвинулся поближе и одобрительно положил руку ему на плечо.

— Никаких контактов! — гаркнул санитар.

Старик с демонстративно равнодушным видом отмахнулся от замечания, но все же отсел подальше.

— Но это не решение проблемы, отец. Я только устранил симптом, дал отсрочку.

— О, мистер, тогда вам просто необходимо поговорить с доктором Грантом. Он очень хорошо разбирается в симптомах. Один раз, когда Пирсу стало совсем дурно, он такую таблетку ему дал, что тот спал целых два дня. Мне такого не дают...

Последнее предложение Бритни произнес с нескрываемым разочарованием и Норман начал сомневаться, нужна ли ему вообще такая помощь? Как можно полагаться на человека, чье сознание затуманено лекарствами, и ему это нравится? Но особого выбора не было.

— Я пришел попросить тебя кое о чем, — после непродолжительных раздумий продолжил Норман.

— Это вы зря. У меня ничего нет. Все вещи забирают, когда привозят сюда.

— Ты должен провести меня кое-куда. Понимаешь?

— Нет, мистер, не понимаю, — старик растерянно пожал плечами, — Здесь кроме двора и зала для игр ходить некуда, а в другие места меня не пускают, так что проводник из меня совсем никудышный.

— Ты помнишь, как рассказывал мне про болезнь, поглощающую целые миры? Вспомни, отец, постарайся.

Бритни снова посмотрел на своего собеседника, но на этот раз в глазах старика отчетливо читалось не обычное лукавство, а сильное умственное напряжение. Он будто через много-много лет встретил своего старинного друга детства и пытался вспомнить его имя.

— Норман? — наконец смог выдать он из себя, — Сынок, это ты?

— Да, отец, это я.

— Господи, как же ты повзрослел.

— Сейчас не время для сантиментов. Я должен закончить начатое, и ты должен мне в этом помочь.

— Но я не понимаю...

— Та болезнь, о которой ты рассказывал мне в детстве, та, к приходу которой ты готовил меня — это вовсе не болезнь, а вторжение.

— Вторжение, — повторил за сыном Бритни и озадаченно потер лоб. Действие

лекарства ослабевало, но мысли все еще путались, и текли медленно, словно кисель.

— Да, инопланетное вторжение сверхразвитой цивилизации, которая, судя из того что я узнал, не воспринимает человечество как носителей разума. Они никого так не воспринимают.

— Вторжение инопланетной цивилизации, — опять повторил Бритни, переосмысливая все происходящее, и химия в крови никак не ускорила процесс.

— Я хочу, чтобы ты вспомнил свое видение, чтобы ты вспомнил, откуда они пришли, где их родной мир. А затем ты должен будешь провести меня туда.

Теперь, когда Бритни постепенно приходил в себя, слово «провести» в его голове приобрело нужный контекст, и старик испуганно взглянул на сына.

— Нет, Норман, не заставляй меня. Ты же знаешь, ОН мне не разрешает. ОН говорит что я не должен больше путешествовать, это слишком опасно.

— Передай ЕМУ, что этот риск оправдан. Ты проведешь меня прямо в сердце Высших, и я расскажу им, кто мы такие. Я объясню им, что есть и другие виды, что есть те, с кем стоит считаться.

— А что если они не послушают, что если не поймут, или не заметят?

— Отец, я купил этот дорогой костюм, чтобы от лица всего человечества прийти с ветвью мира к существам, способным покорить галактику и надеюсь на успех. Но раз ты настроен иначе, то поспешу тебя заверить, что у меня было много времени все обдумать и как следует подготовиться, — Норман одним ловким движением оттянул рукав пальто, оголяя запястье и часть предплечья. Вся кожа руки, которую скрывала одежда, была плотно усеяна множеством закорючек и черточек, — Если мирные методы не подействуют, тогда я готов показать им, что значит истребление. Я сам устрою вторжение, и тогда они точно все поймут. А если не поймут, тогда я окрашу Млечный путь в цвет их крови, какой бы она не была, хотя было бы крайне неловко, окажись она белой.

— Сынок, — Бритни немного отстранился и заглянул в глаза Норману, — я тебя таким не помню.

— С последней нашей встречи я много пережил и не сказал бы, что это был положительный опыт. Девять раз на моих глазах человечество прекращало свое существование, а я все равно продолжал пытаться. И теперь, когда у Земли снова есть время, а я прошел половину пути, ты просто не можешь сказать мне «нет».

Старик взволнованно облизал беззубые десны. Умственное усилие помогло ему вспомнить основную причину, по которой он находился в Бриджуотере. Не ради лекарств, хоть, признаться, они и доставляли немало странного удовольствия, не ради ночных бесед о жизни с санитаром, а ради встречи с человеком-аномалией, с тем, кто способен изменить все. И раз уж она состоялась, то смысла сдавать назад уже просто нет.

— Ничего не обещаю, но попробую.

Он закрыл глаза и взял сына за руку. Нижняя губа Бритни дрожала, а страх ошибиться как тогда, в детстве, буквально выдавливал воздух из легких, но он все же осмелился, заглянул глубоко в себя, сквозь пелену транквилизатора, и спросил у НЕГО, у соседа по разуму.

ОН впервые за долгие годы ответил — да.

— Я же сказал, никаких контактов, — опять гаркнул санитар, увидев, как пациент и навещающий держались за руки, но на него не обратили внимания, — Окей, хотите по-плохому, значит, будет по-плохому. Свидание окончено!

Он быстрым шагом направился к лавочке, а когда до нее оставалось всего пару метров, раздался хлопок, и Норман с Бритни просто исчезли, будто их здесь никогда и не было. Санитар остановился и в недоумении огляделся по сторонам.

— Куда это они подевались? — Саймон прижался лицом к стеклу, пытаясь получше рассмотреть больничный двор, но решетка и расстояние не давали этого сделать.

— Кто? — поинтересовалась Рита, незаметно подкравшаяся сзади, и Мэй от неожиданности подскочил на месте.

— Напугала... тебе колокольчик на шею нужен. Бритни и тот тип, что пришел его навестить. Они только что сидели на лавке, а когда я моргнул — пропали.

Рита выглянула через его плечо в окно и равнодушно пожала плечами.

— Не знаю, гулять, наверное, пошли.

В действительности, она прекрасно знала ответ, он как-то сам собой пришел к ней в голову, но звучал он настолько странно, что она так и не решилась его озвучить.

«Отправились на войну с богами»

Больше книг на сайте — Knigolub.net